

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.А. БУНИНА»

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

КАФЕДРА ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

**В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН:
БУНТ, ВОССТАНИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ
В XVII – НАЧАЛЕ XX ВВ.
В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ**

*МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ*

Елец, 21-23 сентября 2017 г.

Елец – 2017

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
В 11

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
от 30.01.2017., протокол № 1*

**Издание сборника осуществлено при финансовой поддержке РФФИ
(отделение гуманитарных и общественных наук) и
Администрации Липецкой области, проект № 17-11-48501 з (р).**

Под редакцией:

Н.А. Тропина, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории и археологии, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»;

Д.В. Щукина, кандидата исторических наук, доцента, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»;

О.В. Клевцовой, кандидата исторических наук, доцента, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Рецензенты:

В.Н. Глазьев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»;

О.А. Саввина, доктор педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

В 11 В эпоху перемен: бунт, восстание и революция в XVII - начале XX вв. в российской провинции: материалы Всероссийской научной конференции (21-23 сентября 2017 г., г. Елец). – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2017. – 210 с.
ISBN 978-5-94809-936-1

В настоящем сборнике представлены доклады участников Всероссийской научной конференции «В эпоху перемен: бунт, восстание и революция в XVII - начале XX вв. в российской провинции», посвященной 100-летию революционных событий 1917 года в России, которая состоялась 21-23 сентября 2017 г. в ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», г. Елец. Материалы охватывают широкий спектр тем и направлений изучения пространства политической истории России «эпохи перемен» XVII – начала XX веков. Сборник будет интересен широкому кругу читателей.

Материалы публикуются в авторской редакции, авторы несут ответственность за содержание предоставленных материалов.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-94809-936-1

© Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Анфертьев И.А. Основные направления деятельности ЦК РКП(б) в конце 1917-го – начале 1920-х гг. (по документам Центрального комитета РКП(б))	6
Ашихмина Е.Н. Установление Советской власти в Орловской губернии.....	24
Балыкина М.И. Участие провинциального дворянства в подавлении восстания Степана Разина (на примере Нижегородской служилой корпорации)	46
Вартумян А.А., Корниенко Т.А. Февральская революция 1917 г. в России и новая революционная реальность: зарождение новых ритуалов и символов	54
Дорохова Д.А. Борьба крестьян Воронежской губернии против введения уставных грамот в 1861-1862 гг.	58
Егоров А.Н. Политическая позиция либералов Европейского севера России в годы первой русской революции...	65
Жиров Н.А. Крестьянство аграрного центра России в условиях социально-экономических потрясений начала XX в.	73
Карпачев М.Д. Феномен крестьянского консерватизма в России (к вопросу о социальных истоках революции)	81
Клевцова О.В. Реформирование системы образования в первые десятилетия Советской власти	89
Кондратенко А.И. Судьба русского интеллигента: юрист и публицист Николай Каринский и события XX века	97
Латышев О.Ю., Ковалёв Э.В. Революция 1917 года как источник возрастания детской беспризорности	110
Ляпин Д.А. Народные волнения в России в середине XVII в.: мятежники у власти.....	118
Ляпина С.М. Стрелецкий бунт 1682 г.: изображение реального события в научной и художественной литературе (на примере произведений С.М. Соловьева и В.С. Соловьева)	124
Мунжукова С.И., Петров И.В. Влияние первой русской революции и столыпинских реформ на сельскую жизнь Смоленской губернии (по мемуарам Б.А. Энгельгардта)	133
Невежин В.А. Калужский посад в Смутное время.....	144
Подоксёнов А.М. Ф.М. Достоевский и Октябрьская революция: точка зрения Михаила Пришвина	150
Рощупкин А.Ю. Взгляды на царскую власть служилого казачества юга России в XVII веке	158

Сайдумаров Х.Ш.	История таджикоязычной печати в годы революции на рубеже XIX-XX столетий	166
Седова О.В.	Проблемы народного образования в дореволюционной России в произведениях Д.Г. Булгаковского	170
Сороковых И.Н.	Революционные события в Ельце начала XX века глазами очевидцев	178
Тропин Н.А.	Петербургский полицмейстер против рабочих: несостоявшаяся стачка на механическом заводе «Русского общества» в 1879 г.	188
Фурсов В.Н.	Крестьянское движение в Центрально-Черноземных губерниях в ответ на реформу 1861 года	195
Щукин Д.В.	Повседневность революционных событий 1917 года в России в дневниках и воспоминаниях членов партии Народной Свободы (кадетов)	199
Сведения об авторах		209

ПРЕДИСЛОВИЕ

21-23 сентября 2017 года в ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», г. Елец состоялась Всероссийская научная конференция «В эпоху перемен: бунт, восстание и революция в XVII – начале XX вв. в российской провинции». Форум был организован и проведён при поддержке РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) и Администрации Липецкой области (проект № 17-11-48501 г (р)).

В научной конференции приняло участие более 30 исследователей из научных и высших учебных заведений Воронежа, Орла, Липецка, Мичуринска, Белгорода, Тамбова, Москвы, Нижневартовска, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Пятигорска, Армавира, Нижнего Новгорода, Череповца.

Актуальность проблематики конференции связана с осмыслением социально-политических реалий современного мира и опыта исторических исследований революций как методологической основы для понимания феномена экстремизма и массового протеста. Важность проведения данной научной конференции в стенах Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина можно рассматривать как обмен опытом ведущих ученых на научной площадке молодого университета.

От редколлегии

Анфертьев Иван Анатольевич
кандидат исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России, новейшего времени,
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный
университет», г. Москва,
e-mail: vestarchive@gmail.com

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦК РКП(б)
В КОНЦЕ 1917-ГО – НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.
(ПО ДОКУМЕНТАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РКП(б))**

Аннотация: В статье на основе документов Центрального комитета РКП(б) анализируется деятельность правящей партии по преодолению социально-экономических кризисов конца 1917 г. – начала 1920-х гг. В 1917 г., и в последующие годы руководство РКП(б) не собиралась делиться властью, а тем более ее уступать. Для этого были предприняты беспрецедентные меры: разгон всенародно избранного Учредительного собрания; развязана гражданская война и террор против собственных граждан; были созданы, вооружены и наделены чрезвычайными полномочиями партийные надгосударственные институты и государственные спецслужбы; при отсутствии законодательной базы в упрощенном порядке действовали революционные трибуналы; созданы концлагеря; политических противников новой власти преследовали по уголовным статьям. Чтобы замаскировать собственные намерения по удержанию власти, руководством РКП(б) был запущен в политический лексикон термин об установлении в стране новой власти в форме «диктатуры пролетариата», партия была объявлена передовым отрядом рабочего класса.

Ключевые слова: Политбюро ЦК РКП(б), Учредительное собрание, Совет народных комиссаров, диктатура пролетариата, советская власть.

В условиях, когда современная политическая система России во многом формируется на основе конкуренции различных партий, а конституционное большинство в парламенте принадлежит одной из них, особое значение приобретает исследование процесса вхождения в управление страной правящей партией большевиков. В этой связи интерес представляют как современные исследования [4, с. 115-128; 76, с. 113-121; 77, с. 7-28; 90, с. 50-64], так и архивные документы [4, с. 459-473; 98; 109], характеризующие непростые, а зачастую и трагические аспекты поиска новой модели государственного устройства и управления экономикой; развязывания гражданской войны; ликвидации многопартийности; внутрипартийной борьбы как в высшем руководящем слое партийных органов, так и на региональном и ведомственном уровнях; формирования партийной номенклатуры и всевластия партийного аппарата; взаимоотношений партийных органов с рабочим классом, крестьянством, другими социальными слоями и группами граждан.

Еще в начальный период общественно-политических изменений в нашей стране, с конца 1980-х гг., в исследовательском сообществе начали вызывать повышенный интерес малоизученные проблемы советского прошлого, в первую очередь сталинизма [127, с. 167-224, 264-329; 80, с. 6-28; 48; 52, с. 47-94; 59, с. 9-22; 61, с. 72-481; 93, с. 92-165], тоталитаризма [8], массового насилия в отечественной истории прошлого столетия [13; 14, с. 3-102, 120-143; 25; 73, с. 13-53, 139-439; 97, с. 7-94; 126, с. 7-17], в особенности причин, по которым большевикам удалось удержать однопартийную власть [78, с. 9-129; 136, с. 12-63]. Анализ деятельности большевиков после Октября 1917-го года позволяет предполагать, что у руководства партии на момент захвата власти отсутствовал план нового государственного устройства [18, с. 22-32, 63-83], как не было ни одного человека в новом правительстве, Совете народных комиссаров, имевшего хотя бы минимальный опыт управления государством, тем более таким кризисным государством, как бывшая Российская империя [39, с. 236-297; 89]. Не обладал знаниями и соответствующими навыками в государственном управлении лидер правящей РКП(б), основатель Советского государства В.И. Ленин [20; 75, с. 356-415; 111, с. 10; 131, с. 154-227, 324-334; 114, с. 350-420, 442-512]. Осенью 1917 г., еще до захвата власти, он указывает на основные причины неизбежного в перспективе обострения кризисной, иначе говоря, революционной ситуации в стране: необоснованное затягивание Временным правительством, под видом необходимости завершения войны, созыва Учредительного собрания; продолжающегося «передела» собственности («деления» по партийному признаку кадетами, эсерами, меньшевиками и другими так называемыми «мелкобуржуазными» партиями) прибыльных местечек сверху донизу в государственной машине. Все эти признаки обострения социально-политического кризиса неизбежно вызывают, утверждает Ленин, растущую ненависть пролетариата и других угнетаемых классов к буржуазии [67, с. 31].

Но на одной ненависти, даже и справедливой, государство построить невозможно. На основе изучения трудов В.И. Ленина, посвященных государственному строительству, Э.Л. Розин пришел к выводу, что он не был знаком с трудами ведущих на тот период государствоведов, которыми «рассматривались проблемы власти и властных отношений, акты властвования и акты подчинения, свойства государственной власти, ее публичность, всеобщность, политический характер, организация государственной власти, носители государственной власти, государственные функции и их распределение, признаки государства, суверенитет и независимость, пределы государственной власти, связанность государства правом, соотношение государства и личности, права личности и др. Все эти названные проблемы на протяжении всей публицистической деятельности Ленина – вне его поля зрения» [111, с. 10].

Об отсутствии у большевиков плана в свое время писал английский писатель Г.Д. Уэллс, который в книге «Россия во мгле» так изложил свои впечатления от выступления В.И. Ленина на открытии I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства: «Те, которые заняты тяжелой работой свержения капитализма, должны быть готовы к тому, чтобы пробовать метод за методом до тех пор, пока они не найдут тот метод, который лучше всего отвечает их цели» [16,

с. 79; 72, с. 379]¹. А цель была определена: «Пролетариату, - отмечал Ленин, - необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления эксплуататоров, и для руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле “налаживания” социалистического хозяйства» [67, с. 26]. И большевики, их правящая группа – «узкий состав ЦК», в 1917 г. приступили к овладению государственной властью [27, с. 388-751; 130, с. 111-121]. Первая попытка, всем хорошо известная, состоялась 24-25 октября (7-8 ноября) 1917 г., когда было арестовано Временное правительство и II Всероссийским съездом Советов утвержден Совет народных комиссаров (СНК), так называемое Временное рабоче-крестьянское правительство. Впоследствии, в советской историографии, именно эта дата и считалась отправной точкой новейшей истории нашей страны, отмечалась на государственном уровне как утверждение советской власти [29, с. 117-179, 273-335], победа социализма над капитализмом [17]. Однако на первых порах, с приходом к власти, руководители большевиков выступили успешными разрушителями устоев прежней российской государственности. Об этом свидетельствуют первые декреты Советской власти: отмена любых форм частной собственности; ликвидация банковской системы; повсеместное изъятие ценностей; национализация промышленности; централизация управления экономикой; государственная монополия на все без исключения виды продуктов и товаров, на торговые операции внутри страны и на внешнем рынке; введение всеобщей трудовой повинности; внедрение милитаризации труда [22; 34; 35; 56; 60, с. 71 с. 73 с. 86-87 с. 87-88 с. 89 с. 79 с. 78; 88; 92; 115; 116; 117; 118; 119; 128].

Однако в реальности новую власть мало кто признавал, т.к. 12 (25) ноября 1917 г. состоялись выборы в Учредительное собрание [2, с. 3-30; 19; 36, с. 2-30; 38; 49, с. 3-45]. Большевики их проиграли, сделав ставку на Советы, которые «разжигая пожар революции, повелительно диктуют народу: — борись, бери в

---

¹ Цит. по: Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм – новая цивилизация?: В 2 т. Т. 2. Социальные тенденции в советском коммунизме. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – С. 79. Возможно, в данном случае использован следующий фрагмент речи В.И. Ленина на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 26 мая 1918 г.: «Конечно, тому, кто слишком близко и слишком непосредственно участвует в этой работе, иногда в троекратной переделке уставов, норм, законов управления, ну, скажем, хотя бы Главвводу, конечно, бывает иногда очень невесело, и удовольствия от этого рода работы не могут быть велики. Но, если немножечко отвлечься от непосредственной неприятности чрезмерно частой переделки декретов и если посмотреть чуточку поглубже и подальше на то гигантское, всемирно-историческое дело, которое русскому пролетариату приходится выполнять пока еще собственными недостаточными силами, тогда станет сразу понятно, что даже гораздо более многократные переделки, испытание на опыте различных систем управления, различных норм налажения дисциплины неизбежны, что в таком гигантском деле мы никогда не могли бы претендовать, и ни один разумный социалист, писавший о перспективах будущего, никогда и в мыслях не имел того, чтобы мы могли по какой-то заранее данной указке сложить сразу и составить одним ударом формы организации нового общества». См.: Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства 26 мая 1918 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. Март-июль 1918. – М.: Госполитиздат, 1969. - С. 379.

свои руки все и организуйся. Нет сомнения, что в процессе развития революции, вызванного силою Советов, встретится ряд всевозможных ошибок и промахов – но ни для кого не тайна, что всякое революционное движение неизменно всегда сопровождается временным проявлением хаоса, разрухи и беспорядков» [70, с. 240].

Предпринятый руководством РКП(б) роспуск Учредительного собрания 6 января 1918 г. под предлогом того, что «трудящимся классам пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно несовместим с задачами осуществления социализма, что не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества» [84], расстрел демонстрации в Петрограде в поддержку первого свободно и всенародно избранного российского парламента, явились следующим этапом укрепления ими захваченной власти [23; 91; 129]. «Тяжелый, скучный и нудный день в изящных помещениях Таврического дворца, который и видом своим отличается от Смольного приблизительно так, как изящный, но мертвый буржуазный парламентаризм отличается от пролетарского, простого, во многом еще беспорядочного и недоделанного, но живого и жизненного советского аппарата, такую характеристику дал В.И. Ленин первому и последнему дню российского парламентаризма. - Там, в старом мире буржуазного парламентаризма, фехтовали вожди враждебных классов и враждебных групп буржуазии» [22, с. 230-231], а «для социалистической революции необходимы не так называемые "общенародные" учреждения буржуазного парламентаризма, а классовые учреждения трудящихся и эксплуатируемых масс» [71, с. 232].

Успешное, если можно так выразиться, заключение 3-4 марта 1918 г. Брест-Литовского мирного договора, означавшее, по мнению большевиков, признание их государственной власти на международном уровне [120, с. 206-229], можно рассматривать очередным шагом в усилении собственных властных полномочий, однако и в марте 1918 г. они не обладали всей полнотой власти [66, с. 9-148; 110, с. 26-120], т.к. вынужденно делили ее с левыми эсерами [33, с. 85-239].

Следующей серьезной заявкой большевиков на овладение всей полнотой неограниченной власти на государственном уровне можно считать события 6-7 июля 1918 г. После убийства германского посла графа В. фон Мирбаха, подавления латышскими стрелками левозэсеровского мятежа, ареста небольшевистской части делегатов V Всероссийского съезда Советов, 10 июля 1918 г. состоялось принятие первой советской Конституции РСФСР [85, с. 31-83; 88; 94, 96, с. 566-606]. Характерно, советская Конституция (глава 5, пункт 23) лишала прав «отдельных лиц и отдельных групп», которыми они пользуются в ущерб «интересам социалистической революции», что породило в стране многочисленный социальный слой так называемых «лишенцев» [88]. К 1934 г. в СССР в эту группу, включая членов семей, входили следующие категории «лишних» людей: те, кто использовал наемный труд; живущие на нетрудовой доход; монахи и церковнослужители; частные торговцы; бывшие служащие полиции и жандармерии; бывшие члены императорской фамилии; осужденные за корыстные преступления [15, с. 27].

В Конституции 1918 г. ни словом не упоминается о месте РКП(б) во властных структурах, формально власть принадлежала народу, реализовывалась через выборы Советов всех уровней [57]. Объяснить это можно тем, что проект Конституции готовился коммунистами совместно с левыми эсерами, в стране существовала многопартийность, в связи с этим закрепить конституционным актом однопартийную власть большевикам не удалось, или они не рискнули это сделать [134]. Однако руководителей партии это обстоятельство мало смущало, т.к. был взят курс различными способами, включая привлечение органов ВЧК, добиваться выборов в Советы всех уровней исключительно членов партии. В партии на этот счет были различные мнения. Одни старались трезво смотреть на действительность, понимая, что неограниченная власть – это не только цель, но одновременно и опасный политический процесс, который может занять годы и даже десятилетия [125, с. 119-161; 138; 112]. Другим казалось, что вот она – полная и неограниченная власть, правда, после девяти месяцев напряженной борьбы, в руках правящей группы большевиков [83, с. 98-181]. К примеру, летом 1919 г. сотрудник инспекторско-разъездного отдела при Центральном комитете РКП(б) Ю.М. Стеклов, отмечал, что вятское крестьянство совершенно разорено, на 17 дворов [в среднем] осталась одна лошадь, телег почти нет, армия забирает в деревнях все, так она «самоснабжается». Проблема, по мнению Стеклова, в том, что «отдельные дивизии, даже отдельные полки наделили своих членов мандатами, и они едут по деревням, не считаясь ни с ревкомками, ни с военкомками, они забирают все, вплоть до семян» [108, л. 142]. Во многих местах поля в Вятской губернии не засеяны, потому что семена забирает Красная армия, мобилизации и реквизиции производятся ежедневно, отбирается все. Никогда, отмечает Стеклов, даже «в злейшие времена царского режима, не было такого бесправия на Руси, которое господствует в Коммунистической Советской России, такого забитого положения масс не было. Основное зло заключается в том, что никто из нас не знает, что можно, чего нельзя» [108, л. 142]. А крестьяне лучше представителей местной власти и уполномоченных ВЦИК знают декреты, поэтому «мы должны создать под собой социальную базу» [108, л. 142].

Вполне естественно, что в этих условиях руководители партии, они же и новые правители государства, были озабочены, среди прочего, формированием управленческих структур на новой и более справедливой, как им представлялось, основе выборности советской власти сверху донизу [10, с. 15-31, 330-339; 37, с. 7-108; 46, с. 38-54; 51, с. 25-112; 63, с. 7-61; 64, с. 29-134; 121, с. 165-212, 271-437], но под жестким собственным контролем [21, с. 9-174]. В результате руководство РКП(б) продолжило предпринимать системные меры по установлению коммунистической однопартийной диктатуры. В советской историографии этот период назывался политикой «военного коммунизма» и задним числом оправдывался разрухой в экономике, вызванной тяготами гражданской войны и иностранной военной интервенции [28; 45, с. 131-153; 47; 122, с. 71-105, 121-131, 177-223, 404-408; 124, с. 38-45, 85-94; 132, с. 131-153]. Так, в программе РКП(б), принятой в марте 1919 г. на VIII партийном съезде [60, с. 71-117], утверждалось, что диктатура пролетариата при поддержке беднейшего

крестьянства или полупролетариата приступила к построению «основ коммунистического общества», провозглашалась «эра всемирной, коммунистической революции» [60, с. 71], декларировалось, что заменой частной собственности на «планомерную организацию общественно-производительного процесса» будет обеспечено «благополучие и всестороннее развитие всех членов общества», уничтожение «деления общества на классы» [60, с. 73]. Однако на завоеванных Красной армией территориях бывшей Российской империи власть держалась «на штыках» и органах ВЧК; надежды на мировую революцию к началу 1920-х гг. таяли, и в руководящих партийных кругах зрело понимание необходимости искать социальную опору власти в народных массах [65, с. 15-118; 80, с. 15-118; 87, с. 41-215]. Вместе с тем, с окончанием гражданской войны в стране установилось двоевластие: формально власть принадлежала Советам, фактически через органы советской власти управляла страной Российская коммунистическая партия (большевиков) – РКП(б), которая позиционировала себя как партия рабочего класса, вместе с тем звала в свои ряды «все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата» [60, с. 73]. Однако проблема заключалась в том, что если политический ресурс правящей партии в установлении нового порядка, в первую очередь ее руководства, был практически неограниченным, от издания законов до физического истребления целых социальных групп граждан, то административные возможности оказались значительно сужены, ими пользовались не одни вожди [135], а в том числе партийные организации и их лидеры в регионах и группы (фракции) различной идейной и идеологической окраски, их ведомственные лидеры, многие по собственному усмотрению, по революционному правосознанию и революционной «совести» [11].

Некоторые важные сведения, не претендующие на проект о намерении построить социализм, а затем и коммунизм в России, содержатся в изданном в 1920 г. труде Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского «Азбука коммунизма» [12]. Вместе с тем, основным недостатком книги является сознательно упрощенный взгляд на развитие капитализма как общественно-политической формации. На основе умозрительных и практически ничем не подкрепленных утверждений обосновывается неизбежность диктатуры пролетариата как основного условия строительства коммунизма в России [12, с. 130]. Авторами делается вывод о том, что будущее коммунистическое общество должно быть организованным, бесклассовым [12, с. 51-52], в нем не должно быть места государству [12, с. 55], правда, с оговоркой, что такое возможно только в «окрепшем коммунистическом строе, после полной и окончательной победы пролетариата, не особенно даже скоро после нее» [12, с. 55]. В итоге руководителям большевистского движения ценой огромных людских и материальных потерь, к началу 1920-х гг. «удалось в основном восстановить в новом формате государственность, суверенитет и территориальную целостность России» [21, с. 86]. Однако для решения конструктивных задач негативная разрушительная энергия масс оказалась малоприспособленной, в связи с чем свою политику большевики подчинили «двум взаимосвязанным приоритетам – гипотетической мировой революции и сохранению во что бы то ни стало в своих руках власти» [21, с. 86]. Первую цель, как известно, реализовать не удалось, а вторая привела

к свертыванию демократии, господству однопартийной системы, когда от имени даже не народа, а пролетариата правила партия, от имени партии – аппарат Политбюро ЦК, а фактически генсек или его окружение. Опорой однопартийного режима являлись силовые структуры [7, с. 16-29, 52-74; 26, 13-58; 31, с. 75-346; 32, с. 58-332; 50; 79, с. 124-144]. К данному обстоятельству следует прибавить, что к началу 1920-х гг. правящая коммунистическая партия насчитывала двадцать два года своей революционной деятельности, ее можно отнести к партии молодой и даже в расцвете сил [82]. За эти годы у партии имелись достижения: признание поражения собственной страны в Первой мировой войне; успешный Октябрьский государственный переворот 1917 г.; разгон Учредительного собрания; военная победа в Гражданской войне; изгнание интервентов; создание надгосударственной организации – Коминтерна для подготовки всемирной коммунистической революции под руководством РКП(б). Наряду с этим имелись и поражения: для удержания власти большевикам пришлось уступить немалую часть территорий бывшей Российской империи, ввергнуть основную часть населения в нищету и бесправие, развязывание гражданской войны с ее чрезвычайщиной, систематическими реквизициями, массовым голодом, миллионами беспризорников, ростом преступности [1; 3; 53, с. 3-73; 123, с. 3-7, 12-16, 21-50; 133, с. 3-16, 27-36, 191, 260, 272, 286].

В условиях социального хаоса, несмотря на очевидные в перспективе политические тупики и непреодолимые трудности, правящая группа в руководстве РКП(б) продолжала настойчиво принимать меры по созданию системы всеохватывающего контроля за деятельностью как руководящего, так и рядового состава партии, мобилизации всех управленческих звеньев госаппарата страны на безусловное выполнение спускаемых ею директив [9]. В отношении государственного аппарата предполагалось его сближение с массами тем, что «избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика) [60, с. 78]. Документы Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии РКП(б) позволяют определить характер сложившихся внутривнутрипартийных отношений [98], особенности проведения «чисток» в партии, государственном аппарате, советских, хозяйственных, профсоюзных организациях [109], совершенствовании форм учета общественного мнения [136, с. 25-48, 212-241; 137, с. 12-63]. Однако уже в партийной программе было зафиксировано частичное возрождение бюрократизма внутри советского строя. Для ликвидации этого негативного явления намечались следующие меры: каждый член Совета привлекается к работам по управлению государством; эти работы сменяются, чтобы деятельность члена Совета охватывала «все отрасли управления»; постепенное вовлечение всего трудящегося населения «поголовно в работу по управлению государством» [60, с. 79; 74, с. 7-38]. Сословие новых партийных управленцев формировалось исключительно по классовому признаку, не обладало административными и организаторскими навыками, отличалось низким образовательным и культурным уровнем [24]. В создании деревенских кооперативов, совхозов и в перспективе колхозов уже в начале 1920-х гг. зарождалась мобилизационная система управления тружениками на селе, просматривались и меры по-

литической нейтрализации крестьянства. В частности, в соответствии с программными партийными установками намечалось устройство и укрупнение совхозов; поддержка коллективной обработки земли; государственное засевание всех незасеянных земель; поддержка сельскохозяйственных коммун; развитие сельхозкооперации [60, с. 86-87]; сближение города и деревни, привлечение рабочих к «коммунистическому строительству в земледелии», поддержке общегосударственного «Рабочего комитета содействия»; в сельской местности партия должна была опираться на пролетарские и полупролетарские слои, создавая в деревне партийные организации, комбеды, особого типа профсоюзы, сближая их с городским пролетариатом [60, с. 87-88]; решительно бороться с кулаками, подавлять их сопротивление советской политике [60, с. 89].

В силу самых разнообразных причин в советской России установилась тоталитарная модель управления обществом и государством. Очередными мерами к значительному укреплению властных полномочий правящей коммунистической партии явились: решительная ликвидация многопартийности в стране [5, с. 18-33]; ужесточение дисциплинарных наказаний членов РКП(б); наведение порядка, прежде всего, в экономике сельскохозяйственного производства. Между тем, многие аспекты этого процесса пока не получили соответствующего объективного комплексного освещения, основанного на архивных источниках, по-прежнему сохраняется разрыв между массовыми стереотипами и профессиональной историографией. В связи с этим в научной среде выдвигаются порой противоположные версии о роли партийного руководства в деле строительства «социализма» в СССР, имеющийся опыт отвергается полностью, либо недооценивается [6, с. 115-128]. Однако уже к 1921 г. практика доказала абсурдность утверждения Ленина о том, что страной в состоянии управлять 240 000 коммунистов [68, с. 313], в марте 1921 г. их насчитывалось уже 732 521 человек [55, с. 514]. Партию, из-за чрезмерной вседозволенности и безнаказанности, охватили разброд и идейные шатания, плодились оппозиционные центры, избранному ЦК и даже Политбюро ЦК, как отдельные группы, фракции, так и региональные парторганизации. После X съезда партии, 18 марта 1921 г., Политбюро ЦК утверждает письмо к членам партии о необходимости восстановления порядка и дисциплины в местных партийных организациях [99, л. 3, 7-9].

Приняты были также и активные меры по проведению административно-хозяйственной реформы, кадровому обновлению основных государственных органов. 21 марта 1921 г. по докладу М.П. Томского утвержден состав основных 12 наркоматов: внешней торговли, внутренних дел, просвещения, социального обеспечения, почт и телеграфов, здравоохранения, по иностранным делам, земледелия, юстиции, финансов, по делам национальностей, рабоче-крестьянской инспекции [100, л. 2, 3]. 25 марта 1921 г. Политбюро вынуждено, из-за встреченного сопротивления в высшем управленческом слое партии и государства, подтвердить собственное решение от 21 марта, а комиссии при Президиуме ВЦИК поручалось утвердить коллегии наркоматов в соответствии с постановлением VIII съезда Советов; вопросы о составе президиума ВСНХ, коллегий наркоматов путей сообщения, продовольствия, по военным делам определить позднее [101, л. 1, 2].

В связи с этим организационно-инструкторскому подотделу организационного отдела ЦК РКП(б) была поставлена задача активно заняться учетом личного состава руководящих органов партии, советов, профсоюзов и комсомола; составить и уточнить организационную схему построения парторганов; оперативно осуществлять сбор и обобщение сведений о работе местных парторганизаций, фабрично-заводских, крестьянских и советских органов, организовать работу по оформлению проекта единого партбилета [44, с. 5]. Усиливался инструкторский аппарат губкомов и обкомов, т.к. оказалось, что в ряде мест их нет совсем или сотрудников явно недостаточно. Проекты единого партбилета и новых штатов партийных органов были приняты в конце декабря 1921 г. всероссийским совещанием секретарей губкомов [44, с. 7].

25 марта 1921 г. Политбюро ЦК одобрено предложение Ф.Э. Дзержинского произвести перерегистрацию командного состава во всероссийском масштабе [101, л. 2], а также поручалось Л.Д. Троцкому и Ф.Э. Дзержинскому ознакомиться с предложением по учреждению политического клуба революционных марксистов [101, л. 4]. Уже на следующем заседании Политбюро ЦК, 29 марта 1921 г., его члены согласились с заключением Троцкого о том, что в теоретической области программа клуба представляется «ребяческим лепетом», к тому же во многом совпадает с задачами рабочей оппозиции, но в отличие от последней выдвигает необходимость «соглашательства с крестьянством», что экономически и социально правильно, но чему программа придает «контрреволюционное политическое выражение», т.к. предлагает «диктатуру коммунистической партии растворить в системе Советов», при благоприятном развитии событий клуб стал бы для многих мостом в РКП(б), но при длительных затруднениях грозит «превратиться в политический центр, питающий и формулирующий все виды недовольства и протеста» [102, л. 2]. Делиться властью, даже в отдаленной перспективе, партийное руководство не собиралось.

Учетно-распределительному отделу ЦК была поставлена задача заниматься переписью ответственных работников, наладить четкую работу на местах учетно-статистических подотделов губкомов, т.к. проверка выявила состояние этой работы как «совершенно безотрадное» [44, с. 13], проблема заключалась в том, что сотрудники менялись едва ли не каждый месяц, в одних случаях руководители не считались с полученными данными, в других – загружали подчиненных несвойственными функциями, иногда упраздняли подотделы [44, с. 13]. В течение 1921 г. проходила мобилизация для «специальных нужд» партии: усиливали профсоюзные, хозяйственные органы, ВСНХ, Наркомзем, НКВТ, Центросоюз, Наркомпрод, органы кооперации, НКПС, Наркомпрос, НК РКИ и др. Откомандированные руководители делились на две категории: губернского и уездного масштаба [44, с. 13]. Просматривалась тенденция усиления регионов столичными коммунистами, существовала также практика заочного, помимо ЦК, перемещения коммунистов, но в основном рядовых, что составляло от общей их численности до 55-60% [44, с. 15]. Однако практика показала, что ЦК для мобилизованных считается «этапным пунктом», т.к. из Москвы их распределяют в основном по их желанию, они рассматриваются Учраспредотделом как «досадная помеха», т.к. главное для отдела – учет и распреде-

ление «командного состава» партии [44, с. 18]. Совещание секретарей губкомов в декабре 1921 г. исправило положение, рядовые коммунисты стали перемещаться минуя ЦК.

Некоторые исследователи полагают, что и до 1917 г., и в последующий период гражданской войны, а затем в 1920-е гг. основное население России, крестьянство, эволюционировало, несмотря на революционные события, к прежним традиционным формам жизни [62, с. 115-151]. Характерным с точки зрения борьбы крестьян с новыми государственными властями за землю и за право хозяйствовать на ней по собственному разумению был 1921 г., начало НЭПа. Власть вынуждена была уступить крестьянству, что закрепилось Земельным кодексом РСФСР, принятым в декабре 1922 г. и отменившим «социалистическое» земельное законодательство 1918 – 1920-х гг. Крестьянская революция победила, однако победа оказалась равносильной поражению: крестьянство не смогло создать отвечающую его интересам государственную власть [40, с. 9-190; 41, с. 36-148; 42, с. 4-6; 43, с. 5-55]. Нельзя не обратить внимание и на пропагандистские шаги, указывающие, большей частью формально, на сближение власти правящей партии с крестьянской массой. В частности, 18 ноября 1921 г. Политбюро принимает решение о том, что наркомом земледелия должен быть «крестьянин, практически работающий в земледелии»¹, в результате им был назначен В.Г. Яковенко – организатор партизанского движения в Сибири в период Гражданской войны. Фактически руководить всей деятельностью наркомата должен был заместитель наркома – старый большевик Н. Осинский (В.В. Оболенский) [103, л. 2]. 1 декабря 1921 г. Политбюро ЦК ему порекомендовало выдвигать для работы во ВЦИК «не 4, а 12-20 беспартийных крестьян», проводить совещания «с беспартийными делегатами-крестьянами на предмет расширения участия беспартийных крестьян в центральном управлении НКЗема» [104, л. 4]. 11 мая 1922 г. предлагается наметить кандидатуру члена коллегии Наркомзема из местных работников, желателен крестьянин, хотя бы и беспартийного [105, л. 3-4, 7]. К числу показного в основном сближения правящей партии с крестьянством можно отнести и выделение в июне 1925 г. «2-х миллионов рублей на курорты для крестьян» [107, л. 5]. Однако представить, что крестьянин, вместо работы в поле весной, летом и осенью, даже и за казенный счет поедет отдыхать, трудно. Вместе с тем, предпринимались и разумные шаги в отношении трудового крестьянства. Еще 18 мая 1922 г. Политбюро ЦК предписывает ВЦИК установить скидку от нормы сельскохозяйственного налогообложения в 10%, льготу для тех крестьян, которые в срок выполняют обязательства по продналогу [106, л. 2].

Однако предпринятые руководством РКП(б) меры по стабилизации внутренней жизни, включая частичную либерализацию в экономической и общественной жизни, были ориентированы на ожидавшиеся в скором времени пролетарские революции если не в мировом масштабе, так в общеевропейском. На первом этапе предполагалось на волне революционных локальных рабочих

---

¹ В результате наркомом был назначен Василий Григорьевич Яковенко (1888-1937) – организатор партизанского движения в Сибири, нарком земледелия РСФСР (1922-1923).

восстаний добиться объединения России и Германии в единое пролетарское государство; на втором – новое мощное пролетарское государство должно было выступить плацдармом и движущей силой мировых революционных преобразований. Во многом именно такие планы определяли динамику трансформации политической системы 1920-х гг., в эпоху «построения основ социализма». С этой целью была, в частности, проведена генеральная чистка правящей коммунистической партии, а проводимая новая экономическая политика имела цель в ускоренном темпе интегрировать в единое целое германскую промышленность.

Усиление влияния партийного аппарата на все сферы государственного управления позволили правящей в партии группе преодолеть к середине 1920-х гг. многолетний экономический кризис. Вместе с тем, установить в стране коммунистическую диктатуру исключительно силовыми методами, с привлечением к управлению государством всей массы членов партии не удалось, в связи с этим определились новые подходы в государственном строительстве, социально-экономических преобразованиях в городе и на селе, что повлекло за собой второй шаг - проверку и серьезную реорганизацию партийных рядов, а также обновление и укрепление управленческих структур РКП(б). Партийный аппарат оказался нацеленным на выработку управленческих решений, контроль за всеми сферами государственной, хозяйственной и общественной деятельности.

Таким образом, обращение к доступному на сегодняшний день комплексу архивных документов Центрального комитета РКП(б) позволяет расширить представление о том сложном и по-прежнему недостаточно исследованном периоде в жизни нашей страны 1917-го – 1920-х гг. Как отмечает Л.Н. Лютов: «в Советской России в период с октября 1917 г. по 1920 г. идет форсированное становление крайней формы этократической системы – коммуно-советской тоталитарной системы (КСТС). Ее основы закладывались партией (политика ”красногвардейской атаки на капитал”, ”военного коммунизма”) в коммунистической доктрине, которая выражала тоталитарную альтернативу в российском социуме» [76, с. 117]. Не случайно, после провала этих попыток, к середине 1920-х гг., большевистское руководство провозглашает курс на строительство социализма в одной стране и, как это следует из партийных документов, начинает проводить политику по ужесточению системы принудительного труда, прежде всего, в сельском хозяйстве. В связи с этим Л.Н. Мазур отмечает, что «процессы ”социалистического строительства” как опыт проектирования ”идеального” общества», опирался «в значительной степени на утопические представления о коммунизме» [77, с 25]. Руководством партии в дальнейшем не оставалось ничего другого, как предпринять все меры, включая силовые, чтобы ослаблять оппозиционную деятельность внутри партии, пресекать попытки развязать новый виток внутрипартийной борьбы, как это случилось в процессе перераспределения власти после отхода В.И. Ленина от активной политической деятельности и борьбы за его политическое наследство.

Список источников и литературы

1. Авторханов А.Г. Происхождение партократии. – Мюнхен: Посев, 1981. – 600 с.
2. Алексеев В. Зачем и как выбирать в Учредительное собрание? – М.: Универсальная библиотека, 1917. – 32 с.
3. Амальрик А.А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? – Амстердам: Фонд имени Герцина, 1969. – 71 с.
4. Анфертьев И.А. Документы Российского государственного архива социально-политической истории о создании и деятельности ЦКК РКП(б) – ВКП(б) в 1920-е гг. // Документация в информационном обществе: нормативно-методическое обеспечение управления документами: доклады и сообщения на XXI Международной научно-практической конференции, 18-19 ноября 2014 г. – М.: ВНИИДАД, 2015. – С. 459-473.
5. Анфертьев И.А. Ликвидация многопартийности и возрастание роли правящей Коммунистической партии в системе государственных органов в СССР // Российская многопартийность и российские кризисы XX-XXI вв.: сборник научных статей. Вып. 6. – М.: Изд-во Ипполитова, 2016. – С. 18-33.
6. Анфертьев И.А. Правящая РКП(б): отказ от политики «военного коммунизма» и рост властных полномочий партийного аппарата в управлении страной в 1920-е гг. // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Сб. научн. тр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 115-128.
7. Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле (20-е – начало 30-х годов). – М.: Мысль, 1978. – 264 с.
8. Бакунин А.В. История советского тоталитаризма: В 2 кн. Кн. 1. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 1996. – 256 с.; Кн. 2. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 1996. – 274 с.
9. Божанов В.А. Восхождение к абсолютной власти. Большевики и советское государство в 20-е годы. – Минск: Тесей, 2004. – 272 с.
10. Бузгалин А.В., Колганов А.И. 10 мифов об СССР. – М.: Яуза; Эксмо, 2010. – 446 с.
11. Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России. Пути переосмысления. – М.: РОССПЭН, 2007. – 204 с.
12. Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. – Петербург: Госиздат, 1920. – 322 с.
13. Ванюков Д.А., Суслов И.В. Годы репрессий. – М.: Мир книги, 2007. – 258 с.
14. Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области. 1937-1938 гг. – М.: РОССПЭН, 2004. – 256 с.
15. Вебб Сидней, Вебб Беатриса. Советский коммунизм – новая цивилизация? В 2 т. Т. 1. Конституция. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 564 с.

16. Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм – новая цивилизация? В 2 т. Т. 2. Социальные тенденции в советском коммунизме. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 590 с.
17. Великая Октябрьская социалистическая революция: Библиографический указатель документальных публикаций. – М.: Всесоюзная книжная палата, 1961. – 376 с.
18. Верхотуров Д.Н. Созидатели будущего. Возникновение планирования в СССР. – М.: Институт коммунизма, 2013. – 411 с.
19. Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное Собрание. – М.: РОССПЭН, 2010. – 448 с.
20. Владимир Ильич Ленин. Биография. 1870-1924: В 2 т. / А. Г. Егоров, Л. Ф. Ильичев, Ф. В. Константинов и др. Т. 1. 1870-1917. Изд. 7. – М.: Политиздат, 1985. – 385 с.; Т. 2. 1917-1924. Изд. 7. – М.: Политиздат, 1985. – 364 с.
21. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия / Сост. Ю.В. Аксютин, О.В. Волобуев и др. – М.: РОССПЭН, 1995. – 400 с.
22. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. – М.: Госполитиздат, 1959. – 602 с.
23. Всероссийское Учредительное собрание. 1917 год в документах и материалах / Под ред. М.Н. Покровского, Я.А. Яковлева. – М.; Л.: Государственное издательство, 1930. – 220 с.
24. Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 20-е годы (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). – М.: Институт российской истории РАН, 2001. – 228 с.
25. Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий / Сост. А. Суслов, Н. Гашева. – Пермь: Изд-во «Здравствуй», 1998. – 321 с.
26. Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие НЭП. – М.: МНИИПУ, 1991. – 96 с.
27. Гомеров И.Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. – М.: ЮКЭА, 2002. – 832 с.
28. Городецкий Е.Н. Рождение советского государства 1917-1918. – М.: Наука, 1987. – 355 с.
29. Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. – М.: РОССПЭН, 2011. – 376 с.
30. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 132 с.
31. Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917-1921. – СПб.: Алетейя, 2007. – 396 с.
32. Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917-1921 гг. Мешочники. – М.: Наука, 2002. – 341 с.
33. Даниелс Р.В. Взлет и падение коммунизма в России. – М.: РОССПЭН, 2011. – 510 с.
34. Девятый съезд РКП(б). Март-апрель 1920 г. Протоколы. – М.: Партиздат, 1934. – 612 с.

35. Декреты Советской власти: В 2 т. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / Подг. С.Н. Валк и др. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – 624 с.
36. Ефимовъ Е.Н. Предстоящее Учредительное Собрание. – М.: Задруга, 1917. – 30 с.
37. Зеленов М.В. Становление аппарата ЦК и института секретаря ЦК РСДРП (б)-РКП(б) в 1917-1922 гг. [Электронный ресурс] URL: <http://opentextnn.ru/history/rushist/sovigu/libraries/?id=3060> (дата обращения 20.04.2016)/
38. Знаменский О.Н. Всероссийское учредительное собрание: история созыва и политического крушения. – Л. Наука, 1976. – 364 с.
39. Злоказов Г.И. Меншевицско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. – М.: Наука, 1997. – 336 с.
40. Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов в СССР. – М.: Собрание, 2009. – 145 с.
41. Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929-1932). – М.: Наука, 1972. – 360 с.
42. Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1933 гг.). – М.; Торонто (Канада): Ин-т рос. истории РАН, Университет Торонто, 2000. – 350 с.
43. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. – М.: Собрание, 2004. – 296 с.
44. Известия Центрального комитета Российской коммунистической партии (большевиков). – 1922. – № 1 (37).
45. Изучение произведений В.И. Ленина в курсе Истории КПСС / Ред. А.С. Дубинин. – М.: Высшая школа, 1978. – 271 с.
46. Исторические судьбы социализма. – М.: ИФ РАН, 2004. – 326 с.
47. История КПСС / Под ред. П.Н. Поспелова: В 6 т. Т. 3. Коммунистическая партия – организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции и обороны советской республики. Кн. 2. Март 1918-1920 гг. – М.: Политиздат, 1968. – 607 с.
48. Капченко Н.И. Политическая биография Сталина: В 3 т. Т. 1. 1879-1924. – Тверь: Северная Корона, 2004. – 736 с. Т. 2. 1924-1939. – Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. – 720 с.; Т. 3. 1939-1953. – Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2009. – 760 с.
49. Кечекьянь С.Ф. Учредительное Собрание. – М.: Задруга, 1917. – 46 с.
50. Клименко В.А. Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917-1920 гг. – М.: Наука, 1978. – 202 с.
51. Клоцвог Ф.Н. Социализм: теория, опыт, перспективы. – М.: ЛКИ, 2008. – 200 с.
52. Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти (1953-1985). – М.: Олма-Пресс, 2006. – 448 с.
53. Колганов А.И. Путь к социализму. Трагедия и подвиг. – М.: Экономика, 1990. – 143 с.
54. Колод니кова Л.П. Советское общество 20-х годов XX века. По документам ВЧК - ОГПУ. – М.: Наука, 2009. – 481 с.

55. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 2 ч. Ч. I. 1898-1925. Изд. 7. – М.: Государственное изд. политической литературы, 1953. – 952 с.
56. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937) / Под ред. А.Я. Вышинского. – М.: Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940. – 299 с.
57. Конституция РСФСР // Известия ВЦИК. – 1918. – 19 июля. – № 151. СУ. – 1918. – № 51. Ст. 582; [Электронный ресурс] URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/10868#page/1/mode/grid/zoom/1> (дата обращения 2.04.2012)/
58. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. - декабрь 1991 г. – М.: РГГУ, 1994. – 418 с.
59. Коэн С. Долгое возвращение. Жертвы ГУЛАГа после Сталина. – М.: Новый хронограф, АИРО-XXI, 2009. – 144 с.
60. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК: В 12 т. Изд. 9. Т. 2. 1917-1922. – М.: Изд-во политической литературы, 1983. – 608 с.
61. Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 510 с.
62. Крестьяне и власть. Материалы конференции. – М.; Тамбов: Тамбовский гос. технический университет, 1996 с. – 184 с.
63. Крючков Г.К. Будущее за социализмом. – Киев: Бізнесполіграф, 2012. – 64 с.
64. Культура. Власть. Социализм. Противоречия и вызовы культурных практик СССР. Луначарский и не только / Под ред. Л.А. Булавка. – М.: ЛЕ-НАНД, 2013. – 496 с.
65. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.
66. Левые коммунисты в России. 1918 – 1930-е гг. / Я. Геббс, А. Коллонтай, Г.И. Мясников и др. – М.: Праксис, 2008. – 331 с.
67. Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. Государство и революция. – М.: Госполитиздат, 1962. – С. 1-120.
68. Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. Июль-октябрь 1917. – М.: Политиздат, 1969. – С. 287-339.
69. Ленин В.И. Люди с того света // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. Октябрь 1917-март 1918. – М.: Госполитиздат, 1974. – С. 229-231.
70. Ленин В.И. Речь о роспуске Учредительного собрания на заседании ВЦИК 6 (19) января 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. Октябрь 1917-март 1918. – М.: Госполитиздат, 1974. – С. 238-242.
71. Ленин В. И. Проект декрета о роспуске Учредительного собрания // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. Октябрь 1917-март 1918. – М.: Госполитиздат, 1974. – С. 232-237.

72. Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 26 мая 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. Март-июль 1918. – М.: Госполитиздат, 1969. – С. 377-386.
73. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России 1918-1922 гг. – М.: Эксмо, Яуза, 2004. – 448 с.
74. Любинина С. С. Карл Маркс о коммунистическом производстве. – М.: МГУ, 1985. – 104 с.
75. Логинов В.Т. Владимир Ленин. Выбор пути: Биография. – М.: Республика, 2005. – 447 с.
76. Лютов Л.Н. Российские реформы в историческом контексте // Россия – СССР – РФ в условиях реформ и революций. XX-XXI вв. Материалы Международной научной конференции. 26-27 мая 2016 г. / Под ред Е.Б. Дудниковой, Е. И. Демидовой и др. – Саратов: ИЦ «Амирит», 2016. – С. 113-121.
77. Мазур Л.Н. Раннесоветское общество как социальный проект: методологические подходы к изучению истории России в 1917-1936 гг. // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Сб. научн. тр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 7-28.
78. Малган Д. Искусство государственной стратегии. Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. – 472 с.
79. Михалкин В.А. Ф.Э. Дзержинский – экономист. – М.: Экономика, 1987. – 175 с.
80. Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. – М.: ИВИ РАН, 2002. – 126 с.
81. Нефедов В. Н. Номенклатура империи: исследования кризиса [Электронный ресурс] URL: <http://opentextnn.ru/history/rushist/sovigu/> (дата обращения 30.10.2015)/
82. Николаевский Б.И. Тайные страницы истории / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. – 512 с.
83. Ольштынский Л.И. Советское общество. История строительства социализма в России. Кн. 1. Путь России к социализму (1905-1920 гг.). – М.: ИТРК, 2014. – 184 с.
84. О роспуске Учредительного собрания. Декрет ВЦИК от 6 января 1918 г. [Электронный ресурс] URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/.htm> (дата обращения 16.08.2016)/
85. Павлов Д.Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов 1917 – середина 1950-х годов. – М.: РОССПЭН, 1999. – 232 с.
86. Павловский Г. 1993. Элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефтером. – М.: Европа, 2014. – 362 с.
87. Павлюченков С.А. Крестьянский Брест или предыстория большевистского НЭПа. – М. Русское книгоиздательское товарищество, 1996. – 299 с.
88. Первая советская Конституция (Конституция РСФСР 1918 года). Сборник документов / Под ред. А.Я. Вышинского. – М.: Изд-во НКЮ СССР, 1938. – 466 с.

89. Попова С.С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). – М.: Ладомир, 2010. – 619 с.
90. Поршнева О.С. Человек в условиях российской Революции 1917 года: основные тенденции и достижения в изучении проблемы // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Сб. научн. тр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 50-64.
91. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. – М.: РОССПЭН, 1997. – 368 с.
92. Протоколы X съезда РКП(б). 8-16 марта 1921 г. – М.: Партиздат, 1931. – 954 с.
93. Пыжиков А. В. Корни сталинского большевизма. – М.: Аргументы недели, 2015. – 384 с.
94. Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов: стенографический отчет. – М.: Изд-во ВЦИК, 1918. – 254 с.: табл.
95. Рабинович А.Е. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. - Indiana University Press, 2007. – 518 с.
96. Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов / Сост. Д.Б. Павлов. – М.: РОССПЭН, 2006. – 656 с.
97. Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. – СПб, Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – 286 с.
98. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). - Ф. 17. - Оп. 3.
99. РГАСПИ. - Ф. 17. - Оп. 3. - Д. 138.
100. РГАСПИ. - Ф. 17. - Оп. 3. - Д. 140.
101. РГАСПИ. - Ф. 17. - Оп. 3. - Д. 141.
102. РГАСПИ. - Ф. 17. - Оп. 3. - Д. 143.
103. РГАСПИ. - Ф. 17. - Оп. 3. - Д. 232.
104. РГАСПИ. - Ф. 17. - Оп. 3. - Д. 239.
105. РГАСПИ. - Ф. 17. - Оп. 3. - Д. 292.
106. РГАСПИ. - Ф. 17. - Оп. 3. - Д. 293.
107. РГАСПИ. - Ф. 17. - Оп. 3. - Д. 505.
108. РГАСПИ. - Ф. 17. - Оп. 65. - Д. 7.
109. РГАСПИ. - Ф. 613. - Оп. 1-4.
110. Резник А.В. Левая оппозиция в РКП(б) в 1923-1924 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2014. – 281 с.
111. Розин Э. Ленинская мифология государства. – М.: Юристъ, 1996. – 320 с.
112. Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. – М.: Госиздат, [Б.г.]. – 17 с. [Электронный ресурс] URL.: <http://opentextnn.ru/history/rushist/sovigu/libraries/> (дата обращения 22.07.2014)/
113. Самарская Е. А. Подъем и упадок индустриального социализма. – М.: ИФ РАН, 2007. – 253 с.

114. Сервис Р. Ленин / Пер. с англ. Г.И. Левитан. – Минск: Попурри, 2002. – 624 с.
115. Собрание законов и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917-1918. – М., 1942. – 1484 с.
116. Собрание законов и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1919. – М., 1943. – 886 с.
117. Собрание законов и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1920. – М., 1943. – 818 с.
118. Собрание законов и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1921. – М., 1944. – 808 с.
119. Собрание законов и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1922. – М., 1950. – 1932 с.
120. Сокольников Г. Я. Брестский мир // Смерч / Сост. И. А. Анфертьев. – М., 1988. – С. 206-229.
121. Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма / Сост. В.Г. Арсланов и др. – М.: Культурная революция, 2009. – 720 с.
122. Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917-1920 гг.). – М.: Мысль, 1968. – 438 с.
123. Сречинский Ю. С. Как мы покорялись. Цена Октября. – Новосибирск: Благовест, 1992. – 65 с.
124. Суворов К.И. Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы (1917-1930). – М.: Мысль, 1968. – 256 с.
125. Суименко Е.И. Осмысливая социализм. – Киев: Бізнесполіграф, 2012. – 232 с.
126. Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2004. – 22 с.
127. Такер Р. Сталин. История и личность. Путь к власти. 1879-1929. У власти. 1928-1941. – М.: Весь Мир, 2006. – 864 с.
128. Уголовный кодекс РСФСР (Официальный текст Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 г. с изменениями на 1 июля 1950 г.). – М.: Госюриздат, 1950. – 258 с.
129. Учредительное собрание. Россия, 1918 г. Стенограмма и другие документы / Сост. Т.Е. Новицкая. – М.: Российский открытый ун-т, 1991. – 160 с.
130. Фельштинский Ю. Вожди в законе. – М.: Терра-Книжный клуб, 2008. – 384 с.
131. Фишер Л. Жизнь Ленина: В 2 т. Т. 2. – М.: Книжная лавка – РТР, 1997. – 496 с.
132. Черемных В.М. На защите завоеваний революции. Военно-организаторская деятельность ВЦИК в первые годы Советской власти. – М.: Мысль, 1988. – 238 с.
133. Чернев А.Д. 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах. Справочник. – М.: Родина; Руссика, 1996. – 336 с.

134. Чернов В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905-1920. – М.: Центрполиграф, 2007. – 430 с.

135. Чернышова А.В. Советский государственный аппарат 1920-х гг.: проблемы качественного состава. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://opentextnn.ru/history/rushist/sovigu/libraries/?id=4182> (дата обращения 03.11.2014)/

136. Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России (1917 – 1930-е гг.). – М.: Вече, 2007. – 352 с.

137. Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России: 1917-1918 годы. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с.

138. Штудер Б., Уинфрид Б. Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. – М.: РОССПЭН, 2011. – 256 с.

Ашихмина Елена Николаевна

кандидат филологических наук,

председатель предметно-цикловой комиссии

ОГСЭ, ОДЕН и ОПД Орловского колледжа культуры и искусств, г. Орел,

e-mail: aen.777@yandex.ru

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. В статье говорится об особенностях установления Советской власти в Орловской губернии в ее дореволюционных границах, о формировании властных структур, о политике новой власти в отношении церкви и старых сословий, о создании комитетов бедноты и политике партии большевиков в отношении крестьянства в первые месяцы после победы. В статье приводятся данные Государственного архива Орловской области, касающиеся первых месяцев установления Советской власти.

Ключевые слова: 1918 год, Советская власть, Орловская губерния, Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Военно-революционный комитет, комитеты бедноты, продовольственные отряды, Красная гвардия, трудовые земельные артели.

Известие о вооруженном перевороте и смене власти в Петрограде, совершившихся 25 октября (7 ноября) 1917 года, в Орле было получено на следующий день, в 8 часов 45 минут утра. Тогда же, 26 октября (8 ноября) в Орле собралось совместное заседание членов исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Постановление, принятое по его итогам, осудило свержение Временного правительства: «Считая, что вооруженное выступление большевиков имеет целью навязать демократии волю меньшинства, что оно в конечном счете может привести к срыву Всероссийского Учредительного собрания и крушению революции, исполнительный коми-

тет... резко осуждает тактику большевиков». Не имевшие серьезного влияния в Совете, Орловское губернское бюро РСДРП(б) и Орловский городской комитет той же партии 26 октября напрямую обратились к населению с воззванием о поддержке петроградского пролетариата. «Спасайте же революцию. Не давайте отнять у вас земли, которые теперь к вам переходят. Скорее везите хлеб к станциям... Твердо скажите народу – вся власть и земля ваши», – говорилось в нем [23, с. 66]. Но в тот день воззвание большевиков услышано не было.

Губернский город фактически задавал тон в своем отношении к произошедшему в столице, поэтому решительной поддержки в уездах в те дни большевики не получили.

Среди уездных городов губернии только Брянск объявил об установлении Советской власти уже 26 октября. Новость о взятии власти большевиками пришла в Брянск ночью 25 октября. Созданный в городе Военно-революционный комитет, опиравшийся на членов значительной по своему составу местной организации РСДРП (б), 26 октября произвел по столичному образцу захват почты, телеграфа, вокзала и других значимых объектов уездного центра. Во главе ВРК стоял его организатор, представитель Московского областного бюро РСДРП (б) Игнат Фокин – лидер брянских и бежицких большевиков. Февральская революция 1917 г. освободила его от второй по счету ссылки прямо из арестантского вагона, направлявшегося в Сибирь. После захвата власти большевики Брянска были срочно отправлены в населенные пункты уезда с целью добиться поддержки жителей. Крупный митинг в поддержку новой власти состоялся в пригороде Брянска – Бежице.

В течение ноября в губернском центре и в уездах проходила ожесточенная борьба за влияние в местных органах власти. Большевики Орла долгое время не могли развернуть ситуацию в свою пользу [23, с. 66].

Весьма драматично, в частности, проходило 1 (14) ноября 1917 г. собрание Орловского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором присутствовали заинтересованные представители полковых, ротных, заводских и профсоюзных комитетов губернии. Руководитель Брянского Военно-революционного комитета (ВРК), энергичный и убежденный в своей правоте Фокин резко полемизировал на заседании со своими оппонентами из фракций меньшевиков и эсеров, среди которых выделялась такая яркая фигура, как В.Ф. Переверзев. Орловский городской голова, товарищ председателя Орловской организации РСДРП, но меньшевиков. В.Ф. Переверзев являлся председателем Орловского совета рабочих и солдатских депутатов. Умный, рассудительный, спокойный, отлично знавший обстановку в Орле и в губернии, Переверзев обладал огромным авторитетом. Поскольку в 1917 г. в Орловской губернии не существовало единого Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, крестьянский совет до конца 1917 г. находился под влиянием эсеров, с меньшевиком Переверзевым совет разногласий не имел и Октябрьскую революцию не поддержал. Общим требованием совета было образование однородного социалистического правительства вместо Совета Народных комиссаров, созданного на II Всероссийском съезде Советов в октябре 1917 г.

Предложенная большевиками 1 (14) ноября резолюция, обещавшая, что «Орловский Совет рабочих и солдатских депутатов весь свой авторитет, всю силу своего влияния положит для того, чтобы утвердить власть Советов в центре и на местах», переголосовывалась дважды и была принята с большим трудом, причем перевес составил всего 7 голосов. Оценивая положение в Орле, газета «Правда» в номере от 24 ноября 1917 г. осторожно писала о событиях 1 (14) ноября: «По-видимому, перевес на стороне большевиков. Местных газет большевики не имеют. Из банков взяты почти все вклады».

2(15) ноября большевики в орловском Совете даже оказались в одиночестве, поскольку представители всех остальных партий подали заявления о своем выходе из состава организации. Однако члены РСДРП(б) не воспользовались чрезвычайными преимуществами своего положения; больше того, они предложили бывшим членам Совета вернуться и занять в исполкоме прежние места. Сильными сторонами ушедших «небольшевиков» были их авторитет, знание хозяйственной обстановки и опыт, а именно эти качества требовались тогда более, чем когда-либо: проблемы снабжения топливом и продовольствием нарастали и становились исключительно острыми. Ушедшие вернулись, и через три дня 4(17) ноября большевистская резолюция была отменена.

Через две недели после переворота в помощь орловским большевикам из Петрограда ВЦИК и ВРК отправили 14 агитаторов [23, с. 67], которые на первых порах успеха также не имели.

12 (25) ноября в губернии прошли выборы в Учредительное собрание, в которых приняли участие 24636 человек. По списку № 3 от губернского комитета партии социалистов-революционеров (эсеров) в нем оказалось 8 человек, по списку № 8 – от губернской организации РСДРП – 4. Перевеса большевики не добились и тут. Больше того, воспользовавшись отсутствием Фокина, члена Учредительного собрания по Орловскому избирательному округу, меньшевики и эсеры сумели вернуть себе большинство даже в Бежицком Совете, роспуск которого оказался далеко непростым делом.

«Орловская организация, бедная идейными силами, – докладывал в Москву один из местных членов РСДРП (б) М. Калинин, – сумела напрячь свои силы и сделала всё возможное при выборах в Учредительное собрание. Были разосланы агитаторы по деревням с литературой и массой листовок, изданных самой организацией... Хотя при выборах-то и победили социалисты-революционеры, но нужно принять во внимание, что Орловская губерния – земледельческая, где засилье эсеровщины особенно велико» [23, с. 67]. В ходе выборной кампании большевикам всё же удалось завязать контакты с деревенской беднотой, что оказалось особенно важным впоследствии.

С 15 (28) по 25 ноября (8 декабря) проходили выборы Орловского Совета рабочих и солдатских депутатов. Только теперь большевики получили в Совете небольшое преимущество. На первом же заседании Орловского Совета нового состава 25 ноября (8 декабря) 1917 года был создан, наконец, Военно-революционный комитет, к которому перешла вся полнота власти в городе Орле. 26 ноября Орловский ВРК возглавил, как тогда иногда называли партийцев такого рода, «чистый большевик» солдат Михаил Никитович Буров. Работой

исполкома городского Совета стал руководить еще один «чистый большевик» – Мирон Абрамович Переславский. Губернский Совет народных комиссаров возглавил М.Н. Буров.

Таким образом, 25 ноября (8) декабря 1917 г. можно считать днем победы Советской власти в Орле.

Понимая, что позиции новой власти довольно шатки, ВРК направил в Москву и Тулу некоего товарища Есинева, который привез оружие и боеприпасы для создаваемых отрядов Красной гвардии [23, с. 67].

Известная изоляция от центра, возникшая с потерей устойчивой власти, заставляла каждый уезд, а иногда и отдельные села и деревни с минимальной оглядкой на Орел определять свои политические пристрастия. На местах еще считались с прежней властью либо организовывали свою. Так, в Ливенском уезде до февраля 1918 г. работал Комитет общественной безопасности под председательством князя В.В. Голицына, избранного большинством крестьян. Власть совдепа население игнорировало.

В Елецком уезде появился Совнарком, который решительно отказался подчиняться орловскому Губисполкому и даже начал выпуск собственных денежных знаков (!). Впервые Елецкий совет заявил о поддержке Советской власти 30 октября (12 ноября), но Исполком солдатских депутатов не поддержал его резолюции [4, с. 100]. Тогда же члены елецкого «Клуба социалистической молодежи» Б. Попов и В. Рахметов приняли участие в написании «Положения о Временном революционном комитете» [26, с. 12], но оно также не было принято к действию. Но 11(24) ноября 1917 г., то есть на полмесяца раньше губернского центра, Елецкий Совет рабочих и солдатских депутатов заявил о своей победе, избрал Военно-революционный комитет и утвердил его «регламент».

24 ноября (7 декабря) принял Советскую власть и Мценск, вначале активно отказывавшийся признать переворот и даже образовавший «Комитет спасения родины и революции» [17, с. 191]. Лишь 24 ноября 1918 г. газета «Правда» сообщила о признании Советской власти во Мценске: «В городе власть в руках Военно-революционного комитета. Переход власти совершился спокойно». Активную роль в ее формировании сыграл революционер А.Г. Рева. Участник харьковской партийной организации, дважды подвергавшийся аресту, «пролетарский художник», окончивший в годы первой мировой войны Московскую школу прапорщиков, после Февраля 1917 г. Рева возглавил солдатский комитет дивизии. Во Мценск он был прислан для формирования маршевых подразделений с целью отправки их на фронт. Узнав о победе революции в Петрограде, Рева сорвал с себя штабс-капитанские погоды и взял на себя формирование мценских органов Советской власти. Рева поддержал инициативу большевика И.С. Юрасова по созданию во Мценске Красной гвардии. Именно ее представители совершали рейды по уничтожению барских имений в первые месяцы после Октября 1917 г. Местные жители шепотом вспоминали впоследствии о рейдах красновардейцев, сжигавших помещичьи дома. Рева стал первым председателем уисполкома, ревкома и военным комиссаром Мценского уезда.

Установление Советской власти в Малоархангельске 1 (14) января и в Ливнах 24 декабря (7 января) сопровождалось драматическими событиями. 17

декабря 1917 г. газета «Брянский рабочий» г. Бежицы сообщала: «В Ливнах власть принадлежит городской думе, состоящей из кадетов. 8 декабря, когда в местной части был получен приказ об уничтожении офицерских чинов, то офицеры заволновались и открыли стрельбу по солдатам. Одного писаря, настаивавшего на исполнении приказа, арестовали. В комиссариате, между прочим, организуется белая гвардия». На выборах в Учредительное собрание в Ливенском уезде эсеры получили 83 % голосов, выбрав депутатами крупного землевладельца С.Л. Маслова, кадета, министра земледелия в третьем составе Временного правительства, и чиновника С.А. Володина [3, с. 75]. Октябрьскую революцию ливенский эсеро-меньшевистский совет осудил, власть потребовал передать Учредительному собранию. «Ливенская газета» саркастически освещала действия большевиков, начиная с сентября 1917 г. До начала 1918 г. уезд жил, как бы не замечая смены происходящего в столице.

Прежнюю власть в Ливнах свергали, пользуясь уже известными приемами Петрограда и Брянска. В конце декабря 1917 г. под руководством И.Д. Селитренникова был образован орган восстания, получивший трафаретное название «Военно-революционный комитет». Согласно разработанному плану 24 декабря (7 января) 1918 г. восставшими были заняты телефонная станция и оружейный склад, произведены аресты среди членов городской думы и земства, распущен уездный Совет. 9 января в СНК из Ливен была направлена телеграмма за подписью Председателя ВРК Ивана Фурсова и секретаря Николая Петрова: «В Ливнах образовался Военно-революционный комитет. В городе спокойно и полный порядок. Просим контактной работы. Вся власть в руках комитета» [23, с. 69]. Захватившие власть 14 января 1918 г. создали в Ливнах организацию большевиков числом 54 человека [3, с. 79].

I Ливенский съезд Советов, проходивший 25-28 января 1918 г., создал отряд Красной гвардии. Председателем уездного исполкома был избран большевик, в прошлом балтийский моряк, Д.Д. Прикашиков-Октябрьский (Приказчиков) [3, с. 79]. Военно-революционный совет и местных красногвардейцев возглавил отставной солдат И.Д. Селитренников.

9 января 1918 г. вооруженные большевики Малоархангельской и Александровской волостей, достигнув Малоархангельска, расставили в городе вооруженные караулы и объявили о создании Военно-революционного комитета. На следующий день, 10 января, расширенное заседание исполкома Советов солдатских и крестьянских депутатов, члены ВРК, красногвардейцы и представители городских учреждений приняли резолюцию о доверии Советской власти. Дискуссия оказалась непродолжительной. Члены ВРК явились на заседание вооруженными и при первых же выступлениях несогласных, как сообщала газета «Крестьянский вестник» в № 8 от 28 января 1918 г., сразу «послышались крики: «Повыбросить их из окна! Взять на штыки!» Едва заявивший о себе, Малоархангельский ВРК в течение 5 дней изъял у населения несколько сотен пудов хлеба. 1 февраля ревком как временный орган сдал свои функции новому исполкому Малоархангельского Совета.

Несколько отличалось по названию, но не по функциям Новосильское Военно-революционное бюро (15 января 1918 г.). Созданное не явочным по-

рядком, а решением исполкома Новосильского Совета, бюро образовало в уезде отряды Красной гвардии, организовало охрану Шатиловской опытной сельскохозяйственной станции, но, подобно Малоархангельскому ВРК, тут же отобрали у населения хлебные запасы, называя их «излишками».

Несмотря на уверения советских партийных изданий, что «трудящиеся Болховского уезда горячо поддержали установление советской власти в Петрограде и Москве, приветствовали деятельность Совета Народных депутатов» [23, с. 69], именно Болховский уезд признал Советскую власть последним в губернии. 20 января 1918 г. решение об этом принял уездный съезд Советов крестьянских депутатов. К этому времени многие земли уезда уже были изъяты явочным порядком у прежних владельцев, и съезд лишь «узаконил» создавшееся положение. А в Болхове Советская власть установилась только 27 января 1918 г. [4, с. 63] и то лишь после того, как первый Орловский губернский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов уже закрепил итоги признания новой власти по всей губернии (25-26 января).

В Дмитровске, где имелась сильная эсеровская организация, предложения большевиков о признании Советской власти долгое время не проходили. Только 20 декабря был образован революционный комитет, председателем которого был избран И. Костиков. Тогда же был сформирован отряд Красной гвардии числом 50 человек. Оружие он получил из Брянска. Тогда же были арестованы уездный комиссар Временного правительства и начальник милиции, проведен учет продовольствия, начаты его реквизиция и раздача зерна «беднейшему населению». Помощник начальника Дмитровской милиции телеграфировал в Орел 8 января 1918 г. еще на имя Губернского комиссара Временного правительства: «Большевиками захвачена вся власть и учреждения. Комиссар, начальник милиции, начальник отряда арестованы. Милиционеры перешли к большевикам. Организуется Красная гвардия».

10 (23) декабря на первом уездном съезде Советов в Кромах большевики еще были в меньшинстве. Но инициатива в конечном счете оказалась у них в руках. Значительную роль в этом сыграл представитель Московского Совета рабочих и солдатских депутатов А.И. Козин, кромчанин, оказавшийся в то время в отпуске на родине. Известный политический опыт и обязанности председателя съезда позволили ему изменить настроение делегатов. В резолюции «О текущем моменте», принятой по докладу Козина, говорилось о признании Советского правительства, которое «пошло прямым путем к миру и издало долгожданный закон о земле.., за несколько дней для нас, крестьян и рабочих, сделало всё, что мы требовали от временного правительства в продолжении восьми месяцев». Первым председателем Кромского исполкома стал депутат от крестьян Черкасской волости И.Т. Третьяков, возглавивший вскоре уездный ВРК, но фактически обязанности предревкома выполнял член исполкома В.П. Круглов. Позже в состав ВРК был введен бывший матрос с балтийского крейсера «Слава» Г.А. Зуев [27, с. 24]. Но еще в июле 1918 г. на уездном съезде Советов в Кромах шли горячие прения между А.И. Козиным, выступившим от имени большевиков с докладом о «Текущем моменте» и левыми эсерами. Содокладчиком Козина выступал лидер местных эсеров И.Т. Шульгин. Победу больше-

вики выиграла с трудом. И съезд распустил уездное земство, городскую управу и городскую думу, которые еще действовали в Кромах до этого момента. В состав исполкома вошли 10 большевиков и 5 левых эсеров. Козин возглавил Кромской исполком и стал делегатом V Всероссийского съезда Советов [27, с. 24].

В начале декабря по новому стилю власть Советов установилась в Урицком и Свердловском районах, которые тогда являлись частями Орловского уезда, в современном Шаблыкинском и Хотынецком районах, входивших в состав Карачевского уезда. В январе 1918 г. мирным путем власть сменилась в современном Залегощенском районе, который тогда частично относился ко Мценскому, частично – к Новосильскому уезду; в современных Верховском и Новодеревеньковском районах бывшего Новосильского уезда, в современных Покровском, Колпнянском и Глазуновском районах, входивших по прежнему территориальному делению в Малоархангельский уезд, а также в нынешнем Должанском районе тогдашнего Ливенского уезда.

Значительная территориально, Орловская губерния в ее прежних границах вначале активно сопротивлялась установлению новой власти. Это вызывало беспокойство новых центральных органов. В ноябре 1917 г. для оказания действенной помощи Орловской губернской партийной организации Московское областное бюро РСДРП (б) направило в Орел 45 большевиков. Едва оказавшись в губернии, московские партийцы начали широкую кампанию по разъяснению декретов Советской власти, ее программы и сущности. Местные партийные активисты учились у московских товарищей непростому умению агитации и пропаганды. Повсеместное «разъяснение» сделало свое дело. Декрет о земле вызвал, наконец, огромный интерес у крестьян, составлявших большинство населения губернии, и симпатии крестьянства начали медленно разворачиваться в сторону большевиков. Незримыми, но с каждым днем всё более ощутимыми союзниками большевиков выступали голод, холод, утраченный контроль над ситуацией в стране и огромное количество вооруженных людей, оказавшихся вследствие массового оставления фронта в центральной части России. Большевики обещали измученному населению скорейшее окончание войны, землю, безопасность и надежду на лучшее будущее. Никто не предполагал, для скольких людей новая власть обернется гражданской войной, обнищанием, потерей дома, семьи и даже жизни.

В течение двух месяцев (февраль-март 1918 г.), то есть с огромной быстротой, в губернии оформлялись органы Советской власти. Прежние городские думы и губернская земская управа упразднились, должности губернских и уездных комиссаров Временного правительства ликвидировались. Функции управления переходили к губернским и уездным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Уже в феврале 1918 г. начали свою деятельность губернские и уездные Советы народного хозяйства (Совнархозы) и органы рабочего контроля, им подчинившиеся. За порядком наблюдали отряды Красной Гвардии. В Орле их было два – первый – под руководством И.В. Чимерова, созданный в январе 1918 г., второй – под руководством Н.В. Сорокина, сформиро-

ванный из рабочих-железнодорожников. Последний обеспечивал охрану железнодорожного узла и летом 1918 г. уже участвовал в подавлении Ливенского крестьянского восстания.

Одновременно в уездах спешно образовывались комитеты партии. В Дмитровском, Севском, Кромском уездах они появились в январе 1918 г., во Мценском – в феврале, в Болховском и Ливенском – в апреле, в Брянском и Малоархангельском – в июле, в Елецком и Карачевском – в августе, в Орловском – в сентябре [23, с. 70]. А в уездах и волостях практически в каждом населенном пункте оформлялись партийные ячейки. Первая в губернии парторганизация была создана на ст. Болва Риго-Орловской железной дороги (апрель 1918 г.). Она называлась Бежицкой и насчитывала 134 члена. Вслед за ней стали формироваться партийные ячейки на брянских заводах. В течение лета и особенно осени 1918 г. коммунистические организации имелись уже во всех уездах. В Новосильском уезде активно заявляли о себе Косаревский, Суровский, Судбищенский, Моховской, Паньковский волостные комитеты партии; в Болховском – Льговская парторганизация (одна из самых крупных в губернии), а также Ильинская, Селиховская, Мымринская, Голдаевская. Моховицкая, Бунинская, Злынская и другие парторганизации, в Ливенском – Долговская, Пол-Успенская и Островская, в Орловском – Лавровская, Талызинская, Богодуховская, Заболовская и т.д. В августе 1918 г. в Елецком уезде было создано уже 33 коммунистических ячейки [24, с. 104]. Партийные армейские ячейки курировал Военный райком партии.

Опорой новой власти становился комсомол. Ячейки РКСМ повсеместно начали создаваться в губернии после I Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской молодежи. День открытия съезда – 29 октября – стал днем рождения комсомола. На съезде присутствовал будущий писатель Лев Овалов (Шаповалов), передавший его атмосферу в романе «Двадцатые годы» [20]. Комсомольские ячейки дополняли и подпитывали партийные органы на местах.

15 января 1918 г. декретом Совнаркома была образована Красная Армия. В рамках ее организации формировались Орловские, 6-й Мценский и Брянский полки, 1-й Железный отряд защиты пролетарской революции и интернациональный отряд, состоявший из пленных австрийцев, венгров, немцев и словаков, перешедших на сторону революции. Весной 1918 г. стала создаваться Губернская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ЧК). Ее отделения появились в каждом уезде.

В преддверии национализации на промышленных предприятиях Орловской губернии устанавливается рабочий контроль. В марте 1918 г. его органы начал действовать на орловском заводе М. Хрущева, в августе – на заводе Кале. «Временные правила внутреннего распорядка», введенные на Брянском заводе, в мае 1917 г. были рекомендованы В.И. Лениным в качестве положительного опыта («Письмо конференции представителей национализированных предприятий»). Тем не менее, рабочий контроль был всего лишь полумерой в деле установления контроля над промышленностью. Переход крупных заводов и фаб-

рик в руки государства происходил в течение 1918 г. В Орловской губернии было национализировано 171 предприятие. В числе первых из них оказались ватная фабрика Пинеса, шпагатная фабрика и литография «Рекорд» в Орле; в числе крупнейших – завод Хрущева в Орле, Брянский завод в Бежице, Московско-Курская и Риго-Орловская железные дороги, Казацкий цементный завод в Елецком уезде.

Мероприятия Советской власти развертываются на фоне активной атеистической пропаганды. В конце января 1918 г. Преосвященный Епископ Серафим, Владыка Орловский и Севский¹, осудил «явное беззаконие и злую антихристианскую цель декрета об отобрании церквей и церковного достояния». Известно, что на следующий день после Октябрьского переворота Серафим ездил в Спас-Чекряк обсудить ситуацию с авторитетным в губернии священником Георгием Коссовым² и через день, по воспоминаниям очевидцев, «уезжал... грустный» [25, с. 66]. Церкви предстояли нелегкие времена. Противостояние власти и церкви быстро росло. «Орловские епархиальные ведомости» 1918 г. полны сообщений о гонении на церковь, о грабеже церквей и монастырей, об обысках, в том числе в женском епархиальном училище, об издевательствах, избиениях и даже убийствах священников. В январе 1918 г. из-за резкого сокращения поступлений церковь вынуждена была прекратить финансирование госпиталя Красного Креста имени Орловской епархии [21, с. 38].

1 (14) февраля 1918 г. орловскими жителями Покровской слободы были избиты мастера, пытавшиеся провести демонтаж золотых царских гербов с колокольни Покровской церкви Черниговского полка, построенной на средства его шефа Великой Княгини Елизаветы Федоровны, офицеров и нижних чинов. Это делалось, чтобы власти «не соблазнились» их изъятием. Но вокруг церкви собрались прихожане, уверенные, что гербы снимают по поручению большевиков. Толпу разгоняли силами красной гвардии, милиции и кавалерии. Председатель губернского совнаркома Михаил Буров сообщал в телеграмме Ленину: «Сегодня церковное начальство распорядилось снять орла с Покровской церкви на глазах массы народа. В толпе распространялись злонамеренные слухи против большевиков, якобы оскорбляющих святыню. Произошла перестрелка. Один убит, один ранен, задержано трое белогвардейцев с бомбами» [4, с. 163].

На следующий день, 2 (15) февраля 1918 г., на Сретенье по благословению Епископа Орловского и Севского Серафима (Остроумова) был назначен крестный ход. В ночь на 1(14) февраля, ссылаясь на беспокойную обстановку в городе и инцидент с Покровской церковью, власть объявила Орел на военном положении – ввиду «...тяжелого положения города Орла в смысле хулиганства,

---

¹ Архиепископ Серафим (в миру Михаил Митрофанович Остроумов; 1880-1937). Прославлен в лике святых Русской православной церкви в 2001 году.

² Коссов Георгий Алексеевич (Егор Чекряковский) (1855-1928) – русский православный священник, протоиерей, при жизни почитался как старец. 9 октября 2000 года канонизирован в лике святых Русской Православной церковью как исповедник.

грабежей, пьянства, беспорядочной стрельбы, повторяющейся ежедневно неизвестными лицами». С 9 вечера до 6 утра жителям было запрещено выходить на улицу. Трактиры, трактиры, рестораны и электротeatры должны были быть закрыты. Запрещались «всякие демонстрации и уличные шествия». Несмотря на объявление военного положения и сильный мороз, крестный ход, на который вышло более 20 тыс. верующих, с иконами и хоругвями прошел, начиная от Иверской церкви, где отслужил литургию Преосвященный Амвросий (Смирнов)¹, епископ Елецкий, до Петропавловского кафедрального собора². По пути к верующим присоединялись прихожане из всех городских церквей. На Соборной площади Владыка Серафим (Остроумов) в сослужении с епископом Амвросием, провел молебен, в конце которого игумен Болховского Оптиного монастыря Архиепископ Даниил (Троицкий) призвал верующих поклясться, что они будут защищать свою православную церковь.

– Клянемся! – прозвучало в ответ [22, с. 90].

В ответ на крестный ход уже через неделю рабочими во главе с бывшим псаломщиком Ахтырской церкви Иваном Широковым был захвачен свечной завод [22, с. 91-92]. Захват был одобрен председателем исполнительного комитета Орловского совета Ароновым. Продукция завода была важной составной частью церковной кассы, его утрата серьезно ухудшала и без того скудную финансовую базу церкви. 14 (27) марта отряд матросов во главе с Ароновым ворвался в здание Петропавловского братства, где проходил епархиальный съезд, созванный с целью протеста против введения рабочего контроля на свечном заводе. Аронов учинил обыск и отправил в каторжную тюрьму священников Н.П. Поликарпова, С.И. Мерцалова, А.Н. Оболенского, редактора «Епархиальных ведомостей» М.Н. Полунина и др. С епископа Серафима (Остроумова) была взята подписка о невыезде [22, с. 91-92]. Специальным постановлением губисполкома епархиальный съезд был закрыт.

Грозный натиск властей на церковь и навязанная ими тактика раскола ее служителей нашла неожиданный отпор в Ельце. Николай, епископ Елецкий (Никольский), сменивший на кафедре епископа Амвросия, прибыв в город, столкнулся не только с первыми массовыми репрессиями священников, но и с вопросом перекраивания епархии. Чтобы сохранить свою церковь чистой от обновленцев, в мае 1922 г. в Ельце предлагали отделиться от Орловской епархии. 24 сентября того же года в городе было решено образовать автокефальную Елецкую церковь (!) с епископом Николаем во главе. В ноябре 1922 г. новое епархиальное управление начало свою работу в Ельце по адресу: сторожка Сретенской церкви, угол Соборной и Мясницкой улиц, кв. 140.

---

¹ Архиепископ Амвросий (в миру Алексей Степанович Смирнов; 1874-1938).

² На месте Петропавловского кафедрального собора ныне находится библиотека им. Бунина.

В ноябре 1922 г., в связи с елецким делом, епископ Николай, ранее арестованный в мае того же 1922 г., был заключен под стражу повторно и приговорен к трём годам лишения свободы. В 1923 г. он был выслан в Задонск и управлял викариатством будучи в ссылке до июля 1926 г.¹

Аресты Серафима (Остроумова), Амвросия (Смирнова) и других епископов и священников епархии начались уже в 1918 г. 6 июля 1918 г. после обыска в архиерейском доме Амвросий, епископ Елецкий и Серафим, Владыка Орловский и Севский Амвросия оба владыки были арестованы. С этого момента они будут арестовываться несколько раз. Архиепископ Серафим будет расстрелян в 1937 г., архиепископ Амвросий – в 1938 г.

Вначале новой власти явно не хватало организованной военной силы для демонстрации своей уверенности, а также для купирования разбоев и грабежей. 23 февраля исполкому Совета удалось арестовать так называемый «Саратовский штаб» во главе с матросом Шейнглосом (Шенгельсом). «Штаб» занимался налетами и грабежами, «обыскивал» граждан. Базой налетчиков стала гостиница «Саратов», давшая название «штабу»².

Серьезным испытанием для нового руководства Орла стал также инцидент с отрядом анархистов во главе с И.П. Сухоносным. Пользуясь недостатком сил для охраны порядка, Сухонос, прибывший из Курска в марте 1918 г., предложил Орловскому Совдепу «500 человек команды и 17 броневедомостей», чтобы очистить город «от преступного элемента». Орловский Совет опрометчиво назначил Сухоносова комиссаром по охране города. Сразу вслед за этим начавшиеся грабежи, аресты, обыски и бесчинства «верховного комиссара» и его команды. Так, адъютант Сухоносова застрелил в Орловском городском саду девушку, отказавшуюся с ним потанцевать. В Болхов сухоносовцы

---

¹ Николай, епископ Елецкий (в миру Алексей Николаевич Никольский; 1879-1928). По другим данным в 1924 г. Николай (Никольский) был освобождён досрочно и до 1925 г. управлял епархией, находясь в Москве. В 1926 г. он был выслан в Тверскую губернию, где жил в Антониевом Краснохолмском монастыре. В июне 1927 г. был освобождён из ссылки без права проживания в шести центральных губерниях. В сентябре 1927 г. Николай стал епископом Вязниковским, викарием Владимирской епархии и вновь был арестован. Арестованный еще раз в 1927 г., епископ Николай содержался в заключении в Бутырской тюрьме. Архимандрит Феодосий (Алмазов), отбывавший наказание там же, вспоминал: «В камере 69 Бутырской тюрьмы койки наши стояли рядом. Ночью проснёшься, а святитель стоит на молитве. И так каждую ночь: удостоверяю. Православие его не в слове только, но и в деле: он одиннадцать раз до 1924 г. был арестован, почти все своё святительство провёл в тюрьмах <...>. Паства любила его до самозабвения, это и причина, по которой его преследовали. Мне известно, что он очень сокрушался, что одно время считал митрополита Сергия столпом Церкви. По словам рассказчика, эта скорбь и свела его в могилу: так он точно и нежно берег истину исповедания. Не мог он пережить того позора, в который повергнута была Церковь декларацией митрополита Сергия в 1927 г.». В Бутырской тюрьме епископ Николай и скончался 4 мая 1928 г. и похоронен на Даниловском кладбище. После смерти Владыки Николая монахини Елецкого Знаменского монастыря распространяли среди верующих рукопись «Житие епископа Елецкого Николая», в которой жизнь епископа представляла «как сплошные мучения от советской власти».

² Ныне на месте разрушенной в годы Великой Отечественной войны гостиницы «Саратов» находится гостиница «Орел».

специально выезжали для грабежа. В ночь с 7 на 8 марта Сухоносков собрал совещание, на котором предложил руководству города провести «Варфоломеевскую ночь» для «бывших эксплуататоров», причем потребовал для себя диктаторских полномочий. Большинство присутствующих, прикинув последствия, всё же отказалось от предложения. Орловский совет поддержал прибывший с фронта 142-й Звенигородский полк, до войны расквартированный в Орле. 14-15 марта в Орле развернулись настоящие боевые действия между сухоносковцами и звенигородцами с применением броневиков и артиллерии. При попытке агитации железнодорожных рабочих Сухоносков был арестован¹.

3 марта 1918 г. был подписан Брестский мир. Губернские власти возложили выплату контрибуции на бывших имущих граждан. Их списки публиковали орловские газеты. По верху газетного листа шла грозная надпись «Комиссия по раскладке и сбору шести миллионной Контрибуции настоящим доводит до сведения граждан гор. Орла что ею контрибуция распределена следующим образом»² и о том, что граждане, не внесшие деньги к указанному сроку, «будут арестованы и заключены в каторжную тюрьму. Председатель Комиссии М. Карасик». Против фамилий многих «должников» стояло слово «капиталист». Им, в частности, был объявлен ректор Орловской духовной семинарии В. Сахаров. В списке по алфавиту были помещены владельцы булочных, контор, трактиров и складов, а также банкиры, заводчики, аптекари и врачи. В списке также значились определения «огородник», «возчик» и «спекулянт».

15 марта 1918 г. был принят декрет Совнаркома о создании Красной Армии. Губернская парторганизация сразу начала формирование воинских частей. Появились Орловский, Мценский и Брянский полки. Коммунисты вскоре были направлены на Восточный фронт. На подавление мятежа чехословацкого корпуса от Орловской губернии была отправлена бригада из двух сводных полков и одной батареи, конная сотня и одна рота с восемью пулеметами [24, с. 111]. «Все должны владеть оружием!» – призывала партия.

Декрет II Всероссийского съезда Советов «О земле», изданный 26 октября (8 ноября) 1918 г., отменил помещичью собственность на землю «немедленно без всякого выкупа». «Помещичьи имения, равно как и все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями, – говорилось в нем, – переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов». Согласно Декрету в губернии проводилась тотальная конфискация помещичьих земель. Военно-революционные комитеты, правда, предупреждали граждан об ответственности за порчу имущества усадеб. Однако в условиях нестабильной власти и, в особенности, при отсутствии твердой опоры у людей, только что обретших власть, конфискация земель изобиловала целым рядом драматических и даже трагических моментов. В результате раз-

---

¹ Получив 4 года тюрьмы, И.П. Сухоносков вскоре был амнистирован, занимал должность воинского начальника в Черниговской губернии. В дальнейшем перешел к белым. Попав к красным, после опознания личности был расстрелян.

² Орфография оригинала.

грома имений уничтожались культурные ценности, бездумно рушились и сжигались помещичьи дома и усадебные постройки; в ходе стихийных акций истреблялись ценные породы скота.

Первые погромы имений, однако, начались еще при Временном правительстве и шли, постепенно нарастая. Осенью же 1917 г. разгром поместий принял всеобщий характер. Начались и первые посягательства на церковное имущество. Так, осенью 1917 г. Колкский волостной совет описал имущество Ключевского женского монастыря, потребовав от насельниц «прекратить дармоедство, разойтись и заняться честным трудом».

Начались разделы помещичьих земель. Владельцы усадеб тщетно взывали к властям с просьбой защитить их от вандалов. Но милиция была бессильна предотвратить многочисленные «набеги». Вот что говорит документ Малоархангельского земельного отдела о подобной ситуации: «В октябре 1917 г. перед Октябрьским восстанием, благодаря возвратившимся с фронта солдатам, начались погромы имений. Причиной погромов явилось вековое озлобление крестьян на «орлиные гнезда» помещиков. Борьба с погромами в то время была невозможна, так как твердой власти в деревне не было. И только к весне 1918 г., когда окрепла власть в уезде, погромы прекратились». Но к этому времени уже погибли сотни дворянских усадеб, представлявших национальный интерес в историческом и культурном плане.

Так было, в частности, разгромлено Молодовое (совр. Шаблыкинский район), владение потомков крупного государственного деятеля екатерининских времен сенатора Г.Н. Теплова. Ни усадебные постройки, ни редкая художественная коллекция, ни библиотека, которая являла собой одно из самых крупных частных собраний России, ни в высшей степени ценный архив сенатора не сохранились до нашего времени, сгорев в пламени пожара 1917 г. Огонь был конечным результатом разграбления имения, продолжавшегося почти неделю. Тогда же были разрушены молочная, ледник, каретный сарай, кузница, оранжерея, кухня, кладовые, амбары; расхищены плуги, бороны, сохи и другой инвентарь. Опустошенный дом был подожжен. Грабителям казались ненужным хламом книги и «бумаги» сенатора. Они сгорели вместе с домом, от которого осталось лишь четыре колонны у стены.

Разрушению подверглась и усадьба Пуциных в Лебедке¹. Согласно данным волостного земельного комитета Богдановской волости сыну декабриста И.И. Пуцина – земскому деятелю и уважаемому доктору И.Н. Пуцину² и его сыну Л.И. Пуцину, депутату IV Государственной думы (и временному комиссару Петрограда при Временном правительстве) в селе принадлежало 775 десятин земли. Усадьба размещалась на площади в 50 десятин, около нее был сад в 14 десятин. Отчетные ведомости о состоянии имуществ в национализированных усадьбах Орловского уезда 1923 г. констатируют, что до 1917/18 гг. в по-

¹ В сентябре 1918 года об имении И.Н. Пуцина было сказано: «уже разграблено» [11, л. 76].

² И.Н. Пуцин (1849-1923), сын декабриста И.И. Пуцина носил отчество «Николаевич». Он был рожден в Ялуторовске, когда отношения его отца с матерью, Дросидой Ивановной Кюхельбекер, вдовой декабриста В.К. Кюхельбекера, не были оформлены. Мальчик был усыновлен братом Ивана Пуцина Николаем Ивановичем [См. подробнее: 1].

местье имелось два кирпичных дома, кирпичный флигель, скотный двор, кладовые и молочная, деревянная контора и ледник [5, л. 63]. В акте комиссии, составленном в 1918 г., состояние построек в Лебедке уже выглядит следующим образом: «...дом деревянный небольшой – разрушенный, Скотный двор – разрушенный, Скотный двор кирпичный – разрушенный, Дом барский – разрушенный, Кладовая – разрушена, Ледник – разрушен, Контора деревянная – разрушена. Инвентаря не имеется. Живой инвентарь разобран» [13, л. 1]. Оставшиеся деревянные конструкции том же в 1918 г. были проданы Орловскому уездному земельному отделу.

Комиссии Орловского уездного земотдела было также предписано выяснить настроение крестьян Лебедки относительно создания коммуны. По этому поводу документ говорит следующее: «К национализации отношение равнодушное, к возникновению коммуны – отрицательное, потому что постройки... уничтожены до основания и часть находится в полуразрушенном виде»¹.

Тогда же, в 1918 г., оказалось опустошенным и село Городище (совр. Урицкого района) – имение потомков дипломата и сенатора графа Е.Ф. Комаровского, представлявшее собой накануне революции новый тип культурной усадьбы.

Владелец Городища граф П.Е. Комаровский создал в своей усадьбе хозяйство, признанное в губернии «образцовым». На 40 десятинах земли им были заложены фруктовый сад и питомник с серьезной садоводческой школой. Саженьцы городищенских яблонь стали основой многих садов Орловской губернии. Во время варварского разорения имения в 1917 г. сын Павла Комаровского Евграф писал в Орловский губернский земский отдел: «Громадное количество садов ведет начало и происходит именно от этой школы» [6, л. 4]. В Городище содержалось 15 десятин бахчи, снабжавшей овощами целый регион. Чистопородный симментальский скот Комаровских был занесен в племенную книгу Министерства земледелия Российской империи. Кирпичный завод при имении, обработка пеньки, 500 десятин «правильно заведенного» лесного массива и более 300 десятин лугов с торфяниками сочетались с грамотно выстроенным сельским хозяйством. В ноябре 1918 г., когда каждую ночь в Городище совершались ограбления, в том числе и вооруженные, юный граф Евграф Камаровский (так теперь писалась его фамилия), вел переписку с местными властями [6, л. 4-15], убеждая их принять меры к сохранению уже национализированного имения, просил не допустить его дальнейшего расхищения и погрома, призывал защитить и принять усадьбу в том виде, в которой она досталось народу, сделав, таким образом, его «экономией» реальным достоянием общества. Услышан он не был.

Разорению подверглись имение Муравлёво Е.Д. Пукаловой [9, л. 14], Дашково Е.П. Бакеевой [11, л. 87], Бобраки помещиков Дудоровых (совр.

¹ На 5 марта 1923 года в бывшем имении Пушиных сохранились лишь здания кирпичной молочной размером 10 на 12 аршин, деревянный дом «бывшей конторы» 10 на 20 аршин, при нем двор и подвал Кирпичный флигель был продан Губземотделом некоему Филимонову. Остатки камня и кирпича от разрушенных построек были «ликвидированы в разное время райсовхозом и земотделом» [5, л. 64].

Урицкого района); Ждими́р Зиновьевых (Болховского уезда), Думчино Шеншинских [10], Алексеевка Добрынина, Ломовое Нарбута, Хальзево Тихомирова (Мценского уезда), Покровское П.И. Белкина, поместье С.Ф. Лебедева при д. Лутовиново (Новосильского уезда) и десятки других усадеб губернии.

Вопреки расхожему мнению, в погромах помещичьих усадеб принимали участие далеко не все местные жители. Документы и воспоминания старожилов утверждают, что имевшие преступные наклонности люди, собираясь из нескольких соседних селений, образовывали группы, и именно они участвовали в «набегах» на окрестные усадьбы. К августу 1918 года более половины национализированных помещичьих усадеб были разорены.

В очень редких случаях местная крестьянская власть всё-таки противостояла грабежу. Так случилось с имением князей Куракиных. Куракинский волостной совет по народному образованию принял к сведению обращение губернской комиссии по охране памятников искусства и старины, призывавшее «беречь то, что осталось от поколений, ушедших в вечность, что волновало их ум и сердце, что украшало их жизнь, беречь памятники творчества прошлого», и взял под охрану княжескую усадьбу со всем ее имуществом, составив описи вещей и картин [15, с. 23]. Исследователь Евграф Кончин нашел в документах Музейного отдела имя крестьянина, возглавлявшего волостной совет, – Михаил Патенков. Его сын Иван Патенков (1909-1965) впоследствии станет редактором «Орловской правды», известным публицистом, писателем, драматургом.

Увидев размах самозахватов и правовой хаос в столицах, дворяне перебирались в Орел – родные деревни, Москва и Петербург казались им более опасными. Орел 1918 г. описан в воспоминаниях Юрия Мейера: «Когда произошла полная смена властей ... бывшие сановники сбежали в родной город. Весной 1918 г. в Орле насчитывалось 11 бывших губернаторов. Дуайеном нужно было считать Сергея Николаевича Свербеева, нашего посла в Берлине в 1914 г. Он был барин и дипломат старой школы. С ним в Орле жили три его сына Димитрий, Владимир и Сергей... В начале Садовой улицы был дом Николая Павловича Галахова, тоже бывшего губернатора и бывшего офицера Семеновского полка, красавца-старика с замечательными голубыми глазами и большими белыми усами. Он приходился близким родственником И.С. Тургеневу, и его городской дом был обставлен мебелью, привезенной из Спасского-Лутовинова, имения Тургенева. ...На той же Садовой жил В.С. Мятлев, известный сатирик-поэт, офицер Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка. Было время, когда весь Петербург и Москва декламировали его саркастические поэмы. ...Несмотря на приход большевиков, мы, молодежь, еще усиленно цеплялись за остатки прежнего быта, играли в саду Дворянского собрания в теннис по всей форме, в белых костюмах... Так в начале лета доживали последние дни помещики в Орле: Матвеевы, Талызины, Боборыкины, Левшины, Куракины, Оливы, Шамшевы, Блохины, Шепелевы-Воронович, Володимировы. Беспечность и непонимание ими надвигающейся грозы были непостижимы. Так, в дни, когда Ленин боролся со смертью после выстрела Доры Каплан и все газеты исходили бешеной слюной, провозглашая массовый террор, Владимир Сергеевич Олив серьезно развивал мысль об организации своего рода дворянского клуба, где

мы все могли бы часто встречаться. Скоро и в Орле была организована ЧеКа, во главе которой стал латыш Рамо» [19]. Мейеру и его друзьям тогда удалось «получить от орловского исполкома заказ на изготовление френчей для Красной армии. Материалом для этого были старые военные длиннополые шинели, лежавшие горами на интендантском складе. Имелись и нужные для производства мастерские. К френчам прибавился заказ на латание старых солдатских сапог. Мастерские были в большой орловской пересыльной тюрьме. Перед самой войной для них было выстроено новое здание и на верхнем этаже было в большом зале установлено 56 швейных машин с электрическим погоном. Кроме того, были помещения для кройки с большими столами. Мастерские пустовали, как и вся тюрьма. Уголовные сидельцы как родственный элемент были выпущены на волю, а политических еще почти не было. ...комитетом во главе с председателем Губернской земской управы Сергеем Николаевичем Масловым, милейшим человеком и видным членом конституционно-демократической партии, было решено поручить мне руководство изготовлением френчей, с заданием возможно быстрее набрать нужное число швей. Заведующим сапожной мастерской был назначен Владимир Сергеевич Олив. Работницы были набраны весьма быстро. Это все были или окончившие в этом году гимназию и институт барышни, или ученицы 8 класса, свободные во время летних каникул. У Олива рабочий коллектив состоял из гимназистов, кадет и вольноопределяющихся демобилизованного артиллерийского дивизиона. Единственным настоящим специалистом был у меня закройщик, старый рабочий интендантства, чахоточный и тихий человек. В помощь мне была назначена Кира Николаевна Галахова, в свое время считавшаяся первой красавицей Орла. Как видите, на общем фоне большевистской власти и надвигающегося террора бывшие люди сумели организовать свое гнездо. Настроение у молодежи было беззаботное, и перерыв на завтрак на тюремном дворе превращался в непередаваемое веселье и повальное ухаживание сапожников с нижнего этажа за моими швеями». «Наша наивность была безгранична: мы предполагали, что скоро сможем вернуться в освобожденный от большевиков Орел. Советская власть тогда казалась нам такой противоестественной и поэтому обреченной на свержение» [19].

О том же пишет мемуарист Н.К. Матвеев: «После революции Матвеевы тотчас же из имения уехали в Орел. Там жили всю весну и лето. Сюда же доставили из мценского Очкасова весь скот. Дом Матвеевых находился против костёла на Садовой улице (теперь улица Максима Горького). Константин Николаевич, отец, очередной предводительский срок служил в Мценске с 1915 г. до самой смены власти. Он отличался бурно кипящей предприимчивостью. Вначале в Орле вместе с компаньоном, офицером Мостовым, открыли кафетерий. В сущности – столовую. Скот, пригнанный из мценских поместий, забивался и продавался. Планировали комиссионную торговлю. Обстановка в Орле ужесточалась» [18, с. 4].

В сентябре 1918 г. О.В. Галахова, племянница А.А. Фета и родственница И.С. Тургенева, получила предписание покинуть свой дом: он подлежал экспроприации. Потрясенные Галаховы обратились в Москву, в Музейный отдел, размещавшийся в Мертвом переулке. Отдел возглавляла супруга Л.Д. Троцкого

Наталья Ивановна Седова. Именно она 10 сентября того же года отправила телеграмму в Орловский губисполком с требованием не реквизировать дом, а устроить в нем музей-читальню И.С. Тургенева. Власти не посмели послушаться жену всесильного Наркомвоенмора, и музей был создан. Впоследствии телеграмма Троцкой публиковалась со срезанной подписью отправителя. Тем не менее, семью Галаховых всё равно выселили из дома, и они нашли приют во мценском имении «Сергиевское» у старых друзей Сафоновых. Младшая дочь Ольги Васильевны – Ольга Николаевна Вырубова в 1921 г. скончалась в Сергиевском от тифа, оставив сиротами пятерых малолетних детей. Она работала учительницей в местной школе.

6 (19) ноября 1918 г. началась экспроприация имения Спасское-Лутовиново. 14 человек во главе с сельским комиссаром Захаром Семеновичем Рузенко потребовали от служащих выдать все ключи от имения и вступили в полное владение усадьбой. «Захвачен весь живой и мертвый инвентарь по имению, а также личное имущество владелицы», писал уездным властям управляющий имением Ф. Пинтман [17, с. 191].

Когда разграбление имений достигло своего апогея, представители Советской власти издали целый ряд постановлений об образовании в каждой волости не менее одного «культурного хозяйства» на базе бывших помещичьих имений с целью «разводить породистый скот..., птицу, разводить и улучшать разного рода семена как полевых злаков, так и огородных, завести как плодовой, так и древесный питомник, производить всякого рода опыты и показания в области сельскохозяйственного улучшения». Инструкции губернского земельного комитета от 22 января 1918 г. призывали уездные власти принимать решительные меры по охране и созданию культурных хозяйств. В число имений такого рода, вошли, например, Шатиловская опытная станция – как база отечественного семеноводства (совр. Новодеревеньковский район). В январе 1917 г. разгром Шатилова предотвратил П.А. Кожухов, ставший впоследствии комиссаром станции и арестованный через год «за организацию белогвардейской дружины». В числе «культурных хозяйств» были также имение Муратово, бывшее Хитрово – как отделение прикладной ботаники Шатиловской с.-х. станции (совр. Знаменский район); имение Талызино при деревне Юшиной, бывшее А.Н. Христиановича [8, л. 7; 10, л. 26] (совр. Урицкий район) – как рассадник рогатого скота, усадьба Дмитровское-Истомино, бывшее В.Н. Ляковского [8, л. 8] (совр. поселок Стрелецкий Орловского района) – как древесный питомник; Козминка, бывшее Адамова – как зерновое советское хозяйство (совхоз), Сергеевка, бывшее князя Голицына – как племенное животноводческое советское хозяйство молочного скота (оба – совр. Ливенский район); школа садоводства и огородничества И.И. Мацнева при деревне Некрасовке, казенный древесный питомник с сельскохозяйственной школой при деревне Сорочьи Кусты [8, л. 6]. Орловского уезда и некоторые другие. Составлялись описания лесов и лесничеств, национализированных садов и огородов, национализированных имений; переписывался инвентарь и постройки, в них еще оставшиеся. На сходках в волостях выносились резолюции, подобные той, что была принята в деревне Медвеженской Ливенского уезда: «Погромщики заносить в черные

позорные списки, и эти лица после проведения земельной реформы будут высылаться сходом из своего села» (7 ноября 1917 г.).

Но было уже поздно.

Конфискованные земли делились между крестьянскими обществами. В общей сложности, крестьяне губернии получили 756 тыс. десятин конфискованной земли.

В начале 1918 г. во всех уездах губернии стали возникать первые социалистические объединения в сельском хозяйстве – коммуны и артели. 10 февраля 1918 г. в Черкасской волости Ливенского уезда была образована первая в Орловской губернии сельхозартель «Труд» [23, с. 74]. В селе Дьячем Баклановской волости Орловского уезда трудовых земледельческих артелей было целых две, при деревне Болотово той же волости – три: «Лебедь», «Неполодь» и «Жаворонок»; в Масловской волости была артель «Единственный восход», в Стрелецкой волости – «Здоровая жизнь», в Плещеевской волости в бывшем имении Тухина – «Вольный пахарь», в орловской Пушкарной слободе – «Добрый путь» [7, л. 1-8], при ст. Хотынец – «Венера» [12, л. 1-12], в имении Роженск Римских-Корсаковых – «Марс» и так далее.

Вторым видом новых трудовых отношений были коммуны. Одна из первых коммун «Имени III Интернационала» появилась в селе Никольском Филофской волости Орловского уезда, известном также своей первой коммунистической ячейкой.

Принципы, на которых строились отношения в коммуне, передает устав коммуны «Свободный труд» села Мощёного Хотынецкой волости Карачевского уезда (ныне Хотынецкий район), объединившей 8 хозяйств. Жизнь в коммуне строилась на следующих принципах: а) все принадлежит всем, и никто в коммуне не может ничего назвать своим; б) каждый в коммуне трудится по своим силам и получает по своим силам; в) работа ведется сообща, коллективно; г) в коммуне денежного вознаграждения никто не получает; д) деньги внутри коммуны общения иметь не могут; е) излишки продуктов ... предоставляются коммунной в общественное пользование через местные органы Советской власти; ж) коммуна не может пользоваться наемным трудом, участники коммуны не могут работать по найму. В коммуне организуется общественное питание в коммунальных столовых» [1, с. 308].

В конце 1918 г. в Орловской губернии насчитывалось 179 коллективных хозяйств и 145 советских хозяйств (совхозов). Ведущаяся партией большевиков ежедневная пропагандистская деятельность с использованием центральных, губернских средств и уездных средств массовой информации. В их числе были газеты «Правда» и «Известия», а также «Известия Орловского совета» (выходили с 15 февраля 1918 г.), «Коммунист» (орган Орловского губкома РКП(Б), выходил с июля 1918 г.), и местные СМИ, подобные «Свободному пахарю» Ливенского уезда. Активно создавалась сеть культурно-просветительных учреждений (библиотек, изб-читален, школ). Росту доверия населения к новой власти способствовали журналисты, поэты и писатели. Орловские поэты Евгений Сокол и Иван Селихов, например, активно пропагандировали Советскую власть в стихах и статьях. Строилась новая система народного образования. Сословные

образовательные учреждения – Бахтина кадетский корпус и Александринский институт благородных девиц в 1918г. были закрыты.

Весной и летом 1918 г. положение с продовольствием в центре страны и, в особенности, в Петрограде и Москве, становилось всё более острым. Для ликвидации кризиса РКП(б) объявила массовый поход в деревню. Граждане, имевшие зерновые запасы, в том числе и для посева, должны были добровольно «поделиться» ими с революционными трудовыми массами городов; лица, не желавшие отдавать хлеб, именовались «кулаками». «Излишки» их зерна изымались насильственным образом. Советские источники называют меры по изъятию хлеба «чрезвычайными». Конфискация хлеба проводилась жестко и бескомпромиссно. За полтора месяца в губернии было «заготовлено», а фактически отнято насильственным путем 135 тыс. пудов продовольствия. В Новосильском уезде особую активность проявлял отряд во главе с прибывшим из Москвы Василием Панюшкиным, большевиком с 1907 г. В Малоархангельском уезде подобный отряд из 36 человек возглавлял делегат Западного фронта Николай Катускин, забиравший у населения «излишки хлеба для армии» [26, с. 15].

В губернии формировались продотряды. Центр отслеживал их работу. В письме в Елец на имя комиссара военно-продовольственного отряда В.Л. Панюшкина Ленин указывал, что отряд работает прекрасно, но «разбрасывается», берется сразу за несколько дел, в то время, как внимание нужно сосредоточить на отъеме «излишков хлеба» «у кулаков и богатеев», после чего немедленно доставлять его в Москву [24, с. 113]. В письме к наркомпроду А.Д. Цюрупе Ленин напоминал, что в Елецком уезде имеется более шести миллионов пудов «излишков хлеба». Именно туда, в Елец, нужно бросить все продовольственные, уборочные и уборочно-реквизиционные отряды, хлеб собрать, просушить и сдать государству. 12 волостей из 21 уезда должны немедленно этим заняться. За ссыпку хлеба Ленин предлагал премии общей суммой до 30 миллионов рублей, а также выдачу машин, ассигнований на школы и больницы. Он также обращался ко всем комбедам Елецкого уезда с требованием присылать точные данные о том, сколько зерна было собрано. В телеграмме Задонскому и Ливенскому исполкомам Ленин велел беспощадно подавлять кулаков и конфисковывать у них «весь хлеб» [24, с. 113].

Акция по изъятию хлеба компрометировала партию в глазах крестьян. Помимо того, что она ввергала в голод основной контингент трудящихся масс, изъятие сопровождалось сильнейшим психологическим давлением, залогом будущих восстаний. Дневники ливенской жительницы Клавдии Дорофеевой описывают картину «изъятия»: «Возле амбара толпились чужие люди на подводах. Когда они уехали, мы осмелились подойти к амбару и спросить маму, почему все плачут.

– Деточки мои милые-е-е. Как же не плакать. Они всё выглебли-и, под метелочку-у-у! И увезли-и-и! Всё до зёрнышка-а-а! Ды чем же мне теперь вас кормить? ...

– А они разбойники? – спросил Володя.

– Еще хуже-е-е! Коммунисты-ы-ы! Власть советская-я-я! На разбойников можно было пожаловаться раньше. На безбожников жаловаться некому! Без-

божники окаянные! – причитала долго мама. От нашего дома плач покатился дальше к мосту и за мост» [14, с. 48].

Партийные власти, усмотревшие трещину во взаимоотношениях с крестьянством, начинают разделять его по социальному признаку. 11 июня 1918 г. ВЦИК издает декрет о комитетах бедноты (комбедах). Комбеды становились опорой Коммунистической партии в деревне, они признавались проводниками ее политики; члены комбедов как организаторы коммун и коллективных хозяйств первыми стали получать незначительные, но весомые по тем временам материальные блага в виде инвентаря из помещичьих усадеб; их в первую очередь наделяли землей. Организация комбедов была объявлена делом чрезвычайной важности. К августу 1918 г. в Орловской губернии было организовано 4709 сельских комитетов бедноты, имеющих волостные и уездные органы. Первый комбед был создан 15 июля 1918 г. при Моховицком волостном совете Болховского уезда.

Как правило, в комитеты попадали малоавторитетные жители сел и деревень. Чтобы упрочить положение комбедов на местах и остановить несогласных с ее политикой Коммунистическая партия начала принимать репрессивные меры для устрашения недовольных. Так, намечавшееся весной 1918 г. крестьянское выступление в Михайловке Мценского уезда, едва начавшись, было подавлено силами 6-го Мценского полка.

Формирование и численный рост Красной гвардии, армейских полков и отрядов Чрезвычайной комиссии купировали шаткость и неустойчивость Советской власти. Вскоре военная мощь была обрушена на выступление крестьян в Ливенском уезде, вошедшем в историю как «Ливенский мятеж».

Ливенский уезд наряду с Елецким был одним из самых экономически состоятельных в Орловской губернии. Организаторы местных комбедов жаловались в центр: «Организовывать комбеды очень трудно, ведь в Ливенском уезде всего 10 процентов бедноты, а остальные все кулачество». Самодостаточные хозяйства уезда видели, как в комитеты набирается контингент, в состав которого входят люди, неуважаемые обществом, антиобщественные элементы. Сформированные таким образом комбеды, выступая в качестве «бойцов» продовольственных отрядов насильственным образом изымали экономический продукт, который сами не умели создавать. При этом очевидцы видели, как «растаскивается и проматывается все и вся, идет не созидание ценностей, а их уничтожение». Сельские сходы в Волово, в Васильево и другие протестовали против «комитетчиков», откровенно называя их лодырями и грабителями. К лету 1918 г. в Ливенском уезде созрело недовольство общей политикой и практикой комбедов, недовольство действиями военно-реквизиционных отрядов, недовольство запретом обмолота хлеба на так называемых экономических полях. Уже накануне восстания происходили первые выступления в селе Кривцова Плота и в селе Косьминском. Поводом к всеобщему выступлению послужил призыв в армию отпущенных унтер-офицеров и предание их революционному трибуналу за неявку в срок. Восстание возглавил бывший председатель Ливенского исполнительного комитета И.И. Клепов, выходец из крестьян с. Косьминского, окончивший учительскую семинарию и офицерское училище, воевавший на фронтах мировой войны, член Всероссийского исполкома партии эсеров.

Восстание охватило весь уезд. Со всех сторон – из сел Успенское, Косьминское, Троицкое, из деревень на Ливны двигались крестьяне, вооруженные топорами, вилами и дубинами. 18 августа 1918 г., в день так называемой «Десятой ярмарки» (она собиралась на десятой неделе после Пасхи), разоружив охрану и захватив оружие Красной гвардии и продотряда, толпа собралась на Базарной площади. Отряд, посланный большевиками в с. Косьминское, где крестьяне были настроены наиболее агрессивно, не смог выдержать противостояния с населением. Ночью 19 августа восставшие захватили винтовки и пулеметы воинского склада. Вооруженными группами руководили бывшие офицеры царской армии И. Клепов, Т. Артемьев, А. Чернский и другие. По существу в Ливенском уезде шли настоящие бои. Гарнизонная рота красногвардейцев, отряд ЧК в составе 200 человек не смогла взять верх над десятками тысяч людей. 19 августа Советская власть в Ливнах пала. Один из самых активных создателей Советской власти в уезде И.Д. Селитренников, комиссар продотряда А.В. Долгих, член уездной ЧК Е.М. Коган, секретарь ЧК П.Г. Горбач были убиты. Погибли многие руководители местных комбедов. М.Н. Буров, прибывший в Ливны, сумел покинуть восставший город, пешком пройдя по рельсам до Русского Брода, откуда послал телеграмму Ленину.

Узнав о Ливенском мятеже, телеграммой от 19 августа 1918 г., адресованной М.Н. Бурову и М.А. Переславскому, В.И. Ленин потребовал: «Необходимо соединить беспощадное подавление кулацкого левоэсеровского восстания с конфискацией всего хлеба у кулаков и с образцовой очисткой излишков хлеба полностью, с раздачей бедноте части хлеба даром» [16, с. 154]. Председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский добавил: «Елец и Орел подавить беспощадно».

Мятеж был подавлен военными отрядами Орла и Курска. 1-ый Железный полк прибыл из Орла с артиллерией, поставленной на железнодорожные платформы. В крестьян стреляли из орудий. Давил крестьянское восстание и отряд интернационалистов, действия которого одобрил М.Н. Буров. 20 августа Ленин похвалил губернские власти за «энергичное подавление кулаков и белогвардейцев в уезде» [16, с. 160]. Зачинщиков предлагалось повесить. 13 сентября 1918 г. газета «Известия ВЦИК» сообщала: «За время сражений революционные войска потеряли свыше семидесяти товарищей, среди которых 4 лучших советских работника. Белогвардейцев выбыло убитыми свыше 300 чел. Главари и местные видные буржуа расстреляны». 23 августа 1918 г. «Орловские известия» крупным шрифтом извещали: «Сыны трудового народа – русские, латыши, венгры, австрийцы, немцы – пошли без страха на доблестную смерть». Убитых партийцев из Ливен хоронили в Орле – в сквере перед Петропавловским кафедральным собором, закладывая тем самым традиции мемориального советского кладбища. Избирая столь знаковое место, орловские большевики подражали новой власти, хоронившей жертв Октябрьского переворота в Москве на Красной площади, которая до этого кладбищенским местом не бывала.

Убитых в ходе восстания ливенцев похоронили на Заливенском кладбище, недалеко от которого начиналось их выступление. Руководители мятежа были приговорены Ревтрибуналом к расстрелу.

Подчеркнуто жестоким подавлением восстания и открытым игнорированием требований крестьянства Советская власть демонстрировала незыблемость своих принципов и позиций. Противостояние сторон росло. Наступало время Гражданской войны.

Список источников и литературы

1. Ашихмина Е.Н. Доктор Пуцин // Российские медицинские вести. – 2009. – № 4. – Т. XIV. – С. 65–71.
2. Ашихмина Е.Н., Ливцов В.А. Орел-Орловское Полесье. Путеводитель по экскурсионному маршруту. – Орел, 2007.
3. Бондарев Ю.И. Летопись города Ливны. – Ливны, 2007.
4. Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917-1918 гг. (Сборник документов). – М., 1957.
5. Государственный архив Орловской области (ГАОО). – Ф. Р-447. – Оп. 1. – Д. 346.
6. ГАОО. - Ф. Р-476. - Оп. 1. - Д. 2.
7. ГАОО. - Ф. Р-476. - Оп. 1. - Д. 16.
8. ГАОО. - Ф. Р-476. - Оп. 1. - Д. 19.
9. ГАОО. - Ф. Р-476. - Оп. 1. - Д. 39.
10. ГАОО. - Ф. Р-476. - Оп. 1. - Д. 57.
11. ГАОО. - Ф. Р-476. - Оп. 1. - Д. 132.
12. ГАОО. - Ф. Р-476. - Оп. 1. - Д. 217.
13. ГАОО. - Ф. Р-476. - Оп. 1. - Д. 254.
14. Дорофеева К. Дневники // На берегах Быстрой Сосны. – Ливны, 2005. – № 18. – С. 28-88.
15. Кончин Е. Время собирать камни. Поиски. Находки. Загадки. Гипотезы. – Орел, 2001.
16. Ленин В.И. Полное собрание сочинений (5 издание). – Т. 50 (Письма. Октябрь 1917- июнь 1919). – М., 1970.
17. Макашов А.И. В центре России. – Орел, 1994.
18. Матвеев Н.К. Воспоминания о губернском Орле и послетургеневском Мценске. – Орел, 2003.
19. Мейер Ю.К. Записки белого кирасира. URL: <https://biography.wikireading.ru/182517> (дата обращения: 02.09.2017).
20. Овалов Л.С. «Двадцатые годы». – М., 1982.
21. Орловские епархиальные ведомости. – 1918. – № 2.
22. Орловские епархиальные ведомости. – 1918. – № 3-4.
23. Очерки истории Орловской организации КПСС. – Тула, 1987.
24. Очерки истории Орловской партийной организации. – Тула, 1967.
25. Усов Н.Н. Источник воды живой. Священноисповедник протоиерей Георгий Коссов. – М., 2004.
26. Шалагинов Н.Д. Очерки истории Орловской областной организации ВЛКСМ. – Тула, 1990.
27. Шеламов В.Т. Кромы. – Орел, 1960.

Балыкина Мария Игоревна
кандидат исторических наук,
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород,
e-mail: mari-balykina@yandex.ru

УЧАСТИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА В ПОДАВЛЕНИИ ВОССТАНИЯ СТЕПАНА РАЗИНА (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ СЛУЖИЛОЙ КОРПОРАЦИИ)

Аннотация: В статье рассматривается участие провинциального дворянства в подавлении движения Степана Разина в Поволжье. Основное внимание уделяется поэтапному восстановлению событий с участием нижегородских служилых «по отечеству», анализу их участия в боевых действиях под Симбирском, эпизоду у слободы Сельдинской.

Ключевые слова: провинциальное дворянство, нижегородские служилые люди, Разинщина, Поволжье, XVII век.

Крестьянское восстание 1670-1671 гг. под руководством Степана Разина регулярно привлекает к себе внимание исследователей. Библиография темы весьма обширна. Среди наиболее крупных и значимых работ следует упомянуть труд И.В. Степанова «Крестьянская война в России в 1670-1671 гг.», четырехтомник документов о разинщине, изданный Е.А. Швецовою, работы А.Г. Манькова, В.И. Буганова, Е.В. Чистяковой и В.М. Соловьева [12; 6; 9; 14]. В работах указанных авторов, а также ряда других историков, исследован социальный и национальный состав участников восстания, ход боевых действий, социальные и экономические причины этого крупнейшего народного движения XVII века, изучены биографии его вождей. Проведена большая работа по публикации документов, в которых нашли отражение события Разинщины.

Однако, в гораздо меньшей степени, изучены аспекты, связанные с противоположным лагерем – лагерем правительственных войск, подавлявших восстание. В основном внимание уделялось боевым действиям правительственных войск и теме жестокого подавления народного движения. В последние два десятилетия, в связи с общим оживлением научного интереса к темам, связанным с историей служилых «городов» в XVII в., наступившим после публикации работы В.Н. Козлякова [5] стал проявляться интерес ученых и к более подробному, глубокому изучению служилых людей, принимавших участие в подавлении восстания.

В этой связи особенно заслуживает внимание крупное исследование Т.А. Лаптевой «Провинциальное дворянство России в XVII веке». В данной работе на основе множества источников показаны изменения, происходившие в жизни служилого «по отечеству» населения страны. В том числе историк уделяет внимание и теме участия служилых людей в подавлении восстания Степана Разина [8, с. 202, 204, 395]. Среди работ последних лет интересна статья самарского исследователя Э.Л. Дубмана о положении служилых людей засечных

черт накануне Разинщины [4]. Автор справедливо отмечает важность восстановления «единой цельной картины, происходивших в ареале повстанческого движения событий» и достаточно подробно анализирует численность, состав, землевладение служилых людей гарнизонов, расположенных по засечным линиям Саранского, Алатырского, Симбирского, Казанского уездов. Э.Л. Дубман отмечает, что служилые люди этих уездов в основном относились к низшему слою городского дворянства, а в составе их поместий находилось малое количество крестьянских дворов [4, с. 325].

По теме Разинщины в целом имеется представительный корпус опубликованных источников, собранных историками, в основном, в XX в. [2; 6; 7; 9] Если же рассматривать тему более узко, в рамках изучения правительственного лагеря участников событий, то их объем сильно снижается. Соответственно, еще меньше опубликовано документов, отражающих участие в событиях «служилых по отечеству». Эти сведения, как правило, не вычленены из общего массива источников. Документы, напрямую имеющие отношение к заявленной теме, большей частью не опубликованы. Важнейшими из них являются списки служилых людей, направленных на подавление восстания, донесения воевод о событиях, челобитные [6; 7; 10; 12]. При подготовке данной статьи использованы как опубликованные источники, так и документы из фондов Российского государственного архива древних актов, отражающие состав и действия нижегородских служилых «по отечеству», направленных на театр боевых действий под Симбирск летом 1671 г.

Восстание под руководством С. Разина, охватившее Дон и Поволжье в 1670-1671 гг., стало сложным испытанием для государства. Оно охватило огромные территории. Нижегородские служилые люди, уже в силу географического положения своего уезда, не могли не быть втянуты в события Разинщины. На юге и востоке Нижегородский уезд граничил с Арзамасским, Алатырским, Саранским уездами. Их территории были охвачены восстанием.

В нижегородских землях восстание докатилось по Волге до Макарьевского монастыря и вотчины бояр Морозовых села Большое Мурашкино. До Нижнего Новгорода восставшим оставалось преодолеть не более 70-80 км, а местами и менее того. Нижний Новгород имел мощный укрепленный, хотя и несколько обветшавший к описываемому времени, кремль [13; с.166-177], снабженный артиллерией. Его гарнизон в основном состоял из хорошо обученных служилых «по прибору» людей: стрельцов, пушкарей, число которых достигало нескольких сотен человек. Безусловно, взять такую крепость разрозненными силами восставших было сложно, но все – же угроза взятия была вполне реальной.

В тяжелом положении оказались земли к юго-востоку от Нижнего Новгорода. Часть поместий и вотчин нижегородского дворянства оказались на время захвачены восставшими и были разграблены. Некоторые помещики, видимо застигнутые восстанием в своих землях и пытавшиеся обороняться, были убиты восставшими. Так во время смотра нижегородского служилого «города» летом 1671 г. об Иване Андрееве сыне Подбельском сказали что «он убит у себя в деревне от воровских людей наперед сево» [10, л. 269об.]. Также о Матвее Федо-

рове сыне Столбове « у смотру... сказали что он убит от воровских людей наперед сего в ево деревне» [10, л. 274]. Вместе с тем, разинцы предполагали, что часть дворянства может перейти на сторону восставших. В «воровской памяти» от Разина в Цывилевский уезд говорится о том, что дворян и детей боярских и мурз и татар, которые захотят перейти к разинцам, не трогать и домов их не разорять [7, с. 310]. Случаи перехода нижегородских дворян на сторону разинцев неизвестны.

Рассмотрим поэтапно участие нижегородского служилого «города» в подавлении восстания.

10 июня 1670 г. П.С. Куракин, назначенный руководить войском против Степана Разина, вместе со своими воеводами выступил из Москвы в Саранск. 11 июля 1670 г. в грамоте из Разрядного приказа нижегородскому воеводе В.Я. Голохвастову было велено направить в полк к П.С. Урусову в Саранск тех стряпчих, дворян московских и жильцов, имеющих поместья и вотчины в Нижегородском уезде, которые 1668-69 гг. не были в Белгородском полку и в походе на Украину с Г.С. Куракиным, а также всех нижегородских дворян и детей боярских, включая поспевших в службу недорослей [6, т. 1, с. 201]. Тех, кто будет выслан в полк, следовало написать «имяна их в тетратех» [6, т. 1, с. 202] и прислать в Разрядный приказ. 16 июля 1670 г. из Казанского дворца в Разрядный приказ прислан запрос о высылке списков ратных людей и количестве припасов и денег для полка П.С. Урусова [6, т. 1, с. 214].

В сентябре 1670 г. Ю.Н. Барятинский, руководивший войсками под Симбирском, сообщая в приказ Казанского дворца о сдаче Симбирского острога разинцам, о тяжелых боях за острог, указывал, что он дожидается подхода полка П.С. Урусова для совместных действий. Интересно его замечание в донесении: «А московские... люди и города, которые со мною, холопом твоим, душевно тебе, великий государь, ради служить. А нижегородцы, государь, многие богатые люди в полк не бывали...» [7, с. 94].

14 сентября 1670 г. нижегородскому воеводе В.Я. Голохвастову пришла грамота о высылке нижегородцев, в ней говорилось: «...стряпчих и дворян московских и жильцов, нижегородских помещиков и вотчинников, по росписи и нижегородцев дворян и детей боярских всех по списку выслать на нашу государеву службу в Саранский полк к кравчему нашему и воеводам ко князю Петру Семеновичу Урусову с товарищи» [6, т. 2, ч. 1 с. 65].

В грамоте утверждалось, что в полк к указанному времени приехали только 30 человек нижегородцев. Воеводе под угрозой опалы следовало разослать своих людей по уезду для сбора дворян и детей боярских, включая недорослей, поспевших в службу. У тех, кто в полк вскоре не поедет, велено «...в поместьях их и вотчинах имать людей их и крестьян человека по 2 и по 3 и держать в тюрьме до тех мест, как они в полк поедут» [6, т. 2, ч. 1, с. 66]

28 сентября 1670 г. воевода Ю.А. Долгоруков в отписке в приказ Казанского дворца рассказал о взятии разинцами Саранска и шатости среди населения Нижегородского и Арзамасского уездов. Воевода послал Ф.И. Леонтьева, а с ним дворян и детей боярских из разных городов, включая нижегородцев, а также 600 московских стрельцов по алатурской дороге «над воры промыш-

лять». В документе особо отмечено, что отправлены дворяне и дети боярские «...которые объявились по приезде у нас, холопов твоих, в полках» [7, с. 102]. Отряд Леонтьева действовал довольно успешно. Так, 29 сентября 1670 г. Ф.И. Леонтьев с нижегородцем Андреяном Васильевым сыном Матюниным да с касимовскими мурзами сошлись в бою с воровскими казаками и «многих воровских казаков побили и атамана и есаула и знамена поимали» [7, с. 103].

Между тем, Нижний Новгород готовился к осаде. 2 октября в город И. Утинским и Ф. Корноуховым привезены из Симбирска 8 чугунных пушек и к ним 800 железных ядер. Пушки предполагалось сначала отвезти в Казань, но затем решили оставить в Нижнем Новгороде. В донесении воевода указал, что причина этого решения заключается в том, что по дороге пушки могли отбить воровские люди, а проводимых с артиллерией послать некого, так как «у стрельцов ружья нет ни у одного человека» [7, с. 119]. Это замечание показывает не только понятное желание воеводы укрепить город артиллерией, но и тяжелое положение с вооружением у защитников города. Вероятность осады на тот момент была велика. 11 октября сын боярский Иван Воецкой посылал в Нижегородский уезд в деревню Константиновку своего крестьянина И. Семенова, который слышал на Павловом перевозе, что крестьяне из окрестных деревень пошли вместе с ворами к Нижнему Новгороду. Тогда же человек сына боярского Семена Русинова М. Козлов рассказал, что крестьяне крупных сел Богородского, Ворсмы, Сосновского, деревень Закудемского стана, всего около пяти тысяч человек, соединились с ворами и собираются идти на Нижний Новгород, считая, что «де конечно Нижней им сдасца» [7, с. 126].

Не позднее 12 ноября нижегородское духовенство и приказные люди посылают челобитную царю Алексею Михайловичу, в которой описано как воровские люди подошли под Нижний Новгород и угрожали городу. Только помощь Ю.А. Долгорукова, пославшего войско под руководством К.О. Щербатова и Ф.И. Леонтьева в уезд и разогнавшего разинцев, разбившего их станы, обезопасила городскую округу на некоторое время. Челобитчики просят разместить полк Долгорукова в Нижнем Новгороде для оберегания города [6, т. 2, ч. 1, с. 263-264]. Особо следует отметить, что в составе этого полка находилось много московских чинов, имевших поместья в Нижегородском уезде.

24 ноября полковой воевода Ю.А. Долгоруков пишет в приказ Казанского дворца о том, что он послал своего товарища думного дворянина и воеводу Ф.И. Леонтьева в Нижний Новгород, а с ним городовых детей боярских костромичан, галичан, лушан, гороховлян и белозерцев. У него же в полку велел быть дворянам и детям боярским нижегородцам, «...которые оставлены в Нижнем для обереганья...» [6, т. 2, ч. 1, с. 305]. Далее он уточняет, что велел Ф.И. Леонтьеву «оберегать Нижнего и Арзамаса и тех и иных уездов от всяких шатостей, а буде где воры объявятца, и над теми ворами промысел чинить, смотря по тамошнему делу» [6, т. 2, ч. 1, с. 305]. Другим воеводам было указано оберегать Симбирск, Кадом, Темников, Алатырь, Курмыш, Ядрин [6, т. 2, ч. 1, с. 305-306].

Самые тяжелые бои правительственных войск с разинцами произошли осенью 1670 г. под Симбирском. Восставшие не сумели захватить город, и бы-

ли разбиты войском Ю. Бярятинского. Известно также, что нижегородские служилые «по отечеству» люди 12 ноября 1670 г. участвовали в крупном бою на реке Кандарати с отступавшими из-под Симбирска разинцами. Место сражения находится у селения Большая Кандарать, недалеко от Корсуня, на территории современной Ульяновской области. В этом бою по сведениям А. Гераклитова со стороны восставших участвовало до пятнадцати тысяч человек [3]. Из списка нижегородских дворян и детей боярских, составленного в мае – июне 1671 г., известно, что в этой битве погиб Селиверст Михайлов сын Жедринский: «у смотру про него сказали, что он убит на Кондорате от воровских людей наперед сево в прежний приход» [10, л. 267об.].

После этого начинается постепенный спад народного движения, но отдельные очаги восстания еще долго остаются активными, в том числе и на территории Нижегородского уезда. Нижегородский воевода привлекает дворянство к наведению порядка в уезде. За январь 1671 г. в уезде было сыскано двадцать девять крестьян, которые перешли к разинцам и разоряли и убивали своих помещиков. Все они были казнены. Пятьдесят семь человек, которые, по их словам, были с ворами поневоле, биты кнутами, одному отсекли левую руку, двенадцати – по два меньших пальца у левых рук и правых ног, затем все эти крестьяне были отданы своим помещикам. Нижегородские дворяне В.Ф. Мостинин, А.Н. Бородин, И.Г. Кошкин были посланы в разные станы уезда для сыска «воров» [7, с. 166]. Как известно, подавление восстания и наказание участников выступлений на территории Нижегородского и, особенно, Арзамасского, уездов было жестоким. Однако документов об участии нижегородских дворян и детей боярских в мероприятиях по наказанию побежденных разинцев нами пока больше не выявлено. Изучая эту сторону вопроса, следует учитывать, что каждый восставший крепостной крестьянин – это потенциальные рабочие руки для помещика, которых катастрофически не хватало в помещичьих хозяйствах. Насколько репрессии коснулись крестьянства, каков социальный состав казненных во время массовых расправ, этот вопрос, в силу специфики источников, вряд ли когда-либо удастся изучить в полной мере. Из приведенных выше данных видно, что казнили в основном тех, кто добровольно и напрямую участвовал в убийствах помещиков. Даже отрубание пальцев проводилось так, чтобы не полностью лишать человека трудоспособности. Нами уже ранее отмечалось, что разинское движение не имело радикальных последствий для обеспеченности поместий нижегородских дворян и детей боярских рабочими руками [1, с. 429].

Нижегородские дворяне и дети боярские были активно задействованы в борьбе с разинцами и в 1671 году. Показательна история посылки части нижегородской служилой корпорации под Симбирск. 10 апреля 1671 г. по царскому указу сто семь нижегородских дворян и детей боярских, а с ними десять рейтар, испомещенных в уезде, но приписанных к корпорациям Ядрина, Козьмодемьянска, Чебоксар, были отправлены в полк к воеводе П.В. Шереметеву «со всею службою и с полными запасы» [11, л. 431]. А уже 15 июня нижегородский воевода В. Голохвастов поставил в известность Разрядный приказ о том, что 9 июня значительная часть их вернулась обратно. Воевода потребовал объяснить

причины возвращения. Выяснилось, что 31 мая, в трех верстах от Симбирска, у слободы Сельдинской, часть нижегородцев, около сорока человек, оставив обозы, выдвинулась вперед к Симбирску «для проведывания воровских казачишек» [11, л. 431]. Остальные дворяне и дети боярские, вместе со всеми припасами, постепенно прошли слободу Сельдинскую и доехали до Конной слободы, расположенной на реке Свияге. Слободские жители предупредили их, что дальше двигаться опасно, и нижегородцы повернули назад к Сельдинской слободе. Здесь их нагнали разинцы и отбили обоз, а также лошадей. Был убит П.Т. Жедринский и еще несколько человек. Часть служилого «города» во главе с И.Н. Суровцовым и А.А. Костливцевым ушли в степь на Казанскую дорогу, где на них опять напали примкнувшие к разинцам мордва и чувашаи. Поблуждав в лесах, нижегородцы нашли дорогу на Алатырь, затем вернулись в Нижний Новгород и разошлись по своим домам по уезду [11, л. 432].

Анализ списка нижегородцев показал, что среди вернувшихся в уезд служилых людей, за исключением убитого П.Т. Жедринского и И.Н. Суровцова, фактически не было больше представителей высшего слоя корпорации. В списке в основном перечислены небогатые дети боярские. Судя по смыслу переписки воеводы с Разрядным приказом, нельзя исключить, что нападение разинцев у Сельдинской слободы стало предлогом для возврата нижегородцев в свои поместья. Стремление защитить свои семьи и имущество в поместьях, несомненно, следует учитывать среди истинных причин самовольного возврата ратных людей. Из Разрядного приказа пришло указание отправить самовольно покинувших службу нижегородских помещиков и вотчинников в Алатырь, что и было сделано во второй половине июня. В Алатыре Ф.Ю. Барятинский собирал войско, которое он должен был передать немного позже своему отцу князю Ю.Н. Барятинскому, одному из наиболее успешных руководителей правительственного лагеря в борьбе с восставшими.

Нижегородцы были не единственными служилыми людьми, самовольно вернувшимися из-под Симбирска. 21 июня 1671 г. из приказа Казанского дворца были разосланы грамоты в Муром, Арзамас, Нижний Новгород, Алатырь, Курмыш, Ядрин, в которых воеводам приказывалось: «которые ратные люди по высылке на государеву службу не поехали и поехав поворотили по домам, всех до одного человека выслати на Алатор со всею службою и с полными запасы не отписываясь к великому государю ничем» [11, л. 439-440]. А за восемь месяцев до этих событий, в октябре 1670 г. подали челобитную на имя царя воеводе Ю.А. Долгорукову кадомские и темниковские московских разных чинов помещики и дворяне и дети боярские, начальные люди, мурзы, татары о том, что они находятся в полку, а в это время без них в их деревнях «воровские люди жен и детей их побивают до смерти и дома их разоряют, и чтоб ты, великий государь, пожаловал их от тех воров их оборонить» [7, с. 136]. Воевода понимал беспокойство служилых людей, но помочь было нечем: «и на тех воров ... послать мне... неково, потому что твоих, великий государь, ратных людей послал я... к Мурашкину и Лыскову...» [7, с. 137].

Таким образом, беспокойство помещиков уездов, охваченных разинским восстанием, либо пограничным с ними уездов, были всеобщим. Поэтому факт

самовольного отъезда нижегородских дворян и детей боярских, вероятнее всего, не был единичным. Нижегородцы были собраны со всего уезда и высланы обратно на службу [11, л. 568]. Видимо, из Алатыря, либо напрямую, они опять были направлены в Симбирск, так как под Симбирском в полку П.В. Шереметева они появились уже во второй половине июля и, в основном, 21 августа 1671 г. Вместе с уехавшими из-под Сельдинской слободы, в этих же числах приехали в полк и другие нижегородцы [10, л. 11-14об.]. Следует отметить, что по данным списка полка, среди нижегородцев названы только два человека, И.С. Мякушкин и К.У. Стружской [10, л. 268об., 272], которые по неизвестным причинам не приехали на службу и могут быть условно названы нетчиками.

Участие в подавлении разинского движения было нелегким испытанием для нижегородских служилых «по отечеству» людей. Согласно дошедшим спискам участников походов против разинцев, девятнадцать нижегородских дворян и детей боярских погибли во время этой кампании. Из них двое, М.Ф. Столбов и И.А. Подбельский, были убиты прямо в своих поместьях. Среди погибших – представители известных и знатных нижегородских родов: Жедринские (пять человек), Русиновы (три человека), Доскин, Доможиров и другие [10, л. 266 об.-275].

Немало служилых людей было ранено во время боев. Сохранились сведения о раненых нижегородцах, служивших в полку П.В. Шереметева [10, л. 416, 417об.]. Всего в этом списке указано двенадцать человек. У многих из них ранения носили тяжелый характер. Так из пищали в грудь был ранен А.Б. Старков, саблей ранен в голову О.Л. Скрыпеев. Имелись и ранения копьем, стрелами из лука. Список раненых был составлен для того, чтобы по сложившимся правилам, наградить их придачами к окладам за раны. Следовательно, многие служилые люди приняли активное участие в тяжелых боях с разинцами, за что и были отмечены наградами. Что касается тех, кто самовольно уехал со службы от слободы Сельдинской, то их фамилии не встречаются среди награжденных. Но и каких-либо понижений или наказаний в их отношении также не выявлено. Они продолжили дальнейшую службу в полку П.В. Шереметева, а упоминавшийся выше Иван Никитин сын Суровцов в январе 1671 г. был направлен с ответственным заданием под Саранск, чтобы забрать знамя у воеводы П.С. Урусова и отвезти его в Казань к Шереметеву [6, т. 4, с. 29].

Таким образом, на основании опубликованных источников и архивных документов из фондов РГАДА удалось достаточно полно рассмотреть участие рядовой провинциальной служилой корпорации в подавлении восстания С. Разина. Особенности корпорации в контексте изучаемых событий было то, что поместья служилых людей находились либо непосредственно в очагах восстания, либо на территориях с потенциальной угрозой захвата восставшими. Нижегородские помещики оказались в крайне сложной ситуации. Находясь на службе в полку, они не могли быть уверенными в том, что их семьи и поместья не будут уничтожены разинцами. Это и обусловило их двойственное отношение к службе в полках: будучи высланными к месту службы, они старались воспользоваться любым подходящим предлогом, чтобы уехать в свои поместья.

Изучение участия нижегородского служилого «города» в событиях 1670-1671 гг. показало, что еще имеется ряд проблем, связанных с изучением истории подавления восстания С. Разина, требующих более пристального внимания исследователей.

Список источников и литературы

1. Балыкина М.И., Балыкин В.И. Эволюция экономического положения нижегородского служилого «города» в конце XVI – конце XVII вв. применение методов эконометрического анализа // История военного дела: исследования и источники. 2015. – Т. VI. – С. 404-430 [Электронный ресурс] URL: <http://www.milhist.info/2015/05/30/balykina-balykin> (дата обращения 30.05.2017)
2. Буганов В.И. Разин и разинцы. Документы, описания современников. – М.: Наука, 1995. – 368 с.
3. Гераклитов А. Алатырская мордва по переписям 1624-1721 г. – Саранск: Мордгиз, 1936. – 88 с. // Древности Симбирского края. [Электронный ресурс] URL: <http://archeo73.ru/Russian/20vek/geraclitov/voyna.htm> (27.05.2017)
4. Дубман Э.Л. Служилые люди засечных черт области понизовых городов накануне Разинщины // Русь, Россия. Средневековье и новое время. Чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова. – 2015. – № 4. – С. 322-326.
5. Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного Уложения). – Ярославль: Изд. ЯГПУ, 2000. – 208 с.
6. Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина. Сборник документов / Сост. Е.А. Швецова. – Т. I, II, IV. – М.: Изд. АН СССР, 1954-1976.
7. Крестьянство и националы в революционном движении 1666-1671 гг. Разинщина. Сборник документов. Подгот. к печати А.А. Покровским и Н.П. Чулковым. – М. - Л.: Гос. соц-эк изд. 1931. – 427 с.
8. Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII в. – М.: Древлехранилище. 2010. – 594 с.
9. Маньков А.Г. Иностранные известия о восстании Степана Разина. – М.: Наука, 1975. – 191 с.
10. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 5. Д. 37.
11. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Стб. 682.
12. Степанов И.В. Крестьянская война в России в 1670-1671 гг. Восстание Степана Разина. Т. I. – Л.: Изд. Ленинград. ун-та, 1966. – 371 с.
13. Филатов Н.Ф. Неизвестная опись Нижегородского кремля XVII в. // Записки краеведов: очерки, статьи, воспоминания, документы, хроника. – Горький: Волго-Вятское изд., 1981. – С. 166-177.
14. Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Разин и разинцы на мордовской земле. – Саранск: Мордовское кн. изд., 1986. – 112 с.

Вартумян Арушан Арушанович

доктор политических наук, кандидат исторических наук,
заместитель директора по науке Института сервиса, туризма и дизайна
(филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Пятигорск,
e-mail: info@pgu.ru

Корниенко Татьяна Анатольевна

кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе,
филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Армавир,
e-mail: armavir@kubsu.ru

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В РОССИИ И НОВАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ЗАРОЖДЕНИЕ НОВЫХ РИТУАЛОВ И СИМВОЛОВ

Аннотация: В представленной статье проанализированы новые политические реальности, происходящие в эпоху перемен. Авторы рассматривают зарождение новых ритуалов и символов, порожденных февральской революцией. Символы рассматриваются как фиксация и воспроизводство идентичности бунтующего российского общества. Авторы рассматривают символ как устойчивую ассоциацию и отношение, как продукт массового политического сознания, как идеологический суррогат религии. Политическая символика периода Февральской революции выражала новое содержание эпохи, что нашло отражение в использовании новой цветовой, музыкальной гаммы, языковых символов, геральдической конструкции.

Ключевые слова: революционная символика, новая политическая реальность, национальная и политическая идентичность, геральдическая конструкция, языковые символы, правовой нигилизм.

Наиболее кардинальные изменения исторической и политической реальности происходят в эпоху революционных потрясений. Великие революции, по мнению Ш. Эйзенштадта, повлияли на сознание современных обществ, сформировали особую символику и эстетику; революционный опыт Европы воспринимается как модель для других стран. В ходе революций имело место сочетание движений протеста и движений институционализации политического процесса [8, с. 190-212]. Институциональные связи находили отражение в революционной символике, которая была призвана заменить тип легитимации. Мы полагаем, что к числу революций эпохи модерна можно отнести и Февральскую революцию – события февраля-октября 2017 г. в Российской империи, итогом которых стало падение монархии, провозглашение республики и переход власти к Временному правительству. Революция означала качественно новый этап в развитии российской государственности, выразившийся в новой политической реальности, смысловом содержании эпохи. Одним из результатов Февральской революции выступило установление границ нового политического со-

общества, введение новой символики, формирующей национальную и политическую идентичность. Символы являются неотъемлемой частью формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой политической общности, они служат своеобразными ключами для интерпретации различных политических культур. Безусловно, символы облегчают восприятие гражданами политической реальности, но немаловажен тот факт, что в большинстве своем они создаются с целью формирования в массовом политическом сознании необходимых устойчивых ассоциаций и отношений [2, с. 106]. В своем исследовании, посвященном анализу политической символики Февральской революции, И.Б. Колоницкий выделяет периоды, когда борьба вокруг символов приобретает особенно острый характер [5, с. 327, 339-441].

1) В марте-апреле особое значение имела борьба за утверждение новых символов и ритуалов (красный флаг, красные банты, «Марсельеза» и др.) и за отрицание символов и ритуалов «старого режима» (национальный флаг, гимн, «поминание» во время церковных служб, погоны, названия кораблей, отдание чести и др.). Исход этих конфликтов вел к усилению власти Советов и военных комитетов, хотя они и не всегда сами были инициаторами данных политических баталий, а шли за массовым, стихийным движением. В конце концов, и правительство шло навстречу этим движениям, фактически (а иногда и юридически) отрицая статус «старых» символов и придавая официальный статус символам революционным.

2) После июля правительство пытается стабилизировать и упорядочить систему государственных символов, отдавая, например, приказы о повсеместном восстановлении официального военно-морского флага, что с точки зрения носителей революционной политической культуры, придерживавшихся разных политических взглядов, выглядело как «реставрация».

3) К осени 1917 г. мода на политику сменяется апатией и разочарованием. В этот период обостряются конфликты вокруг символов, особенно остро они протекают в вооруженных силах [6, с. 115].

Религиозная традиция оказала влияние на символику революции: многие флаги повторяли форму хоругвей, на красных знаменах подчас изображались архангелы с трубами, возвещавшие, по-видимому, приход для угнетателей страшного суда – революции. Массовое сознание было политическим лишь по форме, по сути же политика становилась идеологическим суррогатом религии [4, с. 118].

Поскольку в большинстве населенных пунктов России революция победила мирно, то символическим знаменем восстания стал революционный праздник. На смену стихийным демонстрациям первых дней пришли торжества и празднования, организованные уже местными властями. Во многих провинциальных городах, селах и станицах проходили «праздники души» и «дни свободы». В некоторых городах в манифестациях участвовало почти все население. Характер праздников в разных местах отличался, это отражало и реальную расстановку сил на местах, и особенности символического сознания их организаторов и участников. Как правило, «праздники свободы» происходили при участии духовенства [4, с. 39].

В период революционных потрясений разворачивается борьба со старой государственной символикой, которая символизирует ненавистный «старый строй», «царизм» и воплощается в самой власти. После Февральской революции уничтожались официальные символы монархии – имперские гербы, вензеля, изображения царских регалий, поскольку знаки императорской власти воспринимались как обобщенный образ царской России. Даже с государственных символов исчезает монархическое наполнение: двуглавый орел был лишен короны, скипетра, ордена Андрея Первозванного. Ю.Д. Коробков отмечает, что господство в российском общественном сознании инверсионной логики, выразившееся после Февраля 1917 г. в стремлении к тотальному разрыву с прошлым, сопровождалось колоссальным выплеском ненависти по отношению к символам старого строя [6, с. 115]. Персонификация абсолютного зла в образах российских монархов и династии в целом отразилась в народной смеховой культуре и бульварной литературе, найдя отражение в частушках и «мужичьих выморочках» о царе и его жене - «Гессенской мухе», «Распутном Григории», «фрейлине Вырубихе», «предателе Сухомлинове». На страницах периодических изданий можно было достаточно часто встретить анекдоты и байки из «прошлой жизни» царского двора, раскрывающие продажность и глупость российского монарха, национального предательства и немецкого засилья, которые зачастую не имели под собой реальной основы.

Традиционной чертой России являлось взаимообусловленное сосуществование автократии и демократии [3, с. 91]. Эти противоположные начала политической жизни на протяжении большей части истории поддерживали друг друга. В те периоды истории России, когда демократия не уравнивалась автократией, обычно общество впадало в глубокий социальный кризис. И наоборот – когда автократия не уравнивалась демократией, власть полностью выходила из-под контроля общества, превращаясь в деспотию. В конечном счете, крайности этих двух тенденций могли привести к полному разрушению несбалансированной формы государства. Боязнь и нежелание реставрации монархии в обыденном сознании обусловили появление психологического комплекса «расплаты за старые грехи». За время своей деятельности Временное правительство не смогло решить сложную социально-экономическую ситуацию в стране, упорядочить жизнь и прекратить ненавистную войну. Кризисы государственной власти рассеивали иллюзию о способности и коалиционных составов правительства нормализовать ситуацию внутри страны. Рождался миф о врагах революции и в политическом сознании большинства населения страны еще задолго до октября 1917 г. начинается переориентация «образа внутреннего врага» с бывших царских чиновников на представителей буржуазии. Самыми распространенными словами-ярлыками, имевшими отрицательный оттенок под влиянием социалистической пропаганды, были контрреволюционер, саботажник, враг трудового народа, буржуй, погромщик и производные от них [7, с. 56]. Революционные события привели к формированию новой системы политических символов, большая часть из которых «вышла из подполья» ещё в 1905-1907 гг. и была если не легализирована, то легитимирована. Временное правительство вынуждено было согласиться с массовизацией рево-

люционных символов социал-демократических партий, не найдя им достойной замены. Включение термина «демократия» в собственный политический лексикон стало обязательным практически для всех политических сил. При этом в социалистических кругах «демократия» противопоставлялась не «диктатуре», а «цензовым элементам», «буржуазии». Различные политические силы вкладывали в слово «демократия» различные смысловые нагрузки, подразумевая под ней не власть народа, а определенной социальной группы. Основным проявлением массовой политизации в после февральской России явилась митинговая демократия. Митинговали все и по самым различным вопросам. А.С. Ахиезер интерпретирует «митингование» как состояние особого эмоционального возбуждения в рамках господствующего соборного нравственного идеала, в результате чего вырабатывается «вечевой диалог», не знающий прав меньшинства. В бытовых беседах появилась масса слов, заимствованных из резолюций. Так, удивление собеседника могло выражаться восклицанием: «Однако платформа!». Среди малокультурных слоев политические понятия усваивались на языковом уровне без осознания их собственного смысла [1].

Исследователи справедливо называют 1917 г. для России годом упущенных возможностей. Все слои российского общества мечтали о новых демократических формах государства и связанных с ними свободах, справедливости, мире. В период Февральской революции активизировался процесс мифологизации общественного сознания, поскольку тотальный правовой нигилизм основных слоев общества, распустившийся на неустроенности жизни и подогретый большевистской агитацией, трансформировался в их сознании в полное отрицание самой аксиологической сущности завоеванных прав и свобод.

Политическая символика периода Февральской революции выражала новое содержание эпохи, что нашло отражение в использовании новой цветовой, музыкальной гаммы, языковых символах, геральдической конструкции (исчезновение монархической и аристократической символики). Политические символы Февраля 1917 года были полифункциональны по своему содержанию, но в последующем были использованы большевиками в качестве структурообразующей основы формирования новой политической реальности, в которой не было места другим политическим силам.

Список источников и литературы

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). – Новосибирск, 1998. – 226 с.
2. Вартумян А.А., Корниенко Г.А. Политическая культура юга России периода Первой мировой войны. – М., 2009. – 299 с.
3. Ирхин А. Социология культуры. – М., 2006. – 525 с.
4. Колоницкий И.Б. «Демократия» как идентификация. К изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1997. – С. 109-122.

5. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. – СПб., 2001. – 336 с.
6. Коробков Ю.Д. Между двуглавым орлом и красный знаменем.
7. Общественное сознание российского общества в 1917 г. – Магнитогорск, 2000. – 128 с.
8. Тихонова В.А. Политическая культура российского общества: Социально-философский аспект. – М., 2001. – 186 с.
9. Эйзенштадт Ш. Конструктивные элементы великих революций: Культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – Вып. 2. – С. 190-212.

Дорохова Дарья Алексеевна

аспирант,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
педагогический университет», г. Воронеж,
e-mail: inlovewithspb@mail.ru

БОРЬБА КРЕСТЬЯН ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ПРОТИВ ВВЕДЕНИЯ УСТАВНЫХ ГРАМОТ В 1861-1862 гг.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы реализации законодательных актов реформы крепостной системы в России, которые исходили из заинтересованности государства по сохранению экономически дееспособного крестьянского хозяйства, с одной стороны, и нормального функционирования помещичьих имений, с другой стороны. Взаимодействие крестьянства и учрежденного после реформы 1861 г. института мировых посредников анализируется через составление и введение в действие уставных грамот. Именно мировые посредники пытались сохранить баланс интересов крестьян и помещиков за счет юридически правильного составления грамот. Они стали главными исполнителями реформы на местах.

Ключевые слова: Воронежская губерния, крестьянская реформа, временнообязанные крестьяне, мировые посредники, уставная грамота.

Подписание Манифеста об освобождении крестьян 19 февраля 1861 года явилось важнейшим аграрным преобразованием XIX века. Политика самодержавия облегчила положение крестьян, даровав им личную свободу. Но до полного подлинного освобождения русской деревни оказалось еще далеко. Если крепостное право было отменено сразу, то урегулирование экономических отношений между крестьянином и помещиком растянулось на несколько десятилетий.

Для приведения в действие крестьянской реформы требовалось две составляющие: появление новых органов государственного управления и разработка официальных документов, определяющих взаимоотношения пореформенного крестьянства и помещиков. Такими органами стали Губернское по

крестьянским делам присутствие (возглавлял губернатор), Уездный мировой съезд (уездный предводитель дворянства), институт мировых посредников. В условиях дарования крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости, новых прав, самым важным для помещиков являлось, как можно точнее определить хозяйственные отношения, от которых зависело благосостояние и их, и крестьян. Четкая ясность поземельных отношений могла снизить недоразумения и обострения недовольства в деревне. Центральным документом проведения реформы, определившим новое устройство жизни во владельческих имениях, стала уставная грамота.

В Манифесте отмечалось, что благодаря составлению, проверке и утверждению по каждому сельскому обществу или имению уставной грамоты, удастся избежать многих трудностей и будет «исчислено, на основании местного положения, количество земли, предоставляемой крестьянами в постоянное пользование, и размер повинностей, причитающихся с них в пользу помещика, как за землю, так и за другие от него выгоды» [23, с. 34]. При этом срок заключения грамот по всем имениям определялся в два года. До истечения указанного срока крестьянам и дворовым людям повелевалось «пребывать в прежнем повиновении помещикам, и беспрекословно исполнять прежние обязанности» [23, с. 34]. Это вызывало крайнее разочарование, недоумение и всеобщее негодование крестьянства.

Законодательное оформление порядка составления уставных грамот закреплено в документах крестьянской реформы. Так, согласно ст.7 «Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостных зависимости» обязанность составления, рассмотрение и введение в действие грамот предоставлялась самим помещикам в течение двух лет [23, с. 40]. А подробности хода их исполнения содержались в «Правилах о порядке приведения в действие Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». В общей сложности 66 статей II раздела Правил структурируют механизм создания уставных грамот [23, с. 166-178]: I. Составление грамот (статьи 20-42); II. Рассмотрение и проверка уставных грамот (статьи 43-63); III. Утверждение и введение в действие уставных грамот (статьи 64-80); IV. Особые правила для имений мелкопоместных владельцев (статьи 81-85).

Остановимся на двух важных статьях указанных Правил. Ст. 21 противоречит ст. 7 Общего Положения по срокам составления: «Уставная грамота по каждому имению должна быть составлена и представлена помещиком в течение одного года» [23, с.166]. А вот окончательное введение в действие так же определяется в течение двух лет со дня утверждения Положений о крестьянах по ст. 22 [23, с. 166]. Обязанность составления возлагалась на помещика. Однако, ст. 29 [23, с. 167] определяла, что если он в назначенный годовой срок не предоставит грамоты, эта функция переходила к мировому посреднику.

В Положении о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях определены функции мировых посредников. К их распорядительным действиям относились [23, с. 140-141]: регулирование поземельных отношений между помещиками и временнообязанными крестьянами (составление уставных грамот, вопросы размеров надела, выкуп крестьянских земель и угодий, взы-

скание с крестьян недоимок по их повинностям и др.); формирование институтов общественного крестьянского управления; дела судебно-полицейского разбирательства.

Дворянство, из которого комплектовался состав посредников, привыкло на местах играть главную роль, и не могло остаться в стороне от осуществления реформы, затрагивавшей его собственные интересы. Недостатка в дворянах, желавших принять на себя посредническую должность, не было. Всего в Воронежской губернии было утверждалось 54 мировых участка, а претендентов оказалось 365, т.е. в среднем один посредник назначался из 6-7 претендентов. Так, в Воронежском уезде мировых участков – 5, претендентов – 40 [3]; в Бирюченском уезде соответственно 5 – 28 [12]; Бобровском уезде 4 – 20 [8]; Богучарском уезде 3 – 28 [7]; Валуйском уезде 5 – 9 [10]; Задонском уезде 4 – 35 [1]; Землянском уезде 5 – 32 [9]; Коротоякском уезде 3 – 22 [4]; Нижнедевицком уезде 4 – 28 [2]; Новохоперском уезде 4 – 21 [11]; Острогожском уезде 9 – 80 [6]; Павловском уезде 3 – 22 [5].

В Воронежской губернии накануне отмены крепостного права насчитывалось 1874 помещика [28, с. 22], а в частном помещичьем владении находилось около 517 346 крестьян [26, с. 143]. Математические подсчеты позволяют определить, что количество дворян-претендентов на должность мировых посредников составило 19,5 процента от общего числа помещиков, а один посредник приходился на 9 580 крестьян. Можно предположить, как морально-психологически сложно ему приходилось находиться между соседями-помещиками, не желавших воли своим крепостным, и несколькими тысячами крестьян, мечтавших получить землю без выкупных операций.

В таких условиях требовалось осуществить подписание уставной грамоты. Грамота признавалась окончательно поверенной и принимала юридическую силу, если после ее прочтения, крестьяне не предъявляли законных возражений и мировой посредник на месте составлял акт. Этот акт подписывался тремя сторонами: самим посредником, владельцем имения, грамотными и добросовестными крестьянами (ст. 49 Правил о порядке приведения в действие Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости) [23, с. 172]. Но привыкшие к обману и произволу помещиков, крестьяне психологически не были готовы доверять ни мировым посредникам, ни прописанному в уставных грамотах их новому состоянию. Уговоров, убеждений посредников оказалось недостаточно. Их деятельность в Воронежской губернии по составлению уставных грамот проходила на фоне упорного крестьянского сопротивления, проявившегося в различных формах.

24 августа 1862 года мировой посредник 1-го участка Бирюченского уезда начал в селении Марьевка поверку уставной грамоты. А когда дело дошло до подписи акта, «все крестьяне единогласно отказались не только от подписи акта, но и от принятия уставной грамоты, объясняя, что им таковая не нужна» [19, л. 1]. Они же упорно уклонялись от выбора уполномоченных для их подписания.

Крестьянами слободы Ольховатки Острогожского уезда в феврале 1862 года подписание грамоты трактовалось равносильным возврату в крепостное

состояние, поэтому они ожидали «новой святой воли» [24, с. 246]. Против такого поведения мировой посредник принимал меры личного убеждения, но его вразумления успеха не имели [22, с. 53]. Реакцией на бойкот стало введение пяти рот солдат во главе со штаб-офицером жандармского корпуса. Жители соседних Богучарского и Бирючинского уездов также в массовом порядке не принимали уставные грамоты. Подавить крестьянские волнения удалось только в сентябре 1862 года, применив наказание к шестидесяти крестьянам-зачинщикам.

Жизнь пореформенной деревни была буквально наэлектризована психологическим недоверием к чиновникам и помещикам. Отсюда и появлялось повсеместное бойкотирование уставных грамот. Так, 23 октября 1861 года мировой посредник 5-го участка Острогожского уезда докладывал губернатору об упорном сопротивлении крестьян сл. Всесвятской введению уставной грамоты. Крестьяне считали её «не только противной своим ожиданиям, но совершенно незаконной и произвольной» [13, л. 4]. Попытки мирового посредника убедить крестьян в законности составления грамоты не увенчались успехом. 31 октября 1861 года острогожский земский исправник прибыл с двумя ротами Украинского пехотного полка [13, л. 12] в слободу и в присутствии мирового посредника наказал 6 человек зачинщиков волнения.

Крестьяне слободы Подосиновки Новохоперского уезда в июне 1862 года не подписав грамоту, и вовсе заявили, что «в качестве земли не сомневаются, но принять землю в постоянное пользование от владелицы генеральши Раевской нисколько не желают, боясь закрепить себя опять в крепостное сословие», поэтому «отведенных земель пахать и хлеб на оной сеять не станут» [21, с. 104].

Среди крестьян постоянно бытовали слухи о новой будущей воле. Авторитет мирового посредника, как представителя аппарата государственной власти, в таких случаях не признавался. Например, 3 апреля 1862 года крестьяне деревень Приволье и Медвежья Землянского уезда отказались выполнять работы, прописанные в уставной грамоте. На сельском сходе в д. Приволье крестьяне заявили мировому посреднику, что «до двух лет они будут ходить по старому, а там придет еще царская милость и теперь уставной грамоте быть незаконно» [14, л.1]. Они демонстративно съехали с пахоты отведенного им в надел участка, оставили рассеянный овес на пашне незапаханным, сказав: «Пусть наше все пропадет, но мы не поддадимся» [14, л.1]. В тот же день на сходе в д. Медвежьей со стороны крестьян проявились отговорки, упорство, грубость. Один из крестьян смело заявил посреднику: «Если бы все это делалось законно, то вы не уговаривали бы нас, а давно подняли на штыки» [14, л. 2]. Крестьяне обеих деревень, сочувствуя друг другу, действовали единодушно. Только 28 апреля 1862 года при содействии военной команды удалось усмирить население обоих имений, причем 11 наиболее упорствующих в неповиновении были наказаны полицейскими мерами [14, л. 21-22].

Мировой посредник 1-го участка Валуйского уезда 6 мая 1862 года при введении им в действие уставной грамоты в слободе Погромец на сходе получил от крестьян отказ от ее принятия. Они заявили, что «никакого надела не

желают получить, работать не будут, будут ожидать окончания двухлетнего срока» [15, л. 5]. Рота пехотного полка 11 мая прибыла в слободу, наиболее возмущенных крестьян подвергли наказанию розгами, трех ярых подстрекателей передали земскому суду для разбирательств [15, л. 6]. Лишь после этого крестьяне приняли уставную грамоту от посредника.

27 июля 1862 года мировой посредник 1-го участка Острогожского уезда сообщал губернатору о сопротивлении крестьян хут. Андрияновского и Новосотницкого введению уставных грамот. Среди крестьян появились «зачинщики и подстрекатели к послушанию» [20, л. 3]. Они распускали толки, что «непрерменно будет надел земли от царя и поэтому будет новое Положение», а поэтому «исполнять приказание посредника не следует, потому что он поставлен не от царя, а от панов» [20, л. 3], внушали «не слушать и не верить ничему» [20, л. 4]. Подобное поведение крестьян этих хуторов мировой посредник оценил как «вредное законоположениям» [20, л. 5].

22 июля 1862 года мировой посредник 3-го участка Землянского уезда столкнулся с решительным отказом крестьян с. Семидубравного от принятия уставной грамоты и от исполнения своих обязанностей в отбывании повинностей [17, л. 3]. Мировой посредник вынужден был обратиться за содействием к землянскому земскому исправнику. Однако уже 23-24 июля 1862 года крестьяне села «не переставая оказывать упорное неповиновение, успели подстрекнуть к тому и деревню Никольскую» [18, л. 9]. В обоих имениях на все увещевания мирового посредника крестьяне реагировали с дерзостью и неповиновением.

27 августа 1862 года мировой посредник 2-го участка Богучарского уезда при прочтении уставной грамоты и разъяснении ее статей в хуторе Ивановке столкнулся с единогласным отказом крестьян от исполнения работ по ней. Они заявили, что «им грамоты не надо, исполнять по ней работ никогда не будут, а земли ни получать, ни пахать не хотят, пока царь не пришлет особое Положение» [16, л. 71].

Особое неприятие у крестьян вызывало перенесение усадеб. Если перенесение крестьянских усадеб имело исключительное значение для помещиков, так как отбирались лучшие унавоженные земли [27, с. 77], то для крестьян это означало разорение хозяйств.

Помещик Задонского уезда осуществил перенос усадьбы жителей с. Гороховка на узкую полосу супеси и песка, где не существовало ни водопоя, ни прогона [27, с. 77]. Вот какую оценку давал этому событию мировой посредник в конфиденциальном письме губернатору: «Вопиющее по своей несправедливости решение князя угрожает крестьянам окончательным разорением и нищенством» [27, с. 77].

Ярким примером сопротивления по переселению на новые места являются события в с. Приваловка Воронежского уезда. 21 августа 1861 года мировой съезд разрешил помещику Супрунову перенос крестьянских дворов [27, с. 75]. Крестьяне проявили упорство в неисполнении постановлений съезда и смело заявили об отказе переселения в другие места. В ответ на это в Приваловку 25 сентября 1861 года прибыла команда воинских чинов, состоявшая из двух обер-офицеров и 86 человек нижних чинов; начались жестокие расправы [22,

с. 46]. Под угрозой быть подвергнутыми строгим полицейским наказаниям, арестам крестьяне согласились на переселение с весны 1862 года.

Когда наступил срок и Супрунов потребовал выполнять постановление съезда, жители имения вновь ответили решительным отказом. Во главе слушников стал сельский староста, заявив: «Нас всего 25 человек, солдат много. Поднимите нас на штыки и несите. Иначе мы не пойдем» [22, с. 71]. Только ввод воинской команды и жестокие телесные наказания самых активных участников крестьянского выступления прекратил это сопротивление [24, с. 252].

Аналогичная ситуация произошла 2 октября 1861 года в имении помещика Шуринова в с. Казанская Хава Воронежского уезда [22, с. 48-49]. Крестьяне отказывались приступать к перенесению на новые места пяти изб. Стоит отметить, что они ослушались всем миром. Поэтому исправник безотлагательно арестовал всех 59 человек. 4 октября в имение по поручению губернатора прибыл штаб-офицер корпуса жандармов и подверг каждого из арестованных строгому наказанию. Только к 7 октября удалось добиться покорности и готовности крестьян к переселению.

В реализации крестьянской реформы составление и ведение в действие уставных грамот имело исключительное значение. В них содержались основные параметры выхода крестьян на волю. Составление этих документов напрямую связано с созданием института мировых посредников. На них, выходцев из дворян, ложилась важная роль – стать примирителем двух сословий. В их лице правительство получило возможность воздействия на крестьян не только вооруженной силой, но и методом убеждения. Мирные разъяснения, однако, должного действия на крестьян не производили. Главные причины их волнения состояли в том, что: 1) крестьяне обманулись в своих ожиданиях, не получив 19 февраля полной окончательной воли; 2) распространялись ложные слухи и толки: если после 19 февраля они подпишут уставные грамоты, то закрепостят себя вновь. Этот документ поэтому они не признавали, считая его исходящим от помещика, а не от царя.

Составление уставных грамот вызвало мощный подъем крестьянского сопротивления, проявившегося в различных формах: бойкот уставной грамоты, непризнание ее законности; психологическое недоверие к мировым посредникам-дворянам; отказ от выполнения повинностей; отказ от наделов; борьба с переносом крестьянских усадеб. Для водворения спокойствия в деревне привлекались войска. Лишь мерами жестоких экзекуций удавалось приводить крестьян в повиновение. В целом, крестьянское движение стало важной составляющей общественной жизни пореформенной России.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф.26. - Оп.1. - Д.16.
2. ГАВО. - Ф.26. - Оп.1. - Д.17.
3. ГАВО. - Ф.26. - Оп.1. - Д.18.
4. ГАВО. - Ф.26. - Оп.1. - Д.19.

5. ГАВО. - Ф.26. - Оп.1. - Д.20.
6. ГАВО. - Ф.26. - Оп.1. - Д.21.
7. ГАВО. - Ф.26. - Оп.1. - Д.22.
8. ГАВО. - Ф.26. - Оп.1. - Д.24.
9. ГАВО. - Ф.26. - Оп.1. - Д.25.
10. ГАВО. - Ф.26. - Оп.1. - Д.30.
11. ГАВО. - Ф.26. - Оп.1. - Д.36.
12. ГАВО. - Ф.26. - Оп.1. - Д.39.
13. ГАВО. - Ф.26. - Оп.1. - Д.155
14. ГАВО. - Ф.26. - Оп.2. - Д.55.
15. ГАВО. - Ф.26. - Оп.2. - Д.96.
16. ГАВО. - Ф.26. - Оп.2. - Д.97.
17. ГАВО. - Ф.26. - Оп.2. - Д.167.
18. ГАВО. - Ф.26. - Оп.2. - Д.168.
19. ГАВО. - Ф.26. - Оп.2. - Д.192.
20. ГАВО. - Ф.26. - Оп.2. - Д.197.
21. Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. – 479 с.
22. Крестьянское движение в Воронежской губернии (1861-1863 гг.) / М.М. Шевченко. – Воронеж: Из-во Воронежского университета, 1961. – 133 с.
23. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1954. – 499 с.
24. Линков Я.И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825-1861 гг. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1952. – 278 с.
25. Литвак Б.Г. К истории формуляра уставной грамоты 1861 г. // Археологический ежегодник за 1957 год. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. – 520 с.
26. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния. – СПб., 1862.
27. Фурсов В.Н. Классовая борьба в деревне центрально-черноземных губерний пореформенной России. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 200 с.
28. Фурсов В.Н. Крестьянское движение в Воронежской губернии в 60-70 годы XIX века (социально-психологические аспекты). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. – 134 с.

Егоров Андрей Николаевич
доктор исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»
Россия, г. Череповец
e-mail: anegorov@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ЛИБЕРАЛОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются политические взгляды и тактическая линия кадетов Европейского Севера России в 1905-1907 гг. Показано, что провинциальные либералы по многим вопросам занимали левые позиции в кадетской партии, выступали за сотрудничество с умеренными социалистами, решительно отвергали соглашения с правыми либералами октябристского толка. Подобная позиция провинциальных либералов во многом объясняет радикальный настрой кадетского руководства, исключавший разумный компромисс с властью.

Ключевые слова: конституционно-демократическая партия, либерализм, российская провинция, Первая российская революция, партийная борьба.

В современной историографии часто встречаются упреки в адрес кадетской партии за излишний радикализм в годы Первой российской революции, который исключал разумный компромисс с властью и способствовал росту революционных настроений. Для понимания причин радикального настроения кадетского руководства, мы должны ясно представлять политическую позицию провинциальных кадетских организаций, во многом определявших курс ЦК Партии народной свободы.

В 1905 г. на Европейском Севере России (Архангельская, Вологодская, Олонецкая и Новгородская губернии) стали возникать организации кадетской партии. Они не отличались большой численностью и активностью, но, тем не менее, сыграли заметную роль в общественно-политической жизни региона. Политические взгляды провинциальных кадетов отражали умонастроения весьма значительных кругов интеллигенции, средних городских слоев, деятелей местного самоуправления. Наиболее ярко политические взгляды либералов проявлялись во время их партийных собраний, которые зачастую превращались в довольно значимые события для небольшого провинциального города. Кадетские партийные собрания чаще всего были открытыми, вызвали немалый интерес (особенно в период выборов в Государственные думы), в их работе участвовали различные группы населения: мелкие чиновники, служащие земств и городских дум, учащаяся молодежь, приказчики, купцы, женщины, иногда крестьяне. На собрания приходило до двух-трех сотен человек, т.е. значительно больше, чем членов партии.

Кадетские собрания неоднократно посещали и представители других партий – как революционных (в основном, эсеров), так и правых. Поэтому, зачастую собрания носили характер ожесточенных дискуссий. Так, начальник Ар-

хангельского губернского жандармского управления в докладе в Департамент полиции писал: «Не редко ораторы крайне правого направления вызывают в среде присутствующих, как аплодисменты, так и шумные протесты с требованием замолчать» [3, л. 272]. Закрытые собрания кадеты проводили не часто, в основном в связи с обсуждением организационных вопросов и тактики предвыборной борьбы.

Немалый интерес представляет «Журнал Учредительного собрания Вологодской группы конституционно-демократической партии» от 21 ноября 1905 г. Вел собрание председатель Вологодской губернской земской управы В.А. Кудрявый. Земской гласный, купец Н.Я. Масленников огласил программу партии, проект устава группы, и после их обсуждения в партию записалось 35 человек. Об их политических взглядах говорит принятое на собрании заявление в ЦК партии следующего содержания: «Вступая в состав конституционно-демократической партии, Вологодская группа считает нужным заявить, что часть ее членов присоединяется к программе этой партии не по принципиальным, а чисто тактическим соображениям, чтобы иметь более или менее твердую почву для проведения политических и социальных идеалов в ближайшем будущем. Идеалы же эти у многих членов Вологодской группы стоят значительно левее радикальной фракции конституционно-демократической партии. Во всяком случае, Вологодская группа принимает программу партии как программу-минимум и с некоторыми поправками и дополнениями» [9, л. 1]. Далее вологодские либералы предлагали поправки к программе в леворадикальном духе.

Все обсуждавшиеся на кадетских собраниях вопросы можно разделить на три группы – теоретические, тактические и организационные, причем в повестке дня они стояли именно в таком порядке. Кадеты любили обсуждать теоретические вопросы, расширявшие их кругозор. «Профессорской» партия была лишь на уровне столичных городов, в провинции уровень знаний среди интеллигенции и чиновничества был невысок. Поэтому тематика теоретических вопросов была самая разнообразная. Так, архангельские кадеты обсуждали вопросы конституционного устройства других стран, политической экономии, автономии национальных меньшинств, проекты законодательного народного представительства для России, проблемы взаимоотношений самодержавия и народа, произведения К. Маркса [4, л. 4].

Обычно партийную программу и идеологию разрабатывают центральные партийные органы, а на местах человек лишь присоединяется к той или иной партии. Но и здесь есть свои особенности. Для провинциальных либералов отдаленность от центра стала дополнительным импульсом для поиска лозунгов и формул, которые могли бы снискать симпатии провинциального населения и обеспечить успех в условиях жесткой политической борьбы. Порой удивляет, насколько подробно провинциальные организации ПНС рассматривали партийную программу, и не просто рассматривали, но и вносили разнообразные уточнения и дополнения.

В важнейшем для России аграрном вопросе провинциальные кадеты занимали левые позиции в ПНС. Например, кадеты Архангельска высказались за

то, чтобы «обнищавшее крестьянство получило наконец землю путем бесплатного отобрания на этот предмет земель казенных, удельных, монастырских и других и принудительного отчуждения земель помещиков за справедливое вознаграждение» [1]. Авнегская кадетская группа ПНС, состоявшая из крестьян, объявила, что если Вологодский губернский комитет ПНС не признает бесплатной раздачи земли крестьянам, то вся группа выйдет из партии [7, л. 3].

Вологодские кадеты, рассматривая аграрный вопрос 17 января 1906 г., пришли к выводу, что в интересах справедливости, в «интересах «трудящегося люда», требуется, чтобы «вся земельная площадь России находилась в пользовании трудящегося крестьянства, поэтому следует выдать все, что есть, трудящемуся населению и принять меры к развитию фабричной и кустарной промышленности» [21]. В то же время в вопросе о том, каким путем передать землю трудящимся, и как быть с помещичьей землей, среди кадетов единого мнения не было. Партийные прения показывают, что кадеты, будучи «городской» партией, просто не разбирались во всех тонкостях аграрного вопроса. Кадетов отличала склонность к излишнему теоретизированию, к сохранению необоснованных мечтаний. На собрании 23 января 1906 г. вологодские кадеты вновь обсуждали аграрный вопрос. В своем выступлении член губернского комитета партии Н.Я. Масленников осудил аграрные проекты эсеров и социал-демократов, подчеркнув, что «нельзя признать экспроприацию земли без выкупа». Он полагал, что «выкуп должен быть совершен за счет государства по справедливой оценке на основании доходности земли посредством особых комиссий» [22].

Довольно важным в годы революции был и национальный вопрос. На кадетских собраниях зимы-весны 1906 г. неоднократно читались доклады об автономии Польши, что не являлось случайностью. Данный пункт программы ПНС вызывал много вопросов, особенно в крестьянской среде. Например, на первом учредительном собрании тотемской группы кадетской партии 2 января 1906 г. именно национальный вопрос вызвал наибольший интерес, причем подавляющее большинство кадетов отнеслось негативно к идее независимости Польши. О значимости данного вопроса говорит тот факт, что на своем втором собрании 5 января 1906 г. тотемские кадеты вновь вернулись к вопросу об автономии Польши, и для более успешной пропаганды среди крестьян партийной программы, «признали желательным, чтобы вопрос об автономии Польши был выражен (в программе ПНС – А.Е.) яснее и проще... Некоторыми членами группы было выражено мнение, что под автономией Польши программа партии понимает будто бы полное отделение Польши от России, требование чего является очень непопулярным среди крестьян» [8, л. 1]. Архангельские кадеты полагали, что «полякам лучше знать какие им нужны законы», а поэтому «пускай они сами и составляют такие законы для себя, лишь бы они были в единении с Россией, подчинялись тем законам, которые должны быть одинаковы для всего русского государства, и участвовали в Государственной думе как равноправные русские граждане» [8, л. 3].

Большое внимание на собраниях кадеты уделяли обсуждению программ других политических партий, как правых, так и левых. Например, на собрании

13 января 1906 г. архангельские кадеты критиковали программу РСДРП за «грубый материализм», противопоставляя ей идеалы христианского социализма [24]. Стойкое неприятие у провинциальных кадетов вызывали программы правых партий – от партии Правового порядка до Союза русского народа.

Тактические вопросы, обсуждавшиеся на кадетских собраниях, были связаны, как правило, с избирательными кампаниями и деятельностью Государственных дум. Они начинались с обсуждения политического положения в стране, выяснением позиции ЦК ПНС и заканчивались принятием решения, как вести себя в сложившейся ситуации. В январе 1906 г. вологодские кадеты обсуждали вопрос об участии в выборах в I Государственную думу. Они приняли решение «идти в Думу, принять в ней участие для того, чтобы провести закон о всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании и бороться за свободу народа». Возражая представителям революционных партий, которые призывали бойкотировать выборы, кадет Львов сказал следующее: «Так жить нельзя, флота нет, армия дезорганизована, народ голодает, финансы расстроены – а мы будем отказываться от Думы?!» [21]. Архангельские кадеты, обсуждая вопрос об участии в выборах, решили участвовать в них, чтобы Государственная дума созвала Учредительное собрание [23].

Надежды на I Государственную думу были велики. Так, 24 апреля 1906 г. на митинге в Вологде кадетский оратор говорил, что «смотрит оптимистически на положение Думы, что удастся провести демократические свободы, дать амнистию всем политическим и разрешить аграрный вопрос, добиться всеобщего, равного избирательного права. Решать эти вопросы надо с наименьшим количеством жертв, а если Думе воспрепятствуют в этом, тогда за нее восстанет весь народ, и каким способом он добьется удовлетворения своих требований – это дело народа» [6, л. 101]. Архангельские кадеты, обсуждая вопрос о Думе, решили, что «партия должна заняться разработкой неотложных вопросов государственной жизни, относясь к Думе, как предварительному парламенту» [4, л. 26].

Важнейший вопрос для кадетов – с кем заключать блок в предвыборной борьбе. На выборах в I Государственную думу провинциальные кадетские организации выставляли самостоятельные списки кандидатов, целиком надеясь на свои силы. На выборах во II Думу изменившаяся политическая обстановка заставила кадетов искать союзников. 10 декабря 1906 г. архангельские кадеты, обсудив вопрос о предвыборных соглашениях, признали необходимым «сплочение оппозиционных элементов на выборах» а, значит, возможным соглашением с левыми партиями. Предложение Партии правового порядка о предвыборном соглашении либералы решительно отвергли [25]. Вологодские кадеты в декабре 1906 г. приняли решение выставить совместный список кандидатов с эсерами и социал-демократами, несмотря на серьезные теоретические расхождения с ними [5, л. 11].

Источники фиксируют разноуровневые контакты и сотрудничество по отдельным вопросам между кадетами и социалистами, что совсем не следует рассматривать как показатель «революционности» ПНС. Кадетские теоретики вполне убедительно обосновали свою позицию по данному вопросу. «Когда

либерализм отказывается от узкого и отвлеченно-формального понимания начала свободы, - писал П.И. Новгородцев, - а социализм примиряется с существующим государством, сохраняющим свою индивидуалистическую основу, свой характер системы свободы, - на практике, в осуществлении очередных жизненных задач их пути сближаются, как бы далеко ни расходились они в исходных основаниях и конечных идеалах. При этих условиях на социализм выпадает благодарная роль ускорять процесс социальных реформ, осуществляемых правовым государством» [19, с. 515].

Современники неоднократно отмечали наличие в кадетской партии некоторого числа лиц, разделявших социалистические идеалы. Для правых это обстоятельство являлось наилучшим доказательством «революционности» левых либералов. Социалистический лагерь воспринимал таких людей как запутавшихся в либеральной демагогии и не нашедших в себе силы разобраться в классовой сущности русского либерализма. Но сами либералы ничего необычного в этом, на первый взгляд противоестественном, симбиозе не находили. Так, А.А. Корнилов писал, что и в Союзе освобождения, и в кадетской партии сошлись как сторонники, так и противники социализма. Однако, поскольку все они «одинаково исходили из начал демократии», а построение социализма всем представлялось «только вопросом отдаленного будущего», соединение этих двух течений в одной партии, «состоящей из приверженцев реальной политики, представлялось вполне допустимым, вполне возможным» [16, с. 7]. По мнению кадета В.А. Оболенского некоторые провинциальные социалисты пошли в ПНС, исходя из соображений практической общественной работы [20, с. 297]. Действительно, ПНС, хоть и являлась нелегализованной партией, но не была запрещена, а значит, за членство в ней не грозили аресты, ссылки и другие меры, применявшиеся против революционных партий. Этим и пользовались некоторые социалисты, которые вступали в ПНС или сотрудничали с ней в той или иной форме, но по своим убеждениям были гораздо левее кадетов (яркий пример – С.М. Киров с 1909 по 1917 г. являлся штатным сотрудником либеральной газеты «Терек»).

С другой стороны в бурной обстановке Первой российской революции некоторые противники самодержавия, особенно в провинции, действительно не могли адекватно разобраться в партийных программах и вступили в кадетскую партию, искренне принимая ее за революционную организацию. Довольно показательным, хоть и не типичным, был случай с председателем Архангельского губернского комитета ПНС И.В. Галецким, избранным в I Государственную думу от кадетской партии. Оказавшись в Думе, Галецкий посчитал, что кадеты занимают слишком правые позиции, вышел из фракции ПНС и примкнул к трудовикам [10, л. 23]. Этот поступок вызвал громкий политический скандал (об этом писала столичная пресса) и замешательство среди архангельских кадетов. Член ЦК ПНС А.М. Колюбакин выехал в Архангельск, чтобы попытаться разобраться в сложившейся ситуации. Долгие дискуссии о поступке Галецкого закончились тем, что почти половина архангельских кадетов (80 из 180) вышла из ПНС и конституировалась в группу трудовиков [2, с. 1003]. Данный случай показывает наличие среди провинциальных кадетов немалого числа лиц левых убеждений.

Как известно, кадеты представляли собой левый фланг русского либерализма, а октябристы – правый. Казалось бы, общность идеологии должна была сблизить эти партии. Но реальная жизнь была совсем иной. Кадеты Европейского Севера России никогда не шли ни на какие блоки с октябристами, считая их правыми. В кадетских листовках и обращениях октябристы представлены одними из главных противников ПНС. Кадеты всегда подчеркивали, что нельзя идти ни на какие союзы с октябристами, хотя они были их идеологическими союзниками.

Совсем иное отношение у провинциальных кадетов наблюдалось к левым революционным партиям. Кадеты почти всегда шли на сотрудничество с ними в конкретных делах, хотя и дискутировали в сфере идеологии. Реальная жизнь показывает, что идеологические вопросы в провинции всегда отходили на второй план по сравнению с конкретными политическими действиями: выборами в различные органы, совместными мероприятиями. Причина этого заключается в том, что провинциальные партийные организации объединялись не столько на идейных позициях, сколько на отношении к властям и на решении конкретных дел. Отношение к местным властям, к политике государственной власти в целом, было важнее идейных разногласий.

Приведем примеры. Руководитель Никольской кадетской группы И.Н. Зырин в августе 1906 г. писал в ЦК ПНС: «Союз 17 октября» доверием населения не пользуется, хотя и имеет значительно больше членов, записанных под давлением земских начальников. Отношение ПНС к правым партиям должно быть чисто отрицательным, с левыми же партиями возможно входить в соглашение» [11, л. 2]. Подобные взгляды разделялись многими руководителями местных кадетских организаций. Показательно мнение тихвинских кадетов, высказанное в конце августа 1906 г.: «О союзе с правыми не может быть и речи. С левыми в предвыборный период нужно объединяться на почве агитации за одних кандидатов. Но основными положениями программы партия не должна поступаться» [12, л. 3].

В этой связи следует различать: одно дело – идейно-политическая доктрина партии, которая может быть консервативной, либеральной, социалистической, а другое – реальная партийная политика, которая проявляется в партийной тактике, в отношении к властям и другим политическим силам. Зачастую именно поведение партии в конкретной ситуации говорит о ее сущности больше, чем любые красивые лозунги, написанные на ее знамени.

Эту разницу хорошо видела либеральная публицистика того времени. А.С. Изгоев в предисловии к работе Ф. Мускатблита о выборах в I Государственную думу писал, что «быстро текущая жизнь делит людей на партии не по их программам, а по тактике». Различия в программах не имеют «такого существенного значения, чтобы на них могли основываться жизненные, большие партии. Партия конституционно-демократическая, прославленная буржуазной, несомненно, имеет в своих рядах некоторых вполне убежденных социалистов. Большой и жизненной политической партией сделала ее не программа, а тактика» [18, с. 7]. Аналогичную мысль высказывал и В.Д. Кузьмин-Караваев, полагавший, что для оппозиционно настроенных избирателей, голосовавших за ка-

детскую партию, «суть дела была не столько в ее программе, сколько в том, что она является партией, резко и открыто отрицающей нынешнее направление правительственной деятельности. Избирателей, настроенных в противоположном смысле, так же точно влекла к себе не программа Союза 17 октября, а заявление о необходимости оказать поддержку правительству» [17, с. 245].

Многие современники событий отмечали мировоззренческие, психологические различия между кадетами и октябристами. Кадет Н.Ф. Езерский писал, что октябристы и кадеты «говорили почти одно и то же, так что иные наивные люди удивлялись, отчего они ссорятся». Однако дело было вовсе не в лозунгах: «Не столько в решении, сколько в самой постановке вопроса замечалась коренная разница: одна партия ставила их ребром, другая – экивоками... Еще больше бросалась в глаза разница в обсуждении вопросов, в общем облике обеих партий. Обыватель требовал не просто признания конституционного режима, а энергичного отстаивания его. И вот в этом к.-д. партия имела неоспоримое преимущество перед Союзом. Именно личное впечатление, неуловимое, психическое влияние тона речей, характера программных требований перетягивало симпатии избирателей на сторону кадетов» [15, с. 10].

Д.Н. Шипов писал в своих воспоминаниях, что кадетская партия «несомненно и искренно» стремилась к осуществлению в политической и социальной жизни истинно демократических идей, и это стремление вполне соответствовало его убеждениям. Но, «в этом вопросе мы, преследуя одинаковые цели, исходили из различных жизнепониманий». Затем Шипов показал, в чем же заключалось это разное «жизнепонимание»: для кадетов признание партийной политической борьбы «вытекало из основы их политического жизнепонимания», а для октябристов «мысль о необходимости такой борьбы не соответствовала их убеждениям, и они лишь примирялись с ней, как с неизбежным злом при развитии политической жизни». Кадетская партия, считал Шипов, встала на путь «несомненно революционный». Он отмечал: «Желая видеть в социалистических партиях своих союзников, к.-д. тем самым как бы признавали, что в основе идеологии и жизнепонимания той и другой группы нет существенных противоречий, и это признание, думается мне, в значительной мере соответствовало действительности» [26, с. 400].

К роспуску I Государственной думы все провинциальные кадетские организации отнеслись крайне отрицательно. На своих собраниях кадеты вынесли резолюции с осуждением решения властей и призывом к народу оказать поддержку Думе. Однако отношение к Выборгскому воззванию, содержащему призыв к пассивному сопротивлению властям, у местных кадетских групп было неоднозначным. Вологодские и архангельские кадеты его полностью поддержали, никольские кадеты высказались более нейтрально, считая его необходимым актом, «который должны были совершить члены Государственной думы в ответ на роспуск Думы» [11, л. 2]. На белозерских кадетов воззвание «особенного впечатления не произвело: все ждали большего». Тихвинская группа ПНС признала Выборгское воззвание «с партийной точки зрения тактической ошибкой, и именно в части призывающей к нелегальным активным действиям» [12, л. 1]. Крестецкая группа ПНС осудила воззвание, усмотрев в нем «положения

не соответствующие принципам мирного перехода к конституционному строю» [14, л. 1]. Воззвание, по их мнению, толкало население на революционный путь, что было чревато кровавыми столкновениями. Все провинциальные кадетские организации единодушно высказались против нелегальных методов борьбы.

Несмотря на столь разные оценки Выборгского воззвания, многие кадетские организации сходились в одном – в невозможности и нежелательности его проведения в жизнь. Типичным было мнение председателя Никольского комитета партии И.Н. Зырина, считавшего, что призыв к неуплате налогов ударит, прежде всего, по земству, что крайне нежелательно, поскольку именно земство является одной из основных опор либерализма на местах [11, л. 2]. Белозерский кадет С.С. Холопов считал, что для осуществления идей воззвания «требуется высокая гражданская работа всего народа, чего в настоящее время не имеется» [13, л. 3].

Таким образом, анализ политических взглядов и тактической линии кадетов Европейского Севера России показывает, что подавляющее большинство провинциальных либералов стояло на левых позициях в кадетской партии. Это оказывало весьма серьезное влияние на позицию ЦК ПНС по различным вопросам политической жизни. Этим, в частности, объясняется высокий уровень радикализма кадетской партии и неуступчивость либералов на переговорах с С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным о вхождении в состав правительства. Провинциальные кадеты являлись своеобразным барометром, показывавшим состояние дел на местах.

Список источников и литературы

1. Архангельск. – Архангельск, 1907. – 24 января.
2. Вестник Партии Народной Свободы. – 1906. – № 13.
3. ГААО. – Ф. 1323. – Оп. 1. – Д. 168.
4. ГААО. – Ф. 1323. – Оп. 2. – Д. 57.
5. ГАВО. – Ф. 108. – Оп. 5. – Д. 20.
6. ГАВО. – Ф. 108. – Оп. 5. – Д. 28.
7. ГАРФ. – Ф. 523. – Оп. 1. – Д. 193.
8. ГАРФ. – Ф. 523. – Оп. 1. – Д. 196.
9. ГАРФ. – Ф. 523. – Оп. 1. – Д. 70.
10. ГАРФ. – Ф. 523. – Оп. 1. – Д. 170.
11. ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 1004.
12. ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 1055.
13. ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 1056.
14. ГАРФ. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 1057.
15. Езерский Н.Ф. Государственная Дума первого созыва. – Пенза, 1907. – 201 с.
16. Корнилов А.А. Партия Народной Свободы (Исторический очерк). – Одесса, 1917. – 28 с.
17. Кузьмин-Караваев В.Д. Из эпохи освободительного движения. – СПб., 1907. – Ч. 2. – 426 с.

18. Мускатблит Ф. Первый русский парламент (избирательная кампания и ее итоги). – Одесса, 1906. – 88 с.
19. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М., 1991. – 640 с.
20. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. – Paris, 1988. – 751 с.
21. Северная земля. – Вологда, 1906. – 19 января.
22. Северная земля. – Вологда, 1906. – 26 января.
23. Северный листок. – Архангельск, 1906. – 3 января.
24. Северный листок. – Архангельск, 1906. – 17 января.
25. Северный листок. – Архангельск, 1906. – 12 декабря.
26. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. – М., 1918. – 592 с.

Жиров Николай Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина»
Россия, г. Елец
E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

КРЕСТЬЯНСТВО АГРАРНОГО ЦЕНТРА РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОТряСЕНИЙ НАЧАЛА ХХ В.

Аннотация: Статья посвящена комплексному изучению внешне- и внутривнутриполитических факторов, повлиявших на крестьянское сословие аграрного центра России в начале ХХ в. В рамках проблематики рассматривается демографическое развитие села, аграрная политика П.А. Столыпина, в частности переселение крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. Главным итогом может служить вывод о социально-экономических истоках революционных событий в России.

Ключевые слова: крестьянство; аграрная политика; переселение; революция; Центральная Россия.

К началу ХХ в. крестьянство составляло более $\frac{3}{4}$ жителей Российской империи, а в губерниях аграрного центра эта цифра была существенно выше. Например, в Орловской губернии с преимущественно сельским населением (около 88%) на крестьянское сословие приходилось 96,47% [4, л. 24]. На их долю в последние десятилетия существования империи выпало не мало испытаний, как внешне- так и внутривнутриполитического характера и одной из главных проблем российского села был кризис аграрного производства, сопряженный с бурным ростом населения страны. Именно он лежал в основе социально-экономических неурядиц сельской провинции, захлестнувших империю.

На рубеже XIX-XX вв. уровень распашки территории Орловской губернии приблизился к 84%. Среди губерний аграрного пояса Центральной России этот показатель был выше только в Курской губернии – 88% [22, с. 82]. В крестьянском земледелии почти везде было распространено трехполье, и использовались устаревшие виды орудий труда. Вынужденный переход крестьян от

трехполья к двуполью, а у самых бедных слоев – даже к однополью, наблюдавшийся в ряде центральных уездов Орловской губернии в начале XX в., стал следствием острой нехватки пахотных угодий.

Крестьяне хорошо понимали, что такое землепользование приведет к быстрому истощению почв. Вследствие примитивного земледелия, почти лишённого элементарной агротехники, на большей территории Орловской губернии началось сокращение фонда плодородных пахотных земель. Начался быстрый рост оврагов, деградация почв. Это еще более усиливало малоземелье, в сельскохозяйственный оборот вводились земли под вырубленными лесами, осушенными болотами, выгонами и сенокосами, склоны балок и речных долин. Из-за этого с 1906 по 1911 гг. площадь, занятая под посевами в губернии, уменьшилась на 9,9% [5, с.102].

Ускоренный прирост жителей в начале XX в., вызванный демографическим бумом, усложнял и так непростое социально-экономическое положение сельского населения. В той же Орловской губернии, как одной из наиболее густонаселенных аграрных областей Центральной России (49,5 человек на кв. версту) [21, с. 7], с ее 2 млн. жителей естественный прирост ежегодно составлял от 35 до 45 тыс. человек (с 1900 по 1913 гг. население увеличилось на 19%) [15; 16].

Численность жителей стала постепенно превышать необходимое количество земли для ведения продуктивного хозяйствования. За хронологический отрезок с 1877 по 1905 гг. у бывших владельческих крестьян Орловщины земельный надел уменьшился в среднем с 8,3 до 5,9 дес., у государственных – с 11,6 до 8,3 дес. [23, с. 39].

Возрастающая демографическая нагрузка при сохранении патриархальной формы организации аграрного производства, породила так называемый демоэкологический кризис для сельских территорий Центральной России [1, с. 48-70].

Сокращавшееся количество и качество крестьянской надельной пашни со временем не только не могло обеспечить благосостояние жителей села, но и элементарно его прокормить. На этот счет есть разные точки зрения, например, Б.Н. Миронов придерживается позиции постепенного роста благосостояния жителей империи в конце XIX – начале XX в. [12]. В масштабах всей страны этот тезис вполне уместен, но на региональном уровне ситуация существенно отличалась, особенно в среде малоимущего населения.

С периодичностью в несколько лет, как правило, вследствие неблагоприятных погодных условий повторялись неурожаи, приносившие в той или иной степени элементы голода. Вопрос продовольственной безопасности регионов стоял на повестке деятельности всех земств Российской империи. Повсеместно функционировали хлебные магазины, целью которых являлось обеспечение семенами нуждавшегося населения. Цена на зерно в них была ниже рыночной и, как правило, удовлетворяла большую часть крестьянства. Но в то же время, наименее обеспеченные слои населения, не имея возможности заплатить за зерно, попадали в должники, что усугубляло их положение, отрицательно влияя на социально-экономическую обстановку.

Уровень продовольственного обеспечения населения Орловской губернии можно проследить по ввозу вывозу товарного зерна. За период с 1901-1903 по 1908-1911 гг. общий объем зернового товарооборота в абсолютном исчислении вырос, но вывоз хлеба снизился с 29% до 27%. В то же время произошли изменения в структуре хлебного экспорта. Во-первых, вывоз стал поступательно сокращаться, что говорило о появлении дефицита продовольственного зерна на внутреннем рынке аграрного региона. Во-вторых, произошло уменьшение вывоза ржи – главного вида злаковых культур региона. Увеличивающееся население губернии стимулировало внутреннее потребление хлеба и рост на него цены, особенно в неурожайные годы. Дальнейший прирост жителей мог усугубить продовольственную обстановку в регионе.

Приведенные факты указывают, что главной бедой крестьянства были малоземелье (вернее неэффективное использование наделных угодий вследствие устаревшей системы землепользования), сильная перенаселенность в сельской местности и низкий жизненный уровень. Это стимулировало миграционные процессы в промышленные зоны России и юго-востока Украины. Данное явление усиливалось в кризисные голодные годы. Например, в 1891 г. из Ливенского уезда Орловской губернии выехало 24 тысячи человек. Основным миграционным направлением было аграрное переселение за Урал. Малоземельные, а соответственно малоимущие жители деревни в переселении не участвовали, так как переезд производился за личные средства крестьян. Последних это обстоятельство явно не устраивало. Например, в Ливенское уездное земское собрание гласным от крестьян было высказано предложение о возбуждении перед правительством ходатайства о свободном переселении малоимущих крестьян за счет государственных средств в Сибирские губернии. Гласным отмечено, что в течение нескольких лет (конец 1890-х гг.) по Хмелевской волости, в которой он состоял старшиною, с Сибирь переселились более 10 семейств. Еще больше людей отправилось туда осматривать земли для переселения. Эти крестьяне были среднего достатка, трудящиеся, хорошие хозяева. «При усиленном переселении таких жителей села, может случиться, что в обществе останутся только бедняки и зажиточные сельские богачи». По мнению гласного, и те и другие являются злом «богатый крестьянин всеми способами опутывает бедного, истощая у него последние соки, а бедняк, обремененный семьею и закабаленный богачом, не в состоянии вести свое хозяйство, в конце концов, становится тунеядцем и пьяницей». Таким образом, при отсутствии середняков ведение дел в обществе осложнялось, и имущественное расслоение деревни усиливалось [3, л. 153].

Аграрное движение на территории Орловской губернии вплоть до революционных событий 1905-1907 гг. не имело широко размаха. Социальный протест в среде местного крестьянства был достаточно умеренным, а единичные выступления (с 1901-1904 гг. было зафиксировано только по одному бунту в год) были локальными, без актов реального насилия и существенного материального урона [10, с. 312]. В соседних губерниях ситуация была значительно хуже, особенно в Курской и Черниговской. Дальнейший рост недовольства крестьян уровнем своей жизни в итоге вылился в аграрные беспорядки [6; 7; 8; 9; 14; 19].

В начале февраля 1905 г. волна аграрных беспорядков захлестнула губернии аграрного центра (Курскую, Орловскую, Черниговскую, Тамбовскую). Крестьяне громили помещичьи экономии, забирая продовольственные запасы барских усадеб [6, с. 10]. Крестьянство требовало земли, снижения арендной платы за помещичьи угодья и т.д. Особенно острая ситуация складывалась в Елецком, Ливенском, Малоархангельском, Севском и Трубчевском уездах.

Весною 1905 г. только в западных уездах Орловской губернии (Дмитровском, Севском, Трубчевском) было зафиксировано более 50 массовых выступлений крестьян. На период летних полевых работ аграрные беспорядки потеряли свою массовость и масштаб, но сразу после сева озимых хлебов во всех земледельческих губерниях Центральной России возобновились погромы владельческих экономий. Согласно отчетам полиции ситуация стала стремительно ухудшаться после возвращения крестьянской молодежи с сезонных сельскохозяйственных работ из южных регионов [13, с. 49].

Как правило, на заработки уходили малоземельные крестьяне, но неурожай 1905 г., охвативший большую часть Европейской России, не позволил пополнить семейные бюджеты трудовых мигрантов. Не имея должного количества денежных и продовольственных запасов, бедняки начали громить помещичьи усадьбы и предприятия. Местные власти были вынуждены обратиться за помощью в штаб Московского военного округа с просьбой прислать войска для подавления аграрных беспорядков. После декабрьского вооруженного восстания 1905 г. революционная волна в аграрном центре стала снижаться [17, с. 23].

За революционный период в Орловской губернии состоялось более 330 крестьянских выступлений. Большая часть из них была ликвидирована при помощи полицейских команд и военных подразделений.

Летом 1906 г. губернатор в своем отчете указывал, что главной причиной крестьянских выступлений в Елецком, Мценском, Орловском, Севском и прочих уездах был неурожай 1905 г. Революционная ситуация в этих уездах не повлияла на крестьянскую демографию, естественный прирост населения оставался в плюсе. Что касается голода, то его удалось избежать благодаря мерам, принятым руководством губернии: в уездах, пораженных неурожаем, была проведена продажа хлеба нуждающемуся населению по твердым, ниже рыночного, ценам [20, с.2].

Столыпинские преобразования, в первую очередь активизация переселения крестьянства сначала снизили, а потом полностью ликвидировали революционную активность сельского населения [24, с. 162]. Переселение должно было уменьшить демографическую нагрузку на имеющийся земельный фонд (таблица 1) [4, л.16-19].

Таблица 1. – Сведения о числе аграрных переселенцев в Сибирь из Орловской губернии в 1906-1908 гг.

Уезд	1906 г.		1907 г.		1908 г.	
	семей	человек	семей	человек	семей	человек
Орловский	8	35	61	372	147	893
Болховский	95	668	219	1655	167	1155
Брянский	24	128	254	1620	248	1735
Дмитровский	29	190	200	1516	320	2462
Елецкий	14	77	93	585	245	1439
Ливенский	21	88	315	1982	833	5747
Карачевский	51	318	209	1982	268	1740
Кромской	20	99	142	987	410	2745
Малоархангельский	9	37	332	2189	435	3152
Мценский	4	13	15	81	35	242
Севский	12	66	127	726	472	2964
Трубчевский	86	469	519	3112	467	2909
Итого в губернии	373	2188	2496	16143	4047	27194

Согласно приведенным данным можно увидеть рост заинтересованности крестьянства в освоении новых земель, а также неоднородность процесса переселения по отдельным уездам губернии за указанные годы. Число аграрных переселенцев в уездах зависело от количества жителей в них, степени занятости в сельском хозяйстве, возможности приработков на стороне и участия в промышленной деятельности. Не последнюю роль играла позиция местных органов власти, начиная от волостного правления до уездных землеустроительных комиссий.

В первую очередь переселение затронуло сельские общества южных уездов Орловской губернии (Ливенский, Малоархангельский, Севский и т.д.), но число желающих переселиться было очень велико. Например, в Елецком уезде к 1909 г. в некоторых населенных пунктах количество потенциальных переселенцев достигало половины всех жителей. Естественно, большинству было отказано в этом, так как фонд колонизационных земель имел свои пределы, и удовлетворить просьбы крестьянства было невозможно.

Процесс аграрного переселения затронул все области Центральной России. Сведения, направленные из Челябинского переселенческого пункта заведующим движением переселенцев из Европейской России в Орловскую губернскую земскую управу, дают представление о движении населения в Сибирь по соседним с Орловской губернией регионам.

Согласно статистическим данным наиболее вовлеченными в процесс переселения оказались Черниговская и в меньшей степени Орловская и Тамбовская губернии. Крестьянство неземледельческих губерний, представленных в таблице, было меньше заинтересовано в переселении, так как земледелие в этой местности в меньшей степени влияло на уровень жизни сельских жителей.

Основными районами вселения являлись Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская и Акмолинская губернии. Значительная часть крестьянского населения пыталась обосноваться в уже обжитых местах, имевших дороги и более-менее развитую инфраструктуру. У 80% направленных туда в предыду-

щие несколько лет были не устроены из-за проблем с припиской к старожильческим обществам [4, л.89].

Главная цель переселенческой политики состояла в снижении плотности сельских жителей в густонаселенных аграрных регионах страны (таблица 2).

Таблица 2. – Движение аграрных переселенцев Орловской губернии в 1900-1908 гг.

Год	Население губернии	Количество переселившихся	% переселившихся жителей губернии	Естественный прирост населения	% переселенцев от прироста населения
1900	1940648	3706	0,2%	37866	9,78%
1901	1977332	2115	0,1%	36684	5,76%
1902	2017339	1350	0,06%	40007	3,37%
1903	2067180	1487	0,06%	47117	3,13%
1904	—	—	—	—	—
1905	2072983	173	0,008%	27164	0,63%
1906	2170927	2200	0,1%	36554	6,01%
1907	2186334	16155	0,7%	46659	34,6%
1908	2236944	21021	0,9%	36292	57,9%

Исходя из полученных цифр можно сделать заключение, что процесс переселения до 1907 г. имел небольшой эффект сокращения плотности сельского населения в Орловской губернии и составлял десятые доли процента от общего количества жителей. С 1907 г. наметилось поступательное увеличение процента переселенцев, но они не перекрывали даже естественный прирост населения. Обратные переселенцы, не учтенные в приведенной статистике, составляли до 1/3 переселявшихся крестьян. Всего за период столыпинских преобразований из Орловской губернии было переселено около 130 тыс. крестьян, из которых только 2/3 закрепились на новых территориях, а остальные приезжали домой, пополняя ряды малоимущего населения, готового к социальному взрыву в любой момент [18, с. 24].

За весь пореформенный период (1861-1916 гг.) из 6 губерний Центрального Черноземья, в том числе Орловской, выбыло в процессе аграрной миграции около 2 млн. крестьян [11, с. 39]. В целом, аграрная миграция в Орловской губернии несомненно имела положительный, но к сожалению, временный эффект в снижении демографической нагрузки на природные ресурсы (в первую очередь пахотные угодья). Кардинального сокращения занятых в сельском хозяйстве так и не удалось достигнуть, что вело к дальнейшему обострению вопроса наделения крестьянства землей. Таким образом, столыпинская реформа смогла временно смягчить, но не решить полностью аграрный кризис в губерниях Центральной России.

Ликвидация поземельной общины и создание на ее месте эффективного хуторского и отрубного хозяйства должны были решить проблему улучшения сельскохозяйственного производства. С начала реформы до 1917 г. в Орловской губернии общину покинуло 119 тыс. или 34% крестьян. Большая часть из них

являлась малоземельной беднотой, укрепившей землю с целью продажи. Как правило, эта категория крестьянства участвовала в аграрном переселении и лишь незначительная часть уезжала в город. Но, как отмечалось выше, 1/3 переселенцев возвращалась обратно, не имея возможности возобновить на прежнем месте свое независимое хозяйство и пополняя ряды сельских батраков.

Увеличение товарности сельского хозяйства было одним из приоритетов местных властей, но для этого требовались кардинальные преобразования: агрономическая помощь крестьянству семенным материалом, удобрениями, орудиями труда и практическими советами по севообороту. Главным препятствием в этом была нехватка денежных средств для поддержки хуторских хозяйств. В качестве примера можно привести выдержки из копии совещания Ливенской уездной землеустроительной комиссии об агрономической помощи крестьянам Ливенского уезда (хуторским и отрубным хозяйствам). «...Переход от трехполья к более культурной системе хозяйствования хотя и желателен, но требует денежных затрат, крайне туго возвращаемых в сельские хозяйства, вследствие чего доступно лишь экономически сильным хозяйствам. Число таких хозяйств среди новоселов (хуторян) как раньше, так и в будущем будет невелико, так как земля дается только нуждающимся – т.е. малоземельным, а потому среди них нет зажиточных. Принимая в соображение эти неблагоприятные условия для усиления хозяйств, а также незначительность средств, имеющихся в Ливенской уездной землеустроительной комиссии выделить только средства на приобретение удобрений» [2, л. 2].

В документе речь идет о бывшем имении Великого князя Андрея Владимировича в с. Захаровка Ливенского уезда Орловской губернии, разбитом на хуторские хозяйства. Представители земства неоднократно вели беседы с местными крестьянами об улучшении землепользования, введения правильного севооборота и посева кормовых растений. Хуторяне охотно соглашались на преобразования, но просили государственной поддержки. В итоге весной 1908 г. было заложено несколько показательных участков с посевом вики с овсом, клевера, а осенью под рожь было внесено удобрение «Томас-Шлак». Если учитывать, что в самой Захаровке 500 хуторов и столько же в окрестностях, то найденных средств на 5 образцовых хуторов было явно недостаточно.

Хуторские и отрубные хозяйства имели несомненные преимущества перед общиной: могли вести правильный севооборот, улучшать плодородие почв, получать государственную поддержку и т.д. Но не стоит забывать и о минусах подобного ведения хозяйства: отсутствие взаимопомощи, непростые отношения с бывшими общинниками-односельчанами, уязвимость хозяйства в экстремальных условиях. Начавшаяся Первая мировая война забрала на фронт миллионы российских крестьян. Хуторские и отрубные хозяйства в первую очередь ощутили нехватку мужских рабочих рук. Если общинники, используя взаимопомощь, худо-бедно могли обрабатывать свои поля, то хутора начали приходить в упадок.

Первая мировая война, нарушив спокойное течение жизни в империи, вынудила царское правительство приостановить столыпинские преобразования, в первую очередь аграрное переселение в Сибирь. В Орловской губернии было отправлено на театр боевых действий более 260000 человек, подавляющее большинство которых были крестьянами. Согласно сельскохозяйственной пе-

реписи 1917 г. точная цифра равнялась 254 670 призванных из сельской местности ко второму полугодю 1917 г. Проблемы российского села так и не были решены, оставляя ситуацию очень взрывоопасной. Кроме горя и разорений война принесла в российскую действительность много изменений. В первую очередь она сделала бывших крестьян настоящими солдатами, прошедшими горнило боевых действий. Большинство из них разочаровалась в самодержавном строе, хотело перемен. Плачевное состояние экономики, политическая дестабилизация не шла на пользу катящейся в очередную революцию стране. Но главным отличием от революции 1905-07 гг. было то, что теперь отстаивать свои интересы поднимались не землепашцы, оторванные от сохи, а крестьяне-солдаты, умевшие воевать и частично имевшие на руках оружие.

Список источников и литературы

1. Акользина М.К., Канищев В.В. Изменения демографической нагрузки сельского населения Тамбовского региона на природные ресурсы в первой трети XX в. (локальный и микро уровни) // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке: сб. науч. ст. / Отв. ред. В.Б. Жиромская, В.В. Канищев. – М. - Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2010. – С. 48-70.
2. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф.34. Оп.1. Д.43.
3. ГАОО. Ф. 525. Оп.1. Д.143.
4. ГАОО. Ф. 525. Оп.1. Д.675.
5. Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). – М.: Издательский центр РГГУ, 2003. – 568 с.
6. Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902-1922 гг. // Крестьяне и власть: Материалы конференции. – М. - Тамбов, 1996. – С. 4-23.
7. Дьячков В.Л. Деревня, город, государство и российские революции // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в. Сб. науч. статей. – Тамбов, 2001. – С. 93-114.
8. Жирова М.С. Отражение крестьянских волнений 1905 г. в документах политической полиции (Елецкий уезд Орловской губернии) // Filo Ariadne. – 2016. – № 4; [Электронный ресурс] URL: filoariadne.esrae.ru/6-100 (дата обращения: 15.09.2017).
9. Карпачев М.Д. О социальных истоках русских революций начала XX в. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, Политология. Социология. – 2015. – № 3. – С. 21-28.
10. Крестьянское движение в России в 1901-1904 гг. Сборник документов. – М.: Наука, 1998. – 368 с.
11. Курцев А.Н. Миграции крестьян и царская политика в 1861-1916 гг. (по материалам Центрально-Черноземного региона) // Крестьяне и власть. – М. - Тамбов, 1995. – С. 39.
12. Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века. – М.: Новый хронограф, 2010. – 911 с.

13. Музалев И.Н. Дмитровск. – 2-е изд., исправл. и доп. – Тула, 1987. – 119 с.
14. Нефедов С.А. Об экономических предпосылках русской революции // *Общественные науки и современность*. – 2005. – № 3. – С. 83-96.
15. Обзор Орловской губернии за 1900 год. Издание Орловского Губернского Статистического Комитета. – Орел: Типография Губернского Правления, 1901. – 199 с.
16. Обзор Орловской губернии за 1914 год. Издание Орловского Губернского Статистического Комитета. – Орел: Типография Губернского Правления, 1915. – 212 с.
17. Орловская область. Историко-экономический очерк. Издание 2-е, испр. и доп. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1977.
18. Орловский край в XX столетии: информационно-статистическое издание / Орловский областной комитет государственной статистики. – Орел, 2001. – 422 с.
19. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. – М.: ООО Издательство «Стрелец», 2001. – 400 с.
20. Отчет Орловского Губернского комитета общеземской организации по оказанию помощи населению Орловской губернии пострадавшему от неурожая 1906 г. – Орел, 1907. – 24 с.
21. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. XXIX. Орловская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб., 1904. – 261 с.
22. Перепелицын А.В. Крестьянское хозяйство центрально-черноземных губерний в пореформенный период. – Воронеж, 2005.
23. Статистика землевладения 1905 года: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. – СПб., 1907.
24. Щагин Э.М. Переселение крестьян и его правовое регулирование в годы столыпинской реформы // *Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты)*. – Калуга, 2003. – С. 162-174.

Карпачев Михаил Дмитриевич

доктор исторических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,

г. Воронеж,

e-mail: m-karpach@mail.ru

ФЕНОМЕН КРЕСТЬЯНСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА В РОССИИ (К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ИСТОКАХ РЕВОЛЮЦИИ)

Аннотация: Важнейшей особенностью консервативных течений общественно-политической мысли всегда являлась апелляция к народным устоям, традиционная прочность которых рассматривалась как залог успешного и органического развития государственной и общественной жизни. В этом отношении особой заботой идеологов и практиков консерватизма неизменно пользовалось

русское крестьянство. В построениях консерваторов оно рассматривалось как естественный носитель национальной самобытности и, в связи с этим, как главный оплот государственного строя. Столыпинская аграрная политика была направлена на повышение экономической эффективности сельского хозяйства, но одновременно вела к росту политической нестабильности в деревне.

Ключевые слова: российское крестьянство, консерватизм, община, столыпинское законодательство, аграрное хозяйство.

Важнейшей особенностью консервативных течений общественно-политической мысли всегда являлась апелляция к народным устоям, традиционная прочность которых рассматривалась как залог успешного и органического развития государственной и общественной жизни. В этом отношении особой заботой идеологов и практиков консерватизма неизменно пользовалось русское крестьянство. В построениях консерваторов оно рассматривалось как естественный носитель национальной самобытности и, в связи с этим, как главный оплот государственного строя.

Основания для таких построений были. Российское самодержавие на протяжении многих веков опиралось не только на узкий слой привилегированных классов, но в не меньшей степени на монархизм народа, в первую очередь, конечно, крестьянства. Крестьянский монархизм нередко именуют наивным. Однако таким он был только на первый взгляд. В действительности же наивного в нем было мало. За столетия своей нелегкой истории крестьянство прочно усвоило представление о неограниченном самодержавии как о наиболее оптимальной для России форме политического устройства. Понятия о долге перед родиной и о царской воле в массовом крестьянском сознании были неотделимы, что консерваторы вполне закономерно рассматривали как условие морально-политической устойчивости русского общества.

На устойчивость консервативных представлений во второй половине XIX в. свое влияние оказали некоторые условия крестьянского освобождения. Реформа 19 февраля 1861 г. оставила самое массовое сословие России в особом правовом пространстве. Крестьяне, объединенные в сельские общества, обособлялись от прочих социальных слоев. В общинах сохранялись сословные учреждения самоуправления, порядок совершения которого определялся традицией. В качестве основного юридического регулятора крестьянской жизни был сохранен волостной суд. Глава третья второго раздела «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» гласила, что в пределах волости крестьяне должны были из своей среды ежегодно избирать суд в количестве от четырех до двенадцати судей. Избранным в состав такого суда крестьянам необходимо было ведать «как споры и тяжбы между крестьянами, так и дела по маловажным их проступкам» [10, с. 57].

Стоит обратить внимание на то, что по внешним признакам волостной суд был самым демократическим учреждением. Самодержавное правительство демонстрировало доверие к здравому смыслу народа, полагая, что режим крестьянского самоуправления сможет стать достойной заменой исчезавшей крепостнической опеке дворянства. При этом инициаторы преобразований хорошо

понимали, что волостные суды не могли руководствоваться в своей деятельности нормами писаного закона. Для этого крестьянским судьям не хватало ни общей грамотности, ни традиций гражданского поведения. Расчет был, естественно, только на силу народных обычаев, на сложившиеся в крестьянском сословии нормы морали и стереотипы поведения.

Долгое время в консервативных кругах России держалось убеждение в том, что сохранение специфических форм крестьянского самоуправления надежно служит общественному спокойствию и безопасности государства. Известные основания для такой уверенности у коронной власти были. Устройство крестьянского мира на протяжении столетий было одной из самых надежных опор самодержавного строя. Всем своим строем крестьянская семья, а вместе с ней и община, воспроизводили на уровне народной жизни модель авторитарного государства с неограниченным правителем во главе. Естественная забота о стабильности государственного порядка побуждала верховную власть к сохранению сословной и правовой обособленности многомиллионного российского крестьянства и после отмены крепостного права.

Словом, стихийный консерватизм крестьянских установлений вполне соответствовал традиционализму самодержавного политического строя; ни тот, ни другой не были склонны к восприятию глубоких новаций. Отменив крепостничество, самодержавное государство искало залогов стабильности в народных обычаях и надеялось, что с потерей помещичьего административного контроля именно общинные порядки и обычное право не дадут освобожденному народу войти в состояние социальной неуправляемости. Как известно, о такой опасности неизменно предупреждали открытые противники крестьянской эмансипации. Надо учесть, к тому же, что положиться на традиционные крестьянские обычаи верховная власть должна была и по необходимости. Правительству просто нечем было заменить уходящую власть помещиков. Кроме того, надо учесть, что авторитарный режим в России довольно уверенно функционировал при торжестве коллективистского начала над индивидуальным. Словом, крестьянская община с ее обычным правом была для самодержавного государства жизненной необходимостью. И она до определенного времени оправдывала расчеты властей.

Однако к концу века ситуация стала быстро ухудшаться. Настойчивая поддержка общины с ее круговой порукой неожиданно для властей обернулась стремительным ростом социальной нестабильности в русской деревне. Крестьянская общинная солидарность все чаще стала проявляться в откровенно противоправных акциях: самовольных захватах частновладельческих земель, коллективных столкновениях с администрацией и помещиками, в грабежах дворянского имущества и т.п. Анализ происходивших перемен в социальном поведении общинников показывал, что сохранение патриархальных институтов народной жизни способствовали обострению крайне болезненной проблемы относительной избыточности аграрного населения. Внешним выражением этой проблемы стал популярный в революционных кругах вопрос о крестьянском малоземелье, единственным способом разрешения которого радикальная интеллигенция считала упразднение частной собственности на землю и ее уравни-

нительный передел. При быстром росте населения и естественном сокращении душевого надела общинное крестьянство неминуемо тяготело к конфискационным и уравнильным решениям, которые с точки зрения властей, никак не соответствовали понятиям о законности и хозяйственной целесообразности.

Большим достоинством общины в глазах консерваторов долгое время считалось ее противодействие развитию пролетариата в среде русского крестьянства. Действительно, общинные уравнильные переделы неизменно оставляли абсолютное большинство русских крестьян в положении собственников. Больше того, крестьянская надельная земля после реформ 1860-х гг. была фактически выведена из рыночного оборота и не могла быть продана представителям иных сословий. По этой причине общие размеры крестьянского общинного землевладения за пореформенные десятилетия заметно увеличились, хотя душевое земельное обеспечение сократилось из-за роста населения в среднем по стране почти в два раза (с 4,8 до 2,6 дес.). Однако защитники традиционных устоев старались не замечать, что уравнильные переделы и хозяйственная солидарность прекрасно уживались внутри общинного крестьянства с проявлениями крайнего индивидуализма. При переделах крестьяне чрезвычайно ревниво следили за тем, чтобы земельные участки разного качества и разной удаленности получала каждая «душа» поровну. Поэтому-то крестьянский надел состоял из многих (иногда до 30-40) полос. Такая чересполосица создавала крайние неудобства в работе (одни переезды чего стоили!), однако душу общинника согревала мысль о том, что страдает не он один, что так трудятся все его односельчане. «Тебе хорошо, а мне худо, так пускай же и тебе будет худо. Поровнять...» – так горестно оценивал рутину сельской жизни популярный в свое время герой очерков Г.И. Успенского хозяйственный мужик Иван Ермолаич [12, с. 62]. Добавим к этому, что при систематических переделах крестьяне не проявляли особого желания заботиться о качестве земли; хорошо удобренные и обработанные участки легко могли перейти к другим хозяевам. При страшной чересполосице вывоз навоза на поля нередко был просто убыточен, и крестьяне черноземных губерний порой просто вываливали его в овраги. Не случайно использование земельных угодий общинным крестьянством нередко характеризовалось специалистами как хищническое.

Столыпинское землеустройство всем своим содержанием было направлено на всемерную рационализацию аграрного строя и не могло не встретить упорного сопротивления основной массы общинного крестьянства. Причин негативного отношения большинства общинников к аграрным новациям было много. Но одна из важнейших состояла, безусловно, в том, что в крестьянском сознании общинные традиции связывались с относительной безопасностью деревенской жизни, со способностью народа противостоять суровым натискам природы или властей. Такое отношение, в свою очередь, свидетельствовало о том, что для большинства великорусских крестьян ценности экономической свободы и рыночного процветания были еще совсем не доступны. Традиционно низкий уровень потребностей русского крестьянина был отражением того непреложного факта, что материальная безопасность бытия ценилась народом куда больше, чем вероятность хозяйственного, и, тем более, производственного

успеха. Вот почему для многих крестьян было характерно враждебное отношение к попыткам разрушения общины, особенно в первые годы реализации столыпинского законодательства. Крестьяне многих селений отказывались дать согласие на выделение наделов тем односельчанам, которые отваживались принять новые условия хозяйствования, препятствовали работам землеустроительных комиссий, порой открыто и буйно сопротивлялись властям. Корреспонденции из Воронежской губернии сообщали, что крестьянам, выходявшим на отруба, общинники нередко били рамы, угрожали физической расправой, не пропускали скот через общие угодья и т.п. Тем же, кто все-таки настаивал на выделении, пытались отвести самые непригодные земли, рытвины, глину и т.п. [13, с. 106].

Агрессивное отношение общинников по отношению к односельчанам-«новаторам» совсем не означала, что большинству крестьян было вообще чуждо стремление к материальному успеху. Жить богаче и сытнее хотел, конечно, каждый. Но такое желание не должно было размывать традиционных устоев надельной уравнительности. Зато община легко допускала возможность повышения материального благосостояния вне производственной сферы. Вот почему община вполне мирно уживалась с кулаком, а кулак, в свою очередь охотно поддерживал общинные порядки. Кулачество, взращенное на почве элементарного ростовщичества, не подрывало общинного строя, и поэтому не отвергалось крестьянским сознанием. На это обстоятельство обратил внимание еще авторитетный знаток сельской жизни А.Н. Энгельгардт. «Известной дозой кулачества, - замечал он, - обладает каждый крестьянин, за исключением недоумков да особенно добродушных людей и вообще “карасей”. Каждый мужик в известной степени кулак, щука, которая на то и в море, чтобы карась не дремал». У крестьян, подчеркивал А.Н. Энгельгардт, «крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации. Зависть, недоверие друг к другу, подкапывание одного под другого, унижение слабого перед сильным, высокомерие сильного, поклонение богатству – все это сильно развито в крестьянской среде. Кулаческие идеалы царят в ней, каждый гордится быть щукой и стремится пожрать карася. Каждый крестьянин, если обстоятельства тому благоприятствуют, будет самым отличнейшим образом эксплуатировать другого, все равно, крестьянина или барина, будет выжимать из него сок, эксплуатировать его нужду» [14, с. 520]. Это вполне достоверное свидетельство писателя-народника лишний раз убеждало: общинный консерватизм отнюдь не мешал духу индивидуальной наживы, что неизбежно вело к деформации крестьянской морали.

Община была вполне совместима с резкими контрастами в имущественном положении крестьянства. Она была несовместима лишь таким хозяйственным успехом, который достигался на почве производства товарной продукции. Как подмечал тот же А.Н. Энгельгардт, непредприимчивое большинство крестьян не только не может быть хорошими хозяевами, но даже и работать хорошо не умеет. «Положительно можно сказать, что деревня и общинное владение землей спасают многих малоспособных к хозяйству от окончательного разорения» [14, с. 287]. Именно эта сторона общины была дорога и большинству вполне дееспособных крестьян. Община в их глазах была своего рода гарантом

житейской безопасности. Но она же становилась совершенно неприемлемой для предприимчивых людей пореформенной генерации. С негодованием отвергал косность консервативного большинства Тихон Ильич, преуспевающий персонаж повести И.А. Бунина «Деревня»: «Ты подумай только: пахут землю целую тысячу лет, да что я! больше! – а пахать путем то есть ни единая душа не умеет! Единственное свое дело не умеют делать! Не знают, когда в поле надо выезжать! Когда надо сеять, когда косить! “Как люди, так и мы”, - только и всего» [3, с. 205]. Разумеется, деятельный герой повести в запальчивости сгущал краски. Но в данном случае важны не его преувеличения. Приходится признать, что именно развитие предприимчивости в производственной сфере представляло для общины главную угрозу и побуждало ее к активному противодействию правительственным преобразованиям либерального характера.

Защитные действия общинников в годы столыпинских нововведений были подчас чрезвычайно энергичными. Неизбежные в ходе размежевания сельскохозяйственных угодий конфликты порой выливались в полные разгромы хозяйства «выделенцев» и даже в физические расправы с «новыми помещиками». Погромы такого рода свидетельствовали не столько о росте революционных настроений в деревне, сколько об активизации консервативных устремлений бунтовавших крестьян, об их стремлении вернуть «новаторов» в прежнюю общинную колею [6, с. 138]. Именно этот агрессивный традиционализм общинного крестьянства сыграл решающую роль в разгуле грандиозного «черного передела», прокатившегося по просторам России во время революционных потрясений 1917-1918 гг. [2, с. 110-115]. Крушение традиционной российской государственности практически немедленно привело к уничтожению всех столыпинских новаций. Большевистский «Декрет о земле» и диктатура комбедов только легализовали стихию общинного бунта.

Однако с обобщениями по поводу крестьянского традиционализма спешить не стоит. Российское крестьянство в начале XX столетия было представлено как консервативно настроенным общинным большинством, так и гораздо более предприимчивым меньшинством, определенно тяготившимся традиционными стеснениями и вполне готовое к поддержке правительственных начинаний, прежде всего курса на индивидуализацию земельной собственности. Вопреки распространенным представлениям, такое меньшинство было представлено не столько кулачеством, сколько представителями молодых и более динамичных поколений крестьян, чье мировоззрение довольно быстро менялось в эпоху пореформенного развития России. Если бы часть крестьян к началу XX в. не обнаруживала своего стремления избавиться от оков общинной регламентации, П.А. Столыпину вообще нельзя было бы ставить и решать проблему внутренней реорганизации крестьянской жизни на путях выхода отдельных домохозяев из общин и закрепления земельных наделов в частную собственность. Как полагает современный исследователь Б.Н. Миронов «около трети крестьян сделали шаг в сторону личной собственности еще до столыпинской реформы» [7, с. 480]. Региональные исследования полностью подтверждают этот вывод.

Таким образом, в начале XX столетия крестьянство вовсе не являлось однородным социальным бастионом консерватизма. Значительные слои крестьянства сразу же и охотно поддерживали правительственный курс на устройство рациональных хозяйств хуторского или отрубного типа. Даже в относительно менее развитой Воронежской губернии из почти 400 тыс. крестьянских дворов более 135 тыс. изъявили желание перейти к подворному землевладению. При этом, для заявления о выходе из общины от домохозяев нередко требовалось большое мужество: противодействие общинного большинства поначалу ощущалось очень заметно, а жить приходилось в одном селении.

Количество крестьянских хозяйств, проявлявших склонность к отходу от привычного традиционализма, неуклонно возрастало. Конечно, рост числа крестьян-новаторов прямо зависел от экономических успехов нового аграрного курса. Среднегодовые объемы сельскохозяйственного производства за годы преобразований выросли примерно на 25-30%. Общий объем производства хлебов достиг в 1913 г. 5,6 млрд. пудов, причем сельскохозяйственные продукты являлись главным предметом российского экспорта [9, с. 58-59]. По оценкам наблюдателей, крестьяне-новаторы стали проявлять гораздо более устойчивый интерес к новой технике, к общим и агрономическим знаниям. Пробуждавшуюся в крестьянской среде тягу к сельскохозяйственным знаниям отмечали и земские агрономы, хорошо осведомленные о протекавших в русской деревне процессах. Нередки даже случаи, писал один из них, «когда поступающие в деревню книги читаются целыми группами и кружками земледельцев, объединившихся вокруг хорошо грамотного и любознательного чтеца» [15]. Ярче всего преимущества частного крестьянского хозяйства выявлялись на сельскохозяйственных выставках, проводившихся в ту пору довольно часто. Например, на выставке в Бобровском уезде в 1912 г. крестьяне-отрубники демонстрировали рожь, давшую на их наделах от 110 до 160 пудов с десятины, что по меньшей мере вдвое превышало урожаи на общинных полях. Зная картину всходов у большинства крестьян, отмечал обозреватель, «стоишь перед этим ящиком (со всходами – М.К.) и удивляешься. Больно становится за крестьян, которые никак не могут расстаться с тяжелым наследием отцов, терпя от этого голод и холод» [16]. Первые успехи реформ заставляли сознательную часть крестьян встряхнуться и с большим вниманием отнестись к изменению привычного жизненного уклада. По оценкам наблюдателей, крестьяне стали проявлять гораздо более устойчивый интерес к новой технике, к общим и агрономическим знаниям. Все свидетельствует о том, писал, например, участковый агроном Землянского уезда В. Семенцов, «что вопросы разумного хозяйствования не в далеком будущем привлекут большой контингент хозяев» [11].

Своеобразным испытанием крестьянской способности воспринимать непривычные новшества стало введение правительством «сухого закона» в самом начале первой мировой войны. Как ни удивительно теперь отмечать, запрет на производство и продажу спиртных напитков совсем не вызвал массового недовольства крестьян. При этом в деревне запрет действовал гораздо эффективнее, чем в городе. Если городским властям пришлось практически сразу же столкнуться с проблемой распространения всевозможных суррогатов, то сельская

администрация могла быть спокойна. По заключениям многих наблюдателей, в 1914-1915 гг. произошло массовое отрезвление деревни. И в данной ситуации надежды властей больше всего оправдывали сторонники проведения нового аграрного курса. Исследователи русской крестьянской жизни давно подметили, что сохранение общинных порядков способствовало сильному распространению пьянства. Писатель-демократ Н.М. Астырев в своих очерках с горечью отмечал все возрастающую склонность односельчан к винным угощениям. Сельский сход легко мог принять любое, подчас даже явно невыгодное для себя решение, если за этим маячила перспектива хорошей выпивки. «Я решительно не могу себе представить..., до чего еще может дойти в дальнейшем склонность к водке сельских сходов. Кажется, дальше идти некуда, ибо и теперь уже делаются невероятные вещи» [1, с. 244].

Напротив, крестьяне, покинувшие общину, нередко демонстрировали желание избавиться от пагубной привычки «обмывать» любое событие. Так, в апреле 1914 г. крестьяне-собственники села Чернава Елецкого уезда на своем сходе заявили, что бедность происходит «исключительно от злоупотребления спиртными напитками» и что дальнейшее существования этого зла грозит полной гибелью «нашего имущественного благосостояния и нравственности». Поэтому вышедшие из общины крестьяне «единогласно решили прекратить указанное зло в самом его корне, а именно: совершенно прекратить как продажу, так и употребление спиртных напитков» [8, с. 25]. Об отрезвлении деревни в первые месяцы войны писали многие публицисты. В печати отмечалось даже, что сокращение пьянства привело к росту цен на сельскохозяйственные продукты, так как крестьяне стали расчетливее относиться к их продаже. Сильное влияние на повышение цен, сообщал воронежский полицмейстер, имело «закрытие винных лавок: крестьяне, вследствие прекращения пьянства, не стали, без особой нужды, вывозить на рынок хлеб по дешевым ценам» [5, л. 24]. Кстати сказать, самогонварения деревня в первые годы войны еще не знала.

Таким образом, по ходу реформ в среде реформ столкнулись два принципиально разных подхода, которые, условно говоря, можно назвать консервативным и новаторским. Первый из них был характерен для общинников и кулаков, второй – для крестьян, решивших воспользоваться новым законодательством. Со вторым были связаны зримые перемены к лучшему. «Русская деревня последнего десятилетия, - писал современник, - усиленно менялась. На какую бы сторону ее жизни мы ни взглянули – везде шла стройка, стучали топоры, звучали новые речи, и всюду из-под обомшелых камней старины пробивалась молодая сильная поросль» [4, с. 64]. Однако экономические и социальные перемены давались буквально с боем. На всех новшествах, отмечал очевидец, «лежат следы большой борьбы, долгих усилий, нередко большого взаимного озлобления. “Чтобы передохли все эти старые хрычи”, - вырывается у одной стороны. “Подождем еще. Умнее отцов захотели быть... молокососы!” - гневно отвечали вторые, и они протестовали, боролись, мешали» – так характеризовал обстановку в деревне обозреватель С. Маслов [4, с. 64].

Потеря привычного образа жизни с неизбежностью повышала социально-политическую напряженность в сельском населении России. Страна в очеред-

ной раз встала перед историческим выбором. Но на перепутье русское крестьянство находилось недолго. Мировая война и разразившаяся на ее исходе революция нанесли сокрушительный удар по росткам рационализации и повернули русскую деревню на привычную тропу черного передела.

Список источников и литературы

1. Астырев Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. – М., 1886.
2. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997.
3. Бунин И.А. Собр. соч. – М., 1988. – Т. 2.
4. Вестник кооперации. – 1916. – № 5.
5. ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. 21. Оп. 1. Д. 2237.
6. Карпачев М.Д. Волнение крестьян-общинников в Козловке в августе 1914 г. // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 2000.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России. – СПб. – Т. 1.
8. Наше хозяйство. – 1914. – № 9.
9. Россия, 1913. – СПб., 1991.
10. Российское законодательство X-XX веков. – М., 1989. – Т. 7.
11. Семенцов В. Внешкольное образование в современной деревне Воронежской губернии // Наше хозяйство. – 1914. – № 9.
12. Успенский Г.И. Крестьянин и крестьянский труд // Полн. собр. соч. – М., 1950. – Т. 7.
13. Чернышов И.В. Община после 9 ноября 1906 г. – Пг., 1917. – Ч. 1.
14. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. – М., 1987.
15. Южнорусская сельскохозяйственная газета. – 1912, 5 октября.
16. Южнорусская сельскохозяйственная газета. – 1912, 3 мая.

Клевцова Оксана Владимировна

кандидат исторических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина»

Россия, г. Елец

e-mail: ksenijmel@mail.ru

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация: в данной статье рассматривается вопрос реформирования системы образования после Октябрьской революции. Автором проведен анализ законодательной базы в области становления новой школьной системы, проанализированная работа Народного комиссариата по просвещению, изучена позиция населения к реформе образования.

Ключевые слова: реформирование системы образования; советская власть; единая трудовая школа; педагогические кадры.

В Российской Федерации на современном этапе идет бурный процесс реформирования учреждений и всех направлений жизнедеятельности общества. На протяжении XX в. неоднократно происходили изменения в системе школьного образования. Такая тенденция была связана как с политико-административным переустройством страны, так и экономикой. Постоянный поиск новых форм приводил к изучению имеющегося исторического опыта в данном вопросе. Особый интерес вызывают события Октябрьской революции 1917 г.

Политика большевиков привела к глобальной перестройке всей ранее существовавшей школьной системы. Новое правительство выдвинуло перед образованием цель - «добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путём организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения» [12, с. 75]. Уже 9 ноября 1917 г. создается Государственная комиссия по просвещению. Ей поручалась разработка новой системы народного образования. Следующим шагом на пути реформ системы стала ликвидация Министерства просвещения и формирование более демократической структуры – Народного комиссариата по просвещению. Начальником комиссариата стал Анатолий Васильевич Луначарский. В своей первой речи он обратился к народу с призывом распространить всеобщее обязательное начальное обучение, сделать школу общедоступной, сформировать достойный бюджет на нужды школ. Помимо этого, планировалось вовлекать педагогические коллективы к обсуждению и поиску решения проведения грамотной реформы.

К управлению школы был подключен Совет Народного Образования, школьные советы. Разросшийся управленческий аппарат на первоначальном этапе формирования советской власти, постепенно сокращался и становился более эффективным.

Народный комиссариат по просвещению РСФСР 30 ноября 1917 г. постановил провести реформу средней школы. Новые требования должны были соблюдаться до издания правительственного декрета о передаче школ в ведение городских и сельских общественных организаций. По новому постановлению решение всех школьных вопросов должно быть коллегиальным на педагогическом, хозяйственном или родительском комитетах. Этот же документ наделил правом получать образование лицам обоего пола.

Согласно постановлению Комиссариата по народному просвещению от 11 декабря 1917 г. в ведение нового органа передавались: «все церковно-приходские (начальные одноклассные, двухклассные) школы, учительские семинарии, духовные училища семинарии, женские епархиальные училища, миссионерские школы, академии все другие носящие различные названия низшие средние и высшие школы и учреждения духовного ведомства, со штатами, ассигновками, движимым и недвижимым имуществом, т.е. со зданиями, надворными постройками с земельными участками под зданиями и необходимыми для школы землями, с усадьбами (если такие окажутся), с библиотеками и всякого

рода пособиями, ценностями, капиталами и ценными бумагами и процентами с них и со всем тем, что предназначалось для выше означенных школ и учреждений» [15].

Благодаря данному документу в ведение Народного комиссариата по просвещению оказалось около 40 тыс. церковно-приходских школ, 185 духовных училищ, 85 епархиальных женских училищ, 56 духовных семинарий, 4 духовные академии [18, с. 106].

Народный комиссариат по просвещению РСФСР 21 января 1918 г. принял постановление «Об упразднении попечителей учебных округов и их помощников, главных и окружных инспекторов, состоящих при них секретарей и помощников секретарей, а равно попечительских советов и канцелярий при учебных округах». Благодаря данному документу в системе образования ликвидируется должность попечителя и его помощников, а также упраздняется окружное деление регионов страны.

СНК РСФСР 23 января 1918 г. принимает декрет «об отделении церкви от государства и школы от церкви». Пункт 9 данного документа гласит: «Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом» [9].

Таким образом, из системы образования благодаря принятию данных постановлений из системы образования и школьных курсов изымается любой намек на церковь, религию, Бога. Так начался процесс демократизации системы образования.

Советское правительство стремилось предоставить равные возможности при получении образования мужскому и женскому полу. Чтобы в кратчайшие сроки справиться с поставленной задачей, было решено принимать на вакантные места в первые четыре класса мужских учебных заведений девочек, а в женские – мальчиков. Стремилась уравновесить количество обучающихся обоего пола в каждом отдельно взятой школе. В старшие классы ограничений в приеме не существовало.

Помимо этого, правительство с мая 1918 г. отменяет бальную оценку знаний учеников. Перевод из класса в класс стал осуществляться путем собеседования. По его результатам комиссия судила о качестве полученных знаний и осуществляла перевод на следующую ступень или выдала аттестат об окончании учебного заведения.

В июне 1918 г. В.И. Ленин подписал положение «Об организации дела народного образования в Российской Социалистической Советской Республике». Согласно этому документу народного комиссара выбирал ЦИК совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Члены этой комиссии созывали Всероссийский съезд по просвещению. На нем обсуждались основные достижения и решались проблемы народного образования. В регионах открывались отделы народного образования при исполнительных комитетах областных, губернских, уездных и волостных Совдепов. Им надлежало организовывать контроль над культурно-образовательными учреждениями, решать финансовые вопросы, вести учет детей школьного возраста.

На территории волости работали волостные советы. В их состав входило по три человека, из числа представителей исполнительного комитета волостного Совдепа. Волостные советы собирались не реже одного раза в месяц.

В уездах организовывали уездные отделы, состоящие из пяти делегатов избираемых исполнительным комитетом уездного Совдепа. В их обязанности входило руководство школьным делом в масштабах всего уезда.

Уездный отдел распределял книги по библиотекам и школам, проверял и утверждал сметы расходов. Данный отдел подразделялся на дошкольный, школьный и внешкольные подотделы.

Губернский отдел состоял из семи человек, избранных исполнительным комитетом губернского Совдепа. Его обязанности дополнялись работой по организации научных, учебных и просветительских учреждений в губернии. Они готовили годовые сметы расходов и подавали их в областной отдел.

Областной отдел народного образования. Он включал в себя не менее семи человек от членов съезда Совдепа области разрабатывал и утверждал планы областных мероприятий, готовил годовые отчеты и сметы. [14, с. 16].

Для привлечения большего числа желающих учиться и облегчения изучения алфавита 10 октября 1918 г. СНК РСФСР опубликовал декрет «О введении новой орфографии». Из перечня букв изымались буквы ять, фита и десятиричное. Вместо них соответственно вводились «Е», «Ф», «И». Также исключался твердый знак на конце слова сохранялся только как разделительный знак. Появлялись некоторые изменения в написании падежных форм. Правительство отказалось от переучивания уже грамотного населения и планировала вводит новшества лишь постепенно, в процессе обучения подрастающего поколения. Правительство пыталось упростить процесс обучение грамоте еще в декабре 1917 г. Правительство стремилось проводить реформу постепенно и не призвала к насильственному переучиванию уже освоивших грамоту по старой системе.

Правительство усовершенствовало систему оплаты труда сотрудников образования. В соответствии с декретом «Об оплате труда служащих и рабочих советских учреждений» от 27 июня 1918 г. все учреждения ориентировались на предложенные, в данном документе, тарифы оплаты труда. Советские граждане делились на 4 группы по уровню доходов.

Интересен тот факт, что советские учителя делились на вторую и третью категорию. Ко второй категории относились: «преподаватели средних учебных заведений, общеобразовательных и профессиональных, воспитательский персонал тех же заведений, учителя учительских семинарий и учительских институтов, учителя высших начальных училищ и аналогичные должности по ведомству Народного Просвещения». Их зарплата не превышала 600 руб.

К третьей категории относились: «учителя нисших начальных училищ, нисших ремесленных школ и заведывающие учреждениями дошкольного воспитания (детские сады и т.д.)» и получали не более 500 руб. [10].

«Положение о единой трудовой школы» от 1918 г. вводит общее название для всех учреждений страны – Единая трудовая школа. Она была девятилетней и включает в себе I и II ступень. Дети в возрасте от 8 до 13 лет посещали I ступень.

пень, а дети от 13 до 17 лет – II ступень. Если в школе было меньше мест, чем претендентов на обучение, то предпочтение, в первую очередь, делалось детям из рабоче-крестьянской среды.

Одновременно публикацией «Положения о единой трудовой школе РСФСР» в свет выходят «Основные принципы трудовой школы». Их разработкой занималась Государственная комиссия по просвещению. В данном документе затрагивались основные проблемы учебных заведений дореволюционной России. «В прежней школе низы её страдали крайней запущенностью, ... на верхних ступенях школа была не просто школой высших классов, как в Англии, например, она была ещё и школой – муштрой для дрессировки не менее верно-подданных надсмотрщиков за простонародными рабами» [12, с. 81].

Так как молодое государство испытывало колоссальный дефицит в квалифицированных специалистах, правительство разрешило допускать с 14-летнего возраста деление учеников «на несколько путей или группировок». В таких группах наряду с преподаванием основного курса разрешалось углубленное изучение отдельных предметов» [12, с. 81].

Образование было бесплатным и обязательным для всех детей, достигших школьного возраста. С целью ликвидации дефицита помещений в декрете предусматривалось немедленная разработка планов школьной сети, подготовка сметы на строительство недостающих зданий и оснащение их необходимым инвентарем.

Правительство ликвидировало какое-либо деление учителей на категории. Происходила уравниловка сотрудников по оплате труда. Вводилось помесечная оплата труда вместо поурочной. Сотрудников на работу назначал Народный Комиссариат Просвещения. Определялось максимальное количество детей на одного учителя. Оно не должно было превышать 25 человек. Школы теперь укомплектовывались сотрудниками исходя из количества детей.

Ранее существующая должность инспектора училищ ликвидировалась. Его место занял инструктор. В его обязанности вменялось «периодическое посещение школ для поддержки живой связи их с соответствующими Отделами Народного Образования» [16, с. 1026-1030].

В основу обучения подрастающего поколения был положен трудовой принцип. Именно трудовое начало станет мощным педагогическим средством. С помощью труда будут воспитывать ребенка достойным гражданином своего Отечества. Для организации полноценного трудового воспитания при каждой школе предусматривался «земельный участок не менее одной десятины в сельской местности, а в городах – по мере возможности, но не менее 500 кв. сажен» [16, с. 1030].

Новая школьная система не исключала принцип физического воспитания. Занятия планировалось проводить в классах и на свежем воздухе. В основу новой школы были положены принципы: полное отсутствие платы за обучение на всех ступенях, создание однотипного учебного заведения, охватывающего весь период обучения от детского сада до университета. И, наконец, наличие дифференцированного образования по «многообразию разного рода инициатив и творческих исканий», наличие индивидуального подхода к каждому ребенку.

Особое внимание наравне с трудовым и физическим воспитанием следовало уделять внимание эстетическому составляющему. Наиболее эффективными средствами считалось приобщение детей к занятиям различными видами искусства. Именно через обучение искусству планировалось сформировать «пролетарскую культуру». Искусство, по сути – «наука жизни в образах», способная «организовать не только представления людей, их знания, мысли, но также чувства, настроения» [1, с. 248].

Именно поэтому советская власть всегда уделяла особое внимание духовной сфере, стремилась контролировать процессы, происходящие в этом направлении и жестоко реагировать на любые отклонения от идеологической цели. Школы была открыта в течение семи дней. Два дня использовались, для чтения, экскурсий или дополнительной работе с учителями. Учителю полагался лишь один свободный день в неделю. Обучение проходило по группам, которые формировались по степени подготовленности учеников. С целью привлечения детей в школы планировалось раздавать горячие завтраки. Каждый ребенок проходил медицинский осмотр при поступлении в школу.

С целью реорганизации дореволюционной система планировалось трехклассные и четырех классные начальные училища перевести в статус пятилетней школы I ступени. Мужские гимназии делили следующим образом. Первые три класса становились школами I ступени, а 4-7 классы образовывали школу II ступени. В данный тип школ преобразовывались высшие начальные училища, для скорого перехода от них отсекался первый год обучения и добавлялась старшая группа, которая окончила данные учебные заведения в 1916-1917 уч. гг.

На V Всероссийском съезде Советов 4 июля 1918 г. была принята Конституция РСФСР. В окончательной редакции основного законопроекта молодого государства статья 13 гласила: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [18, с. 107].

Советское руководство на VIII съезде РКП (б) в 1919 г. озвучила перед партией и народом основную задачу – внедрить в кратчайший срок новую систему народного образования и превратить школу в орудие коммунистической партии.

Одновременно с принятием «Положения о единой трудовой школе» правительство утвердило «Основные принципы трудовой школы». Данный документ был подготовлен Государственной комиссии по просвещению. В документе были определены основные минусы дореволюционной системы образования: «в прежней школе низы её страдали крайней запущенностью, ... на верхних ступенях школа была не просто школой высших классов, как в Англии, например, она была ещё и школой – муштрой для дрессировки не менее верно-подданных надсмотрщиков за простонародными рабами» [14, с. 138].

После проведения ряда реформ школа должна стать бесплатной, общедоступной, обязательной для всех, основанной на трудовом воспитании и единстве методик преподавания, учебных планов и книг. Единая трудовая школа должна была обеспечить детей политехническими знаниями и практическими

умениями. Правительству не удалось в кратчайший срок перевести все школы в статус единой трудовой. Данный процесс затянулся до 1921 г.

Первый учебный план для единой трудовой школы был подготовлен в 1920 г. Он носил еще только рекомендательный характер. В соответствии с ним обучение должно вестись в течение 5 дней, а на 6 день проводилась клубная работа. На I ступени преподавали: литературу и родной язык, математику, биологию, общественно-политические науки, пение, рисование, физическую подготовку. В первом классе нагрузка составляла 15 часов в неделю, во втором – 19 часов, в третьем – 21, в четвертом – 22, а в пятом – 25 уроков.

На II ступени планировалось ввести дополнительные предметы: химию, физику, географию, иностранные языки, астрономию, методологию. Количество уроков для 6-7 классов составляло 30 часов в неделю, а для 8-9 классов – 32 часа [14, с. 516].

На I Всероссийском партийном совещании по народному образованию, которое состоялось 31 декабря 1920 – 4 января 1921 гг., было принято решение заменить обязательное девятилетнее обучение с двумя ступенями на семилетнюю школу. В нее входило два блока: первый – четырехлетний и второй – трехлетний. При этом сохранялись школы II ступени с пятилетним сроком обучения, с подразделением на два блока: первый – 3 года, второй – 2 года.

Школьная система 1922 г. была более гибкой нежели школа 1918 г. Теперь она представляла собой четырехлетнюю начальную, семилетнюю основную и старшую. Таким образом срок обучения составлял 9-10 лет. Особенностью новой системы стало то, что каждая последующая ступень позволяла не только подниматься вверх по общеобразовательной школе, но и одновременно давала возможность перейти в профессионально-техническое обучение. К ним относились техникумы различной направленности.

Школы I ступени являлись базой для школ низшего профессионального образования (различных профшкол, учебно-производственных мастерских и т.д.). Постепенно на их основе сформировалась школа крестьянской молодежи и школы рабочих подростков. Здесь обучали три года [2, с. 113].

Школы рабочей молодёжи в связи с потребностями предприятий могли делиться: на школы фабрично-заводского ученичества и на школы при производстве в отраслях промышленности. «Положение о школах рабочих подростков» от 7 апреля 1925 г. определило цель – подготовка квалифицированных рабочих для работы на промышленных предприятиях. Обучение велось 3-4 года на основе учебного плана, подготовленного Главпрофобром, профсоюзами и хозорганами. Продолжительность обучения регулировалось в соответствии с Кодексом законов о труде. В возрасте от 14 до 16 лет поступали учиться на первое отделение. Учащимся полагалось трудиться не более 4 часов ежедневно. На 3 и 4 году обучения трудились около 6 часов. При этом часы обучения оплачивались как рабочие в соответствии с установленными нормами трудового кодекса.

Для поступления в школы не требовались сложные производственные навыки. Содержание возлагалось на сами предприятия, при которых они открывались. Так же финансирование осуществлялось исполкомами из губернских и уездных бюджетов [12, с. 90].

Итогом работы по привлечению населения к обучению стало наличие в 1922 г. 740 школ для взрослых с 38,3 тыс. учащихся [12, с. 89].

Таким образом, в ходе реформирования в первые десятилетия советской власти в стране была сформирована начальная школа I ступени с четырехлетним сроком обучения, семилетняя школа (ее аналог фабрично-заводские семилетки), для сельской молодежи как продолжение семилетки школа крестьянской молодежи, школа II ступени (десятилетняя средняя школа) с профессиональным уклоном и рабфаки дающие право рабоче-крестьянской молодежи поступать в высшие учебные заведения.

В рассматриваемый период правительство увеличивало финансирование образовательной системы. Эти меры способствовали открытию новых учебных заведений. Если в 1915 г. работали 105.524 школы (с 7.896.249 учащимися), то к 1921 г. число их увеличилось до 118.398 (с 9.780.699 учащимися) [13, с. 25]. И хотя правительству не удалось охватить все население обучением, число грамотных резко увеличилось с 33% в 1916 г. до 62,6% в 1930 г. [2, с. 114].

К вопросу реформирования системы образования советская власть обращалась часто. Прямым доказательством служит тот факт, что в период с декабря 1917 г. по март 1919 г. правительством В.И. Ленина было подписано 41 декрет, а с января 1920 г. по февраль 1921 г. – 64 декрета касающихся различных вопросов в области народного просвещения [11].

В ходе многократных реформ школьная система потеряла первоначальное единство и стала включать в себя не только школы I и II ступени, но и школы крестьянской молодежи, семилетки, девятилетки, классы с профессиональным уклоном, фабрично-заводские училища, техникумы. В процесс обучения вовлекалось все большее количество граждан, и тем самым рос уровень грамотности советского населения.

Список источников и литературы

1. Андрианова Н.Ю. Роль Наркомпроса как идеологического центра в Советской России (1917-1920 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Истори. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2014. – № 7(129). – С. 245-255.

2. Артаунов Н.Б. Развитие системы советского среднего образования в 1920-1930 гг. // Вестник НГУ. Серия: Педагогика. – 2010. – Т. 11. – Вып. 1. – С. 111-118.

3. Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф.Р.-147. Оп.1, Д.18.

4. ГАЛО. Ф. Р-688. Оп. 1. Д. 3.

5. ГАЛО. Ф. Р-688. Оп. 1. Д. 4.

6. ГАЛО. Ф. Р.- 688, Оп.1, Д.36.

7. ГАЛО. Ф. Р-688. Оп. 1. Д. 43.

8. ГАЛО. Ф. Р-1533. Оп. 1. Д. 1..

9. Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Библиотека нормативно-правовых актов СССР. [Электронный ресурс] URL: www.libussr.ru (дата обращения: 18.04.17)

10. Декрет от 27.07.1918 г. «Об оплате труда служащих и рабочих советских учреждений». Библиотека нормативно-правовых актов СССР. [Электронный ресурс] URL: www.libussr.ru (дата обращения: 18.04.17)
11. Ленинские декреты и создание органов руководства высшей школой. [Электронный ресурс] URL: <http://www.jourclub.ru>. (дата обращения: 24.05.17)
12. Малышева О.В. Начальное образование русской провинции (1860 – 1920-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2009. – 178 с.
13. Малышева О.В. Финансирование учебных заведений в 1920-е гг. // Исторические исследования. – 2014. – С. 24-29.
14. Народное образование СССР. Общеобразовательная школа: Сб. документов. 1917-1973 гг. / Сост.: А.А. Абакумов [и др.]. – М.: Педагогика, 1974. – 558 с. Постановление от 11.12.1917 г. «О передачи дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение комиссариата по народному просвещению». Библиотека нормативно-правовых актов СССР. [Электронный ресурс] URL: www.libussr.ru (дата обращения: 18.04.17)
15. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1942. [Электронный ресурс] URL: <http://istmat.info/node/31601> (дата обращения: 18.03.16)
16. Становление культурно-образовательной среды Липецкой области (Елецкий край). – Посвящается 50-летию образования Липецкой области и 65-летию образования Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. – Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2004. – 203 с.
17. Федирко О.П. Формирование концепции светской школы и просвещения в условиях становления советской власти // Вестник академии. – 2010. – № 2. – С. 105-109.

Кондратенко Алексей Иванович

кандидат политических наук,
доцент кафедры журналистики и связей с общественностью
ФГБОУ ВО Орловского государственного университета
имени И.С. Тургенева, г. Орел,
e-mail: istorik57@yandex.ru

СУДЬБА РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА: ЮРИСТ И ПУБЛИЦИСТ НИКОЛАЙ КАРИНСКИЙ И СОБЫТИЯ XX ВЕКА

Аннотация: Статья посвящена жизни и деятельности юриста и публициста Николая Сергеевича Каринского (1873-1948). Пережив в молодые годы увлечение революционными социал-демократическими идеями, он стал известным адвокатом и деятелем печати. После февральской революции 1917 года – комиссар градоначальства в Москве, прокурор Петрограда, руководитель следственной комиссии по обвинению большевиков в измене и организации шпионажа в пользу Германии. Занимал ключевые посты в Южнорусском правительстве при генерале А.И. Деникине. В эмиграции – руководитель обществ русских юристов в Турции и США, редактор газет.

Ключевые слова: Н.С. Каринский; социал-демократия; адвокат; следственная комиссия; эмиграция; журналистика.

Будущий адвокат, редактор, прокурор, губернатор и председатель самых разных обществ и комитетов Николай Сергеевич Каринский родился в Москве 31 октября 1873 года в семье чиновника, надворного советника Сергея Ивановича Каринского. Мать – Вера Семёновна Каринская (урождённая Грузова) была дочерью священника церкви Казанской Божией Матери в московском Сущёве.

В тот год в Российской империи родились Пришвин, Рахманинов, Шаляпин, будущий гетман Украины Павел Скоропадский и глава Петроградской ЧК Моисей Урицкий. Какая странная судьба: детям 1870-х годов предстояло идти по жизни самыми разными дорогами, сражаться по обе стороны баррикад, а кому-то терять навсегда родину...

Николай Каринский с десяти лет учился в кадетском корпусе, во 2-й московской гимназии, затем на юридическом факультете Московского университета. Будучи студентом, работал в статистическом отделении городской управы в Москве, служил во Владимирской губернской земской управе помощником заведующего отделом статистики. Там же, во Владимире, с сентября 1898 года был помощником присяжного поверенного (т.е. адвоката).

Его наставниками в те годы были такие незаурядные люди, как Василий Григорьев (фактический редактор московских «Известий Городской Думы», составитель «Статистического атласа Москвы» и редактор изданного в 1897 году «Сборника очерков по г. Москве»), Виктор Гольцев (либеральный доцент университета, публицист, редактор нескольких журналов). Не менее значимой фигурой был Пётр Неволин – революционный деятель, узник Петропавловской крепости, после освобождения занявшийся статистикой во Владимире, публиковавший свои статьи в сборниках казанского, нижегородского и владимирского земств, в «Русских ведомостях» и провинциальной периодике, в словаре Брокгауза и Ефрона.

Казалось бы, Николаю Каринскому предстояло пойти по их стопам – стать либеральным публицистом, социологом или редактором. Однако его влекла адвокатская деятельность. Да и обстоятельства уже обязывали к поиску солидной профессии, обеспечивающей положение в обществе и достаток, – за три года в молодой семье Каринских появились два сына и дочь. Летом 1900 года семейство перебирается в Курск, а вскоре – в Орёл, где Николай Сергеевич занимается адвокатской практикой и работает в статистическом отделении губернской земской управы.

Родной город Тургенева вчерашнему столичному жителю показался не исправимо провинциальным, но всё же по-своему милым и уютным. Здесь имелись железная дорога, институт благородных девиц, духовная семинария, кадетский корпус и реальное училище. Орёл рубежа XIX и XX веков – один из значимых городов Российской империи: 30-й по численности населения (перепись 1897 года). Более того, в границах современной России Орёл занял бы тогда 13-е место. Значимость города определялась, однако, не только его выгод-

ным географическим положением, солидным объёмом производства или количеством населения. Главное то, что в Орле – городе интеллигенции, дворян, военных, купцов – жили активные, самостоятельные граждане, без которых любая идея так и осталась бы только идеей.

Эти годы можно было назвать весной жизни в провинции, эпохой расцвета духовных сил и общественных идеалов, временем искреннего стремления к свету. Русских охватило лихорадочное движение вперёд, молодежь мечтала о самообразовании и просвещении народа, хотела сделать счастливыми всех. Каждый год орловцы становились свидетелями и участниками таких событий, которые прежде и не снились провинциальному Орлу.

Вот только факты. В 1880 году создана частная женская гимназия, Орловское медицинское общество открывает родильный приют для бедных рожениц (1893), появилась частная школа кройки и шитья (1893, с 1895 года – профессиональное училище, с 1905 – частная женская гимназия), учреждено Общество вспомоществования бедным учащимся низших учебных заведений (1896). В 1884 году на средства купца А.И. Хлебникова было открыто женское начальное бесплатное училище, в 1891 году устроен Дом трудолюбия для «временного призрения бесприютных бедных, нуждающихся в работе и пропитании». В 1887 году была создана оспенная лаборатория С.К. Живописцева.

Местная интеллигенция понимала, что позитивных сдвигов добиться в одиночку невозможно. Поэтому крайне динамичным был процесс создания структур гражданского общества. Помимо многочисленных земских учреждений, назовём ряд общественных организаций появившихся всего лишь за одно десятилетие: Петропавловское православное братство (1887), комитет народных чтений (1887), Орловское вольное пожарное общество (1888), музыкально-драматический кружок (1889), частная рисовальная школа (1889), общество велосипедистов (1892), общество любителей изящных искусств (1894), шахматное общество (1894), общество покровительства животным (1894), Тургеневская бесплатная читальня комитета народных чтений (1894), епархиальная духовная библиотека-читальня (1894), ветеринарное общество (1895) и т.д. Особые вехи – начало издания одной из первых в стране частных газет «Орловский вестник» (1876) и открытие также одной из первых в стране губернской учёной архивной комиссии (1884).

Однако вчерашнему москвичу Николаю Каринскому предстояло увидеть не только достижения, но и всю грязную изнанку, всю подноготную провинциальной жизни: каждодневные судебные тяжбы лучше любой газетной хроники переполняли губернскую картину новыми и новыми подробностями и деталями. Каринский не унывал и быстро снискал репутацию преуспевающего юриста (слегка картавящий, но симпатичный и толковый – говорили о нём старшие коллеги).

Окунувшись с головой в орловские реалии, Каринский поначалу всё же отдал дань юношеским земским увлечениям. Об этом мы можем судить по одной из книг, хранящихся ныне в Орловской областной библиотеке имени И.А. Бунина. В самом начале XX века статистическое отделение губернской земской управы провело масштабное исследование чтения (проверили почти

1300 крестьянских семей) и по его итогам напечатало соответствующий отчёт[6]. Труд статистиков показал, что более двух третей дворов имели книги (в среднем по десятку экземпляров). Каринский, комментируя цифровые выкладки, дополнял, что собирались крестьяне не только для чтения литературы, но нередко и для «слушания газет». Из периодики самыми популярными были «Сельский вестник», «Нива», «Родина», «Биржевые ведомости», а также «Орловский вестник» – губернскую газету выписывали как крестьяне, так и мастеровые. Корреспонденты земства подмечали, что собираются селяне большей частью «в осенние и зимние вечера», «в одной хате до 30 человек», «и просятся иногда за чтением до полуночи». В частности, из Орловского уезда сообщалось: «В летнее время, праздниками, собираются человек 10-15, и кто-нибудь читает газету». Причём селяне к этим сборам относились с большим вниманием: «Когда читают, то прекращаются всякие разговоры». Две трети корреспондентов подчёркивали усиление любви крестьян к чтению, а основным препятствием виделась нехватка литературы и периодики: «Надо предполагать, что при надлежащем материале для чтения и возможности иметь газету – интерес к чтению пойдёт более верными и скорыми шагами».

Конечно, молодой правовед, да к тому же московский интеллигент Николай Каринский не мог ограничиться ролью простого комментатора массы цифр. Примечательна одна из его ремарок, касающаяся репертуара чтения селян: «За последнее время Сытина принято отделять от остальных лубочников. Правда, в его роскошном книжном магазине в Москве, на Никольской, лубочных изданий, пожалуй, и не найдёшь, да и многие из его лубочных изданий переделаны к лучшему. Но тем не менее его небольшая лавка у Никольских ворот (излюбленное место московских лубочников) сохранилась и продолжает пичкать население всё той же чепухой, что и прежде, когда вся торговля Сытина ограничивалась этой лавкой» [6, с. 108].

Обширная статья Каринского изобиловала ссылками на книгу видного публициста-этнографа А.С. Пругавина «Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания» – это был весьма содержательный том, о чём говорит даже беглое перечисление названий глав («Вольные крестьянские школы или домашние школы грамотности», «Публичные чтения для народа», «Газеты и журналы в народной среде», «Народные библиотеки и читальни», «Что и как читает народ?» и т.д.). Кстати, Пругавин был известен своими свободолюбивыми взглядами, отбывал ссылку в Архангельской и Воронежской губерниях, проявлял интерес и к происходящему на Орловщине, свидетельством чему его статья «Штунда в Орловской губернии», появившаяся в «Русских ведомостях» в 1884 году («штунда» – религиозное течение, со временем ставшее в основном частью сообщества баптистов).

Да и сам Каринский был не чужд прогрессивных идей. Он писал: «Крестьяне покупают то, что им предлагают – в значительной части то же, что предлагали 30-40 лет назад. Но за эти годы произошли на Руси большие перемены. Россия покрылась целой сетью школ, ежегодно выпускающих массу учеников, требования которых к литературе должны быть выше, чем у остальной массы населения, не бывшей в школе»[6, с. 113]. «Тем или иным путём, хотя и в не-

достаточном числе и с не совсем ладным содержанием книги всё же доходят до народа и здесь они уже не залеживаются, каково бы ни было их содержание. Если же книга хоть мало-мальски интересна, то скоро делается известной и малограмотным, и даже вовсе неграмотным, так как будет прочитана вслух»[6, с. 119].

Похоже, «опора» Каринского на Пругавина была благосклонно воспринята радикальными силами губернии. Известный революционер, а в то время посланный в Орёл студент Петербургского горного института Борис Перес (1879-1945) в своих воспоминаниях не раз упоминает Николая Каринского, иронически называя его «крупным» интеллигентом. К 1902 году помощник присяжного поверенного Каринский успел войти в состав Орловского социал-демократического комитета («искровская» организация), причём на квартире у него готовились на «ремингтоне» (марка пишущей машинки. – А.К.) формы подпольных листовок для мимеографа (трафаретной печати. – А.К.), проходили собрания и диспуты с эсерами. Перес вспоминал: «Я научился писать на «ремингтоне» и работал у Каринского под видом «сдельного» переписчика. Ленту приходилось снимать и работать на восковой бумаге, буквы же, засорившиеся воском, надо было прочищать щёткой со спиртом. Чтобы прислуга не увидела как-нибудь этих странных способов работы, я запирался на ключ в комнате, где стояла машина, а прислуге Каринский внушал, что я переписываю важные дела и мне нельзя мешать. Запах спирта и предательская сотка, забытая как-то на окне, создали мне своеобразную репутацию. Прислуга однажды сообщила своей барыне:

– Писатель-то, что на машинке стучит, ох, барыня, и пьяница, видать.

– Почему ты так думаешь? – удивилась та.

– Да как же, – запрётся писать-то, да там, знай, потягивает из соточки. Да хоть бы водку, а то спирт»[11, с. 264]. И далее: «В поисках удобной квартиры для докладов или диспутов мы два раза останавливались на квартире Каринского, он очень охотно предоставлял её, но каждый раз повторялась одинаковая картина. Сначала сходящихся постепенно «гостей» радушно угощали за чайным столом, где хлопотала госпожа Каринская, дама абсолютно далёкая от всякой политики. Но вот все ожидавшиеся сошлись, частные разговоры за столом надо ввести в русло прений по докладу, и кто-нибудь начинает нервничать, с тоской смотреть на дверь, точно вот-вот появится там призрак жандарма, наконец, поднимается из-за стола и... хлоп! – в обморок. Переполох, на руках несут даму в спальню, потом Каринский с расстроенным лицом выходит, извиняется:

– Вы понимаете сами... Нужен покой...

Да, мы понимаем, расходимся, злясь и посмеиваясь» [11, с. 266-267].

Как вспоминал Б.С. Перес, когда арестовали одного из членов организации, Каринский «скрылся» на даче, а вскоре без всяких деклараций вышел из состава комитета (к тому же в итоге распался и сам комитет орловской социал-демократии). Получивший в 1903 году столь долгожданное звание присяжного поверенного, Каринский искал для своей энергичной натуры иное, помимо нелегальной работы, занятие. Так созрела идея стать владельцем... собственной газеты. В октябре 1904 года развернулась переписка между орловским губер-

натором Константином Балясным и Главным управлением по делам печати по поводу прошения Каринского о разрешении издавать газету «Орёл». Губернатора весьма озаботила перспектива нового издания в губернском центре: «С появлением в Орле второй газеты работа цензора должна увеличиться и может оказаться не под силу отправляющему ныне эти обязанности, так как он обременён работой по своей прямой службе. Для правильной постановки дела, по моему мнению, представлялось бы более целесообразным назначить специально цензора для обеих газет и с отнесением расхода на его вознаграждение на средства этих газет» [10, л. 15 об].

Однако Каринского эта преграда не останавливала, он предлагал лично финансировать содержание цензора [10, л. 16]. Тогда губернатор снова написал в Петербург: «цензуровать проектируемую присяжным поверенным Каринским газету «Орёл» изъявил согласие неперемный член Орловского губернского по воинским делам присутствия коллежский советник Пётр Барманский» [10, л. 17]. Здесь же приводилась краткая характеристика надзирающего за газетными столбцами: окончил Московский университет, был мировым судьёй и земским начальником в Карачеве, уже два года служит в Орле.

В итоге 4 марта 1905 года последовало разрешение Главного управления по делам печати Каринскому издавать ежедневную газету «Чернозёмный край» [10, л. 18]. Однако затею с газетой он отложил на время, увлечённый работой в Орловской городской думе и революционной стихией, причём в пути сквозь подымающуюся политическую бурю его верным спутником стал Александр Николаевич Рейнгардт. Тот происходил из обедневших рейнских баронов, был видным адвокатом и общественным деятелем, его перу принадлежал фундаментальный труд «История начальной школы в Орловской губернии. Очерк деятельности уездных земств по народному образованию» (Орёл, 1897). Конечно же, Каринский и Рейнгардт, юристы и знатоки крестьянской жизни, быстро нашли общий язык.

Уже весной 1905 года Каринский и Рейнгардт превратили собрания Орловского педагогического общества в митинги с участием гимназистов, критикой правительства и губернатора, с требованиями к директорам школ не препятствовать сходкам учащихся.

Примерно в это же время Каринский возглавил Тургеневское общество взаимного вспоможения книгопечатников (вариант: типографских рабочих) города Орла. Под эгидой общества в орловских типографиях печатались большевистские листовки.

Манифест 17 октября, даровавший свободу слова, совести, печати, вызвал в Орле волну беспорядков. Уже на следующий день манифестация типографских рабочих с пением «Марсельезы» собрала под красные знамёна несколько тысяч горожан, в основном учащихся и интеллигенцию. Наперекор «прогрессистам» двинулась толпа сторонников Союза законности и порядка, Союза русского народа. Раздались выстрелы, началась потасовка, а за ней и погром. Полиграфисты смело сразились с черносотенцами...

20 октября открылось чрезвычайное собрание городской думы. Было решено отправить депутацию к губернатору. В числе дюжины гласных к началь-

нику губернии решительно направился и присяжный поверенный Николай Каринский. Губернатор пообещал им, что не допустит беспорядков. А уже 2 ноября на заседании городской думы Каринский предложил программу действий, которая была поддержана большинством депутатов. Среди её пунктов имелись и такие:

- немедленно учредить в Орле милицию и отстранить полицмейстера от должности на время следствия;
- подать жалобу прокурору на лиц, печатающих черносотенные статьи в газете «Орловские губернские ведомости»;
- предложить управе отвести помещения под предвыборные собрания;
- избрать юридическую комиссию для бесплатной помощи населению[3].

Однако статья глашатаем революции Каринскому было не суждено. Набиравшая силу орловская консервативная партия собиралась расправиться с ним, уже встал вопрос об аресте и высылке Каринского, и тут он без лишних церемоний уехал в Харьков...

Оппозиционный адвокат Каринский был востребован на многочисленных судебных процессах того времени. Известный большевик, будущий управляющий делами Совнаркома (и, заметим, ровесник Каринского) В.Д. Бонч-Бруевич, не раз выступавший вместе с ним на судах по сектантским делам (как эксперт по религиозным течениям), вспоминал: «Этот радикальный адвокат всегда вёл процессы очень умело и энергично». А ещё Каринский регулярно выступал с толковыми статьями в петербургском еженедельнике «Право», печатался в, пожалуй, самой дешёвой и массовой московской газете «Русское слово».

Из ежегодных «Отчётов о деятельности Совета присяжных поверенных (СПП) округа Харьковской судебной палаты» видно, что Николая Каринского уже в декабре 1907 года избрали одним из десяти членов СПП. Территория округа едва ли уступала площади средней европейской страны – ныне здесь расположены семь областей Украины и четыре области России (Белгородская, Воронежская, Курская и Орловская).

«Ареопаг» разбирал жалобы на адвокатов и выносил постановления – от оправдывающих до запрещающих практику и исключавших из сословия. Каринский был постоянным докладчиком совета; его доклады по дисциплинарным делам занимали десятки страниц в каждом из ежегодных отчётов[9]. Адвокатская практика Каринского, увы, нередко сопровождалась громкими скандалами. Так в 1910 году он и юрист по фамилии Вальц защищали судебного следователя Тер-Семёнова, «крайне нервного субъекта, наследственного сифилитика», застрелившего в ссоре жену, мать четырёхлетней дочери. Присяжные оправдали обвиняемого[8].

Парадокс: русское общество так много выстрадало, чтобы прийти к судебной реформе как части Великих реформ 1860-х годов. Суд тогда стал гласным и открытым, с состязательным процессом, при котором стороны получили равные права на предоставление и опровержение доказательств. Судебная власть была полностью отделена от административной, а судебное следствие – от полицейского. Интеллигенции поначалу казалось, что новые суды помогут коренному оздоровлению общественных отношений, будут способствовать

торжеству справедливости и искоренению пороков. И вот не прошло и полувека, а суд совершенно демократически используется для оправдания злодеев. И чьими руками? Руками людей с университетским образованием, с прогрессистскими взглядами. Замечал ли сам Каринский, как из прекраснодушного адвоката он превращается в циничного стряпчего, готового за хороший гонорар на любую авантюру?

Помимо судебной карьеры, Каринский преуспел и в устройстве личной жизни. В Харькове он женился на 23-летней дочери текстильного магната А.Я. Жмудского Варваре Андреевне, овдовевшей после первого брака (а для Каринского это был третий брак). Уже вскоре обеспеченная чета Каринских решила заняться изданием собственной газеты. Название у неё было вполне оптимистичное – «Утро». Номинально редактором значилась Варвара Андреевна, но фактически делами заправлял сам Николай Сергеевич. Будучи членом Харьковского комитета конституционно-демократической партии, он и в газете проводил интересы кадетской партии, в то же время симпатизировал в какой-то степени большевикам – в числе печатавшихся на страницах «Утра» авторов был В.И. Ленин. Партийная и газетная деятельность помогла неутомимому провинциальному деятелю познакомиться и с коллегой по адвокатуре, депутатом Госдумы А.Ф. Керенским.

За год до Октябрьской революции Каринские перебрались в родной город Николая Сергеевича. Он вернулся в Москву почти двадцать лет спустя после того, как ради карьеры отправился в провинцию. Входил в состав Московского комитета кадетской партии, был товарищем председателя Комитета помощи беженцам и эвакуированным, уполномоченным Всероссийского Земского союза. На волне Февральской революции сразу получает ещё более высокие должности. Так уже 10 марта 1917 года в правительственных газетах публикуется инструкция № 1, которую «Комиссар Градоначальства Москвы» присяжный поверенный Н. Каринский адресует участковым комиссарам: «В отношении гражданского управления город Москва делится на участковые комиссариаты, совпадающие по своим территориальным границам с полицейскими участками старого порядка. Участковый комиссар является главой гражданского управления вверенного ему участка, ведающим его благосостоянием и безопасностью [...] Участковая милиция находится в распоряжении участкового комиссара. Независимо от милиции для наружной охраны участковому комиссару предлагается организовать муниципальную стражу» [4].

Каринского включили в учреждённую Временным правительством Чрезвычайную следственную комиссию «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц...». Впрочем, эта комиссия не смогла подтвердить обвинений в адрес царя, царицы и министров, но рвение Каринского оценили: в мае 1917 года он был назначен прокурором Петроградской судебной палаты.

Наверное, только современник и очевидец революционных событий тех дней может реально почувствовать всю фантазмагоричность происходившего. Как, к примеру, недавний харьковский адвокат стал едва ли не высшим вершителем законности в бурлящей России. Неслыханные возможности находили в

авантюрной душе не менее звучный отклик. Вот отрывок из воспоминаний знакомого и тёзки Каринского, одного из создателей Всероссийского союза адвокатов Николая Карабчевского: «Объяснялся я с Каринским в его служебном кабинете на Фонтанке, в здании бывшего департамента полиции, куда, после пожара на Литейной, перекочевали судебные установления.

Когда деловой наш разговор был кончен, Каринский мне сказал:

– Николай Платонович, можно вас познакомить с моей женой? Она большая ваша поклонница... Вчера только приехала ко мне из Харькова.

Я, разумеется, выразил готовность и полагал, что нам придётся проехать к нему на квартиру. Но он тут же распахнул дверь в соседнюю комнату, которая оказалась не его канцелярией, как я ожидал, а спальней и вместе с тем дамским будуаром. Двухспальная кровать была покрыта по розовому кружевным покрывалом и в углу дамский туалет, в таких же кружевах, блестел всеми флаконами духов и туалетных принадлежностей. Молодая, сухощавая, довольно элегантная блондинка в изящном утреннем капоте, с ондюлированной причёской, встретила нас радушно. Заметив моё изумление, при виде стольких дамских аксессуаров в «казённом» месте, она поспешила объяснить:

– Бедный Коля теперь так занят, его рвут на части... Если бы я не обосновалась здесь, мы бы вовсе не виделись. Так, не правда ли, удобнее? Гостиницы в Петрограде переполнены и, надо сказать, довольно плохие...»

События развивались стремительно. 3-5 июля в Петрограде вспыхнуло вооружённое восстание, поддержанное большевиками. Каринский вспоминал: «Вышли рабочие с плакатами. Вероятно, несколько десятков тысяч человек. Вооружённые солдаты носятся на грузовиках по улицам, угрожают стрельбой в прохожих, бесчинствуют. Прибыл из Кронштадта крейсер «Аврора» и вооружённые матросы... Правительство переходит в штаб главнокомандующего Петроградской армии генерала Половцева на Дворцовой площади. Оно отдало Половцеву приказ очистить Петроград «от людей с оружием в руках», но у него сил мало – только инвалидная дружина Георгиевского Союза да казаки. Полки Преображенский, Семёновский и другие заявили о своём «нейтралитете». Половцев собирает ударную группу и вызвал артиллерию из Гатчины» [1].

На пике событий Каринскому позвонил сын – 20-летний гардемарин Евгений: «У нас в гардемаринских классах был митинг, и гардемарины единогласно решили идти к тебе на помощь. Командовать будет сам наш адмирал». «Зачем ко мне? – удивлённо спросил сына прокурор. – Идите на Дворцовую площадь к Половцеву. Туда стягиваются войска, не идущие за большевиками».

Перелом в противостоянии произошёл после того, как правительство опубликовало сведения о связях большевистских вождей с немцами. Многие полки сразу перешли на сторону правительства, в стане мятежников началось замешательство.

По горячим следам Временное правительство приняло постановление: «Арестовать и привлечь к судебной ответственности, как виновных в измене Родине и предательстве революции, всех лиц, участвовавших в организации и руководстве вооружённым выступлением против государственной власти»[5]. Была организована Особая следственная комиссия.

А.Ф. Керенский лично приехал в министерство юстиции для того, чтобы дать направление расследованию июльских событий. В кабинете товарища министра Г.Д. Скарятин состоялась продолжительная беседа, во время которой Керенский потребовал максимальной твёрдости в ведении следствия. Сразу после этого Скарятин собрал прокуроров и следователей, которым предстояло заняться непростым делом. Некоторые участники совещания высказались за то, чтобы комиссией руководил министр юстиции как генерал-прокурор (в старой России эти две должности были едины), но затем все сошлись на том, что возглавить комиссию должен Каринский.

Следствие делало упор на обвинении большевиков в измене и организации шпионажа в пользу Германии. 22 июля Каринский сообщил в печати: «В настоящее время могут быть сообщены без нарушения тайны предварительного следствия некоторые данные, послужившие основанием для привлечения Ульянова (Ленина), Апфельбаума (Зиновьева), Коллонтай, Гельфанда (Парвуса), Фюрстенберга (Ганецкого), Козловского, Суменсон, прапорщиков Семашко и Сахарова, мичмана Ильина (Раскольников) и Рошаля, обвиняемых по 51, 100 и 108 ст. угол. уложения, т.е. в измене и организации вооружённого восстания...». Комиссия информировала страну о том, что ею собраны неопровержимые доказательства организации и руководства вооружённым выступлением ЦК РСДРП(б), указания коего мятежникам исходили из дома Кшесинской – «штаба Ленина». Однако результат публично демонстрируемого Каринским рвения был нулевой – обвиняемые давно уже скрылись. Более того, спустя почти полтора десятилетия большевики заявили, что он сам предупредил их об опасности. Вот что писал о вечернем телефонном звонке Каринского В.Д. Бонч-Бруевич:

«– Я звоню к вам, – сказал он мне, – чтобы предупредить: против Ленина здесь собирают всякие документы и хотят его скомпрометировать политически. Я знаю, что вы с ним близки.

– В чём же дело? – спросил я его.

– Ленина обвиняют в шпионаже в пользу немцев. Прошу вас немедленно принять серьезные меры, – сказал он как-то глухо, торопясь. – Всё это я сообщаю вам в знак нашей старинной дружбы. Более я ничего не могу вам сказать! Действуйте...

По тону разговора я понял, что Каринский спешил, ибо ему, ввиду его служебного положения, было опасно мне всё это сообщать» [2, с. 83-86].

История более чем занятная: ведь и Бонч-Бруевич, и Каринский были людьми, искушёнными и в юриспруденции, и в политике. Приводить в качестве доказательства некий телефонный звонок более чем десятилетней давности... Да, как штрих мемуаров – вполне показательно. Но как доказательство, по сути, государственной измены Каринского – сомнительно и весьма шатко. Был ли на самом деле такой звонок? Увы, доказательств тому нет и не будет уже никогда. Каринский узнал о мемуарах Бонч-Бруевича, будучи в Америке. Этот эпизод его возмутил, он не раз выступал в печати с опровержением...

Как бы то ни было, в 1917 году Россия стремительно шла к большевистскому перевороту. Характерно, что не народные комиссары отстранили Карин-

ского от должности. Произошло это намного раньше – в конце августа новый министр юстиции потребовал от него освобождения многих арестованных большевиков. Получив отказ, добился отставки Каринского. Разросшееся до 20 томов дело так и осталось незавершённым... Раздосадованный Каринский выплеснул эмоции на бумагу – уже в начале следующего года в сборнике «Пережитое» появилась его мемуарная статья «Трагикомедия 3-го июля» за подписью Н. Арский.

Когда большевики захватили власть, Каринский перебрался в оккупированный немцами Харьков. В 1918 году он «пробовался» в Киеве на роль проводителя военного переворота с целью свержения гетмана Скоропадского. Но генералы не поверили присяжному поверенному...

В 1919 году Каринский участвовал в Крымском краевом правительстве – «главноуполномоченным по эвакуации», состоял прокурором Крымской судебной палаты. Имел он тогда чин тайного советника (в таблице о рангах равен званию генерал-лейтенанта), в начале 1920 года был назначен губернатором Черноморской губернии и управляющим МВД Южнорусского правительства при генерале А.И. Деникине.

О своём правлении в Причерноморье Н.С. Каринский написал воспоминания [7] («Когда я приехал в Новороссийск, то увидел, что дело обстоит значительно хуже, чем я предполагал. Деморализация среди чинов МВД, да и других министерств, была полная; панике не менее гражданских чинов были подвержены и военные»). Спустя годы гражданский генерал обвинял всех вокруг, но только не себя за свои действия и бездействие. А тогда он запомнился современникам непонятно откуда взявшимся величием и роскошью. Один из его старых знакомцев был поражён тем, что Каринский занял в Новороссийске целый дворец в стиле барокко. Ходил исключительно в шинели с золотыми погонами тайного советника. Во всей его фигуре видна даже не губернаторская, а министерская, генеральская солидность. Но когда организовался товарищеский ужин и были выпиты по паре рюмок водки, перед собеседником, как по волшебству, вновь обнаружился такой знакомый Николай Сергеевич в потёртой тужурке.

— Распоряжения меняются каждые два часа, — доверительно рассказывал Каринский. — Деникин или настроен бодро, или хочет таким казаться. Я не разделяю этого оптимизма. Когда образовалось правительство, я думал, что будем работать с Деникиным как одно целое. Этого нет. Он выслушивает меня иногда по целому часу, но между нами грань. Генералы окружают его тесным кольцом.

Предчувствие не обмануло Каринского. Накануне краха белогвардейских войск осенью 1920 года он эмигрировал в Константинополь, где организовал и возглавил Константинопольский Совет присяжных поверенных. Там же занимался адвокатской практикой, читал лекции по статистике в Народном университете и был товарищем председателя Русского комитета, объединявшего 80 разных организаций соотечественников.

Осенью 1923 года Каринский с группой членов Совета присяжных поверенных отправился в США – и уже в декабре основал в Нью-Йорке Союз рус-

ской присяжной адвокатуры. Задачей организации была помощь юристам-эмигрантам в их адаптации в новой стране. Сам Каринский работал грузчиком в порту, рабочим на бумажной и ковровой фабриках, мойщиком посуды в отеле, а ещё кочегаром, санитаром в больнице, садовником в парке, учителем русского языка в начальной школе.

Благо, американские коллеги помогли самому Каринскому устроиться консультантом в рокфеллеровскую «Стандарт Ойл». Он не раз выступал в судах в качестве эксперта по вопросам русского права по приглашению различных адвокатских фирм. Однако в «русском стане» начались споры вокруг того, кому выгоден Союз присяжной адвокатуры. В итоге Каринского исключили из союза, но вскоре он основал Общество русских юристов, также был председателем Зарубежного Союза русских судебных деятелей в Америке... Входил в состав русского Национального комитета в Нью-Йорке, был членом Центрального правления Русских национальных организаций – выборного органа, объединявшего русские комитеты Нью-Йорка, Вашингтона, Сан-Франциско, Сиэтла и Кливленда.

С 1930 года Каринский всерьёз возобновил занятия газетной работой, которая влекла его ещё в орловские времена. Он был редактором газеты «Русская вечерняя почта», а затем органа Центрального правления Русских национальных организаций – «Русской газеты» (обе издавались в Нью-Йорке). Когда на излёте экономического кризиса в 1934 году издание пришлось прекратить, на седьмом десятке лет пошёл работать шофёром такси. С 1942 года Каринский сотрудничал в газете «Русская жизнь», которая выходила в Сан-Франциско. На её страницах появилось множество его мемуарных зарисовок о дореволюционной жизни в России, о событиях 1917 года и гражданской войны. Публиковавшиеся там Каринским в течение четырёх лет «Очерки русского суда: судебные очерки, 1905-1915 гг.» составили рукопись книги. Она, а также рукопись книги «История воздухоплавания и авиации в России, 1930-е годы» были переданы автором в Нью-йоркскую публичную библиотеку в архив славянского отдела.

Умер Николай Сергеевич Каринский 8 августа 1948 года, похоронен в городе Ньютон (штат Нью-Джерси).

По странному совпадению, именно в тот, 1948 год, мировую известность получила его бывшая супруга Варвара Андреевна. Сумев сразу после революции уехать из России, она вспомнила о своём давнем увлечении – росписи текстилей – и в итоге совершила триумфальное шествие по киностудиям Европы и США: получила «Оскара» как художник по костюмам фильма «Жанна д'Арк» (1948). Шила костюмы для оперы, имела неофициальный титул «Шекспир балетного костюма». Варвара Каринская умерла в 1983 году, а в 2003 году на её родине, в Харькове, создан Фонд её имени, с 2004 года проводятся международные фестивали моды и театрального костюма имени Варвары Каринской. В 2005 году открыта мемориальная доска на Пушкинской улице в Харькове, где она жила.

Сын Каринского гардемарин Евгений погиб во время Гражданской войны, другие дети: Лев (1898-1981) и Татьяна (1900-1989) – прожили долгую

жизнь. Их потомки в США сохраняют семейные традиции, с ревностью и настойчивостью собирают ныне сведения о предках. Так, есть сведения о братьях и сёстрах Николая Каринского. Назовём известные нам годы их жизни: Иван Сергеевич Каринский (1869–1886), Семён Сергеевич Каринский (1872–1922), Вера Сергеевна Каринская (Игнатова) (1875–?), Сергей Сергеевич Каринский (1877–1942), Антонина Сергеевна Каринская (Игнатова) (1878–1968). Заслуживает внимания дядя Н.С. Каринского – философ Михаил Иванович Каринский (1840–1917), профессор Петербургской духовной академии. Его дети: Николай (1873–1935), филолог, член-корреспондент Академии наук СССР; Владимир (1874–1932), философ, профессор Харьковского университета; Нина (1878–1957), жена историка Вятского края П.Н. Луппова.

В Орле о Николае Каринском за минувшие сто с лишним лет прочно забыли. Но, глядя на фотографии этого человека – умного, деятельного, немного авантюрного, наверное, как многие и многие русские, – я думаю о том, что мне он чем-то знаком и по-своему известен. Вот снова кто-то в провинции мечтает открыть газету или затевает забористый сайт в Интернете, кто-то выступает с декларацией в городском собрании, кто-то идёт на выборы или удачно участвует в шумном судебном процессе. Имена действующих лиц разные, но характеры, исконные натуры передаются из поколения в поколение и, похоже, не подвластны натиску перемен. А там, глядишь, и золотые погоны лягут на плечи, и высшая инстанция призовет на куда более масштабное дело...

Список источников и литературы

1. Арский Н. Трагикомедия 3-го июля // Пережитое. – М., 1918.
2. Бонч-Бруевич В.Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. – М., 1931.
3. В городской думе // Орловский вестник. – 1905, 4 ноября.
4. Ведомости Комиссара Московского градоначальства. – 1917, 10 марта. – № 5.
5. Вестник Временного правительства. – 1917, 7 июля.
6. Каринский Н.С. Что читает крестьянское население Орловской губернии и как оно относится к книге // Сборник статистических сведений по начальному народному образованию в Орловской губернии за 1900-1901 учебный год. – Орёл, 1902.
7. Каринский Н. Эпизод из эвакуации Новороссийска // Архив русской революции. Т. 12. – Берлин, 1923.
8. Новое время. – 1910, 25 октября.
9. Отчёты о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты. – Харьков, 1911-1917.
10. Переписка Орловского губернатора с Главным управлением по делам печати о рассмотрении ходатайства Н.С. Каринского разрешить ему издавать в г. Орле газету «Орёл» (октябрь 1904 – март 1905 г.) // Государственный архив Орловской области. Ф. 580. Ст. 2. Д. 3113.
11. Перес Б.С. Партийная работа в Орле (1902-1903 гг.) // Пролетарская революция. – 1923. – № 5.

Латышев Олег Юрьевич
академик, профессор РАЕ, п.д.н. (ScD h.c.), к.филол.н. (PhD),
заслуженный деятель науки, техники и образования,
директор Мариинской галереи им. М.Д. Шаповаленко, г. Москва,
e-mail: para888@list.ru

Ковалёв Эдуард Валентинович
директор казенного общеобразовательного учреждения Воронежской области
«Новоусманская школа-интернат для обучающихся с ограниченными
возможностями здоровья», г. Новая Усмань,
e-mail: gimn5@inbox.ru

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА КАК ИСТОЧНИК ВОЗРАСТАНИЯ ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ

Аннотация. Одним из наиболее ярких проявлений революционных событий 1917 года явилась детская беспризорность. В это время она приобрела угрожающие масштабы. Дети, лишённые родительского контроля, а иногда – и собственно родительской опеки, были предоставлены исключительно сами себе и произволу улицы. Все, или практически все взрослые, которые могли до начала революционных событий заниматься их воспитанием, обучением и развитием, были тем или иным образом вовлечены в ход революции. В большинстве своём дети были голодны, одеты не по сезону, не имели соответствующей обуви. Во время общения со сверстниками и взрослыми низкого культурного уровня они могли приобретать разнообразные пагубные привычки. Резко падал уровень физического и психического здоровья таких детей. Они были в наибольшей мере подвержены угрозе разнообразного инфицирования, в результате чего также становились источником инфекций. Значительная часть детей подвергалась угрозе быть убитыми или искалеченными во время перестрелок, срабатывания взрывных устройств, драк и всевозможных актов гражданского неповиновения. Прогрессировала детская инвалидность. Возможность лечить детей и, тем более, заниматься профилактикой заболеваемости в их среде было практически невозможно. Существенно возростала детская и подростковая смертность. Помимо этого, дети могли любым путём становиться жертвами насилия, ненадлежащего обращения со стороны старших детей и взрослых, попадать в криминогенную среду и пополнять её в значительном количестве. В статье обозначаются пути ликвидации послереволюционной детской беспризорности и её профилактики в дальнейшем.

Ключевые слова: дети, беспризорность, криминал, инфекция, заболеваемость, инвалидность, необразованность.

Большая советская энциклопедия определяет детскую беспризорность как «социальное явление полного отстранения несовершеннолетнего от семьи, сопряженное с утратой места жительства и занятий» [5]. Период революционной активности российского населения с февраля по ноябрь 1917 года ознаменовал-

ся существенным ростом детской беспризорности, поскольку многие из родителей этих детей либо погибли во время революционных событий, либо попали в места заключения, либо были выдворены из страны в силу принадлежности к «классу угнетателей». Несмотря на разнообразие причин, по которым их родители потеряли возможность выполнять свои обязанности по отношению к своим детям, результаты были практически одними и теми же – с каждым годом в стране становилось всё больше беспризорных. Данная проблема существовала в стране – как в столичных городах, так и в провинции, ещё и двадцатых, а в определённой мере – и тридцатых годах.

Методы исследования. При создании данной работы нами были использованы методы анализа, синтеза, обобщения, классификации, а также сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты исследования. Помимо собственно революций, на рост российской детской беспризорности повлияла также и первая мировая война. Однако интересно, что угрожающий рост данного явления в жизни нашей страны был отмечен не собственно в годы войны или революции, а значительно позже. Так, если в 1921-м году беспризорников в России насчитывалось 4,5 миллиона, то к 1922 году, как утверждает А.Ю. Рожков, их число возросло практически до семи миллионов [15, с. 134]. Почему это так? Каким образом могло получиться, что пик беспризорности приходится не собственно на годы революции или войны, а отстоит от революционного подъёма на пятилетие, когда страна уже начала восстанавливаться после актов гражданского неповиновения?

Во-первых, общественно-политическая ситуация в России того времени изначально не позволяла собрать и полноценно обработать достоверных статистических данных. Поэтому и в 1921 году, и ранее, реальное количество беспризорников могло превосходить данные статистики. До этого момента на государственном уровне вопрос беспризорности ещё не ставился так остро. И только 27 января 1921 года, как свидетельствует И.Н. Войткевич, «Президиум ВЦИК издал постановление об образовании «Комиссии по улучшению жизни детей», председателем которой был избран Ф.Э. Дзержинский. В комиссию входили представители наркоматов просвещения, здравоохранения, продовольствия, рабоче-крестьянской инспекции, ВЦСПС, ВЧК. Была заложена основа успешной воспитательной доктрины Советского Союза 1920-1940 годов. Основу этой доктрины заложил Ф.Э. Дзержинский и педагоги З.П. Соловьев и А.С. Макаренко» [2].

Во-вторых, для социально-экономического кризиса, одним и наиболее ярких последствий которого и выступала детская беспризорность, характерна традиция последовательного углубления, что и происходило в России (а с 1924 года – и в СССР) двадцатых годов. И даже в случае, если бы предпринимаемые усилия для его ликвидации были велики и убедительны по результатам, что в тот момент было достаточно трудно предполагать, для спада детской беспризорности основания ещё не были в достаточной мере сформированы.

В-третьих, характерному увеличению детской беспризорности в 1922 году не мог не способствовать голод в Поволжье. Учитывая значительный масштаб региона, охваченного голодом, становится понятным, что данное бедствие не могло не стать слагаемым принципиального роста числа беспризорных.

В.Г. Короленко, всегда выступавший в защиту социально незащищённых людей различных классов и сословий, уделивший их судьбам немало страниц своих наиболее проникновенных сочинений, в 1918 году становится инициатором создания «в Советской России Лиги спасения детей. Лига создавала детские колонии, клубы и сады. Учреждения Лиги обычно занимали 2-3 комнаты, где занимались с небольшими группами детей в 20-30 человек. С 1921 года все заведения Лиги перешли в распоряжение Московского отдела народного образования. Ещё одной подобной организацией был Совет защиты детей под председательством наркома просвещения А.В. Луначарского» [8]. По прошествии столетия сохранившиеся документы позволяют удостовериться в том, что за этими первыми великодушными шагами, актами особо необходимой в то время доброй воли, последовали чёткие и хорошо продуманные правительственные инициативы. Практика показывает, что нарком просвещения, являвшийся человеком безусловно просвещённым, предпринял немало усилий для того чтобы многие безапелляционные решения большевистской власти в отношении детей и подростков приобрели более цивилизованные очертания. И многие исследователи современности единодушны в мнении о том, что, несмотря на особую идеологическую окрашенность, меры по ликвидации беспризорности доказали свою правомерность и имели высокую эффективность.

В педагогической энциклопедии приводятся данные о том, что за три года советской власти количество детей, помещённых на воспитание в детские дома, возросло почти в 4 раза: «в 1919 году в детских домах воспитывалось 125 тыс. детей, в 1921-1922 годах – 540 тыс. детей» [13, с. 193]. Эти данные говорят нам о том, что в учреждениях государственной поддержки детства в исследуемый период находился только каждый тринадцатый ребёнок. В то же время, по прошествии 1922 года количество беспризорных в России стало последовательно снижаться. Какие иные меры способствовали возникновению данной динамики?

В первую очередь, с существенной перегрузкой в сравнении с проектной мощностью работали 200 приёмников-распределителей. Каждый из них был рассчитан всего на 50-100 детей, однако в совокупности на протяжении года они смогли обслужить свыше 540 тысяч беспризорников.

Вторым необходимым слагаемым успеха в борьбе с беспризорностью стала существенная систематизация работы органов власти и педагогической общественности в данном направлении. Начиная с 1923 года, более пятнадцати тысяч педагогических кадров полностью переключаются на борьбу с беспризорностью, понимая, что в противном случае им в дальнейшем некому будет преподавать, а воспитательные меры для нигилистически мыслящих подростков, прошедших исключительно асоциальный период своей жизни, не будут иметь ожидаемого эффекта. От каждого педагога требовалась полная самоотдача, умение взаимодействовать в коллективе таких же равнодушных педагогов, способных сделать всё от них зависящее для того чтобы принципиально изменить жизни вчерашних беспризорников к лучшему.

В марте 1924 года состоялась 1-я московская конференция по борьбе с беспризорностью [17, с. 3-8], на которой была продемонстрирована решимость

педагогической общественности страны пойти существенно дальше буржуазных стран, где в тот момент было принято открывать небольшие и плохо оборудованные приюты для беспризорников. Речь шла о кардинальном подходе, сохранившем свою целесообразность даже век спустя. Дебтские дома и школы-интернаты, открывавшиеся в СССР этих лет, призваны были не ограничиваться содержанием беспризорников и надзором за ними, как это происходит в России нашего века. Это были именно образовательные учреждения, если говорить современным языком. Они были рассчитаны на просвещение, трудовое обучение, подготовку к получению профессии и приобретение умения жить в коллективе себе подобных. В настоящее время детские дома превращены в учреждения социального обслуживания, где требуется содержание и надзор, но получение детьми достойного образования, профессии, а соответственно – и места в жизни общества – не предусматривается. Проведённый в ноябре этого же года 4 съезд заведующих губернскими отделами по борьбе с беспризорностью продемонстрировал чёткое понимание властями масштабов охватившего детское население страны бедствия. По словам Луначарского, «дело не только в том, что мы окружены целым морем детского горя, но и в том, что мы рискуем получить из этих детей антиобщественных, антисоциальных людей... которые пополнят армию преступности» [8]. Данная точка зрения была вполне правомерной, поскольку не только в двадцатых, но и в тридцатых годах мы будем находить значительное количество документальных свидетельств того, что проблема в стране, уже становящейся индустриальной державой, начавшей строить метро в Москве и т.д., всё ещё сохраняла свою высокую актуальность.

Как утверждает И.Н. Войткевич, «тогда был моден плакат: «6 миллионов детей, необслуженных школой, - страшная угроза стране и революции. Помогите организовать труд беспризорников». Создаются общества «Друзья детей», которые занимались организацией ночлежек, приютов, рабочих мастерских, летних лагерей отдыха и детских площадок для беспризорников, органы СПОН – социально-правовой охраны несовершеннолетних, занимающиеся профилактикой новой беспризорности. При ЦИК СССР создаются фонды имени Ленина по помощи беспризорным детям. Из 44 991 преступления, совершенного несовершеннолетними, - 75% на совести беспризорников» [2].

Несмотря на то, что российская бюрократия, существовавшая на протяжении всей жизни Российской империи, была осмеяна, развенчана и уничтожена советской властью, однако, методы бумажной работы новой власти во многом были похожи на дореволюционные, только выполнявшейся уже менее образованными людьми. Количество же реально работавших с детьми инспекторов (всего 400) было совершенно недостаточно, что ещё раз доказывает правомерность мысли о том, что многие беспризорные дети могли быть не только не помещены в учреждения государственной поддержки детства. Но и вообще не выявлены на тот момент. «В 1923 году детские дома перевели на содержание местных бюджетов. В итоге число детдомов и детей в них резко сократилось. В 1923 году, по сравнению с 1922 г., численность детдомов сократилась с 6063 до 3971, детей в них – с 540 тыс. до 253 тыс. человек. В последующие пять лет численность детей в детских домах сократилась ещё вдвое. Причём положение

детей в них было весьма плачевным. Особенно тяжёлое положение было в приёмниках-распределителях» [8].

Следующий закономерный вопрос, который возникает по получении такой информации, следующий: если детей в детских домах и подобных им учреждениях стало более чем вдвое меньше, означает ли это, что половина воспитанников уже выросла и вступила в это время во взрослую жизнь? Это вполне возможно, если учитывать тот факт, что далеко не все дети после революции попадали в детдома и приюты малолетними. Некоторым до достижения совершеннолетия требовалось находиться там не более года. Но для того чтобы картина стала наиболее широкоформатной и полной, необходимо уточнить, не оказалось ли так, что какая бы то ни было часть детей после закрытия детских домов вновь стала беспризорной?

Более того, если принимать во внимание плачевность условий жизни в детских домах, с одной стороны, и укоренившееся в большинстве беспризорников умение заниматься попрошайничеством и воровством, с другой стороны, не было ли так. Что определённая часть воспитанников могла покидать детские дома и подобные им учреждения самовольно? Проводя параллель с началом нашего века, следует утверждать, что это вполне допустимо. Тем более, что в настоящее время многие воспитанники совершают побеги из детских домов, центров помощи детям, социально-реабилитационных центров и других учреждений государственной поддержки детства, чтобы самостоятельно заботиться о себе, и при этом чувствовать полную свободу от какого бы то ни было режима.

Меры по ликвидации беспризорности приобретали всё больший охват. Так, за три года количество беспризорных детей уменьшается с 7 миллионов до 200 тысяч. Этот существенный показатель был достигнут к 1925 году. Тридцатипятикратное снижение количества беспризорных детей в Советском Союзе – стране, которая была основана всего тремя годами ранее (в 1922 году) – число тем более убедительное. Безусловно, при этом следует понимать, что это помогли сделать далеко не только детские дома, число которых, как уже говорилось ранее, существенно сократилось при переводе на муниципальный уровень, где у местной власти не было возможностей их содержать. Оставшиеся детские дома смогли вместить 241 тысячу детей-сирот, удовлетворив при этом потребность страны лишь 55%.

Остальным беспризорным стремятся оказать посильное содействие районные отделения вышеназванных обществ «Друзей детей» путём организации площадок для беспризорных и полупризорных детей. За это отвечал Президиум Моссовета. Такое условное разделение детей на две социальных подгруппы скорее позволило несколько снизить статистику беспризорности, чем реально решить проблемы обеих подгрупп. В начале 21 века при расформировании детских домов государство стремится найти их воспитанникам замещающие семьи. В их числе – семьи родственников. Но после революции возможность такой замены представлялась маловероятной. Потому что и родственники также принадлежали к тому же социальному сословию или классу, что и убитые или заточённые в тюрьмы родители этих детей. В это же время создаются губернские комиссии помощи детям. Выяснение степени эффективности их работы

является одним из предметов наших дальнейших исследований. С 1923 по 1925 год происходит дальнейшее принципиальное сокращение количества детских домов – с 3971 до 280, что с сегодняшних позиций не поддаётся никаким логическим объяснениям. В дополнение к оставшимся детским домам возникают 420 трудовых коммун и 880 детских городков. Но и в этих условиях из 200 тысяч беспризорников почти половина требует безотлагательной поддержки. И хотя государство выделило на дальнейшую борьбу с беспризорностью 50 миллионов рублей, это не смогло предотвратить дальнейшего всплеска беспризорности. Можно было бы предположить, что возникновение такой статистики продиктовано недоброжелательным отношением к действиям советской власти. Однако именно по словам Н.К. Крупской, к концу двадцатых годов безнадзорных становится в десять раз больше по сравнению с 1925 годом – 2 миллиона детей. Безусловно, к числу безнадзорных относятся также и дети, имеющие определённое место жительства, но лишённые родительского внимания. Из этого можно сделать вывод о том, что красный террор не остановился на достигнутом. Он лишил родителей ещё 1 миллион 800 тысяч детей.

В 1926 году меры по снижению прессинга беспризорности также начали усиливаться. А.Н. Кривоносов анализирует комплекс проведённых для этого мероприятий: «приняты Декрет об учреждении Совета защиты детей, Положение о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР и Постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью». Содействие оказывали профсоюзы, комсомол, партийные организации. Милиция, ГПУ и уголовный розыск вели учёт беспризорников. При местных органах образования были созданы отделы социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН)» [9, с. 95-97].

Ситуацию в последующие двадцатые годы рассматривает И.Н. Войткевич: «К концу 1920-х гг. сложился межведомственный подход к решению проблем беспризорности. Координация усилий государственных органов и общественных организаций осуществляла Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК. До лета 1930 года Деткомиссия при ВЦИК проводила все мероприятия на местах – через районные, областные и окружные деткомиссии при исполкомах Советов. Основная тяжесть работы с беспризорниками до лета 1935 года приходилась на местные отделы народного образования. Они подчинялись Главсоцвосу Наркомпроса РСФСР. При ОблОНО действовали отделы СПОН. Помимо них существовали Детские социальные инспекции (ДСИ). Если отделы СПОН больше занимались циркулярной работой, вопросами финансирования и обеспечения детских учреждений, то ДСИ проводили облавы на беспризорных, обследовали условия содержания детей, несли дежурство в местах скопления беспризорников» [2].

Если принять во внимание, что у семи миллионов беспризорных детей было, как минимум, по одному родителю, убитому или арестованному большевиками, действительно, им трудно было ожидать особых симпатий от таких детей. Возможно, дети, у которых в раннем возрасте была отнята возможность жить с родителями – учёными, казаками, зажиточными крестьянами (которых советская власть назвала кулаками) и т.д. – могли и не проводить прямой па-

раллели между отсутствием родителей в их жизни и действиями современных им властей. Но и они в процессе взросления могли делать весьма определённые выводы на этот счёт. Им могли многое рассказать старшие дети, лишившиеся родителей не столько в революционных боях, сколько в результате методично организованного красного террора. Касательно собственно детей старшего возраста, от которых родители были уведены бойцами революции, у них однозначно могло сформироваться сугубо негативное отношение к представителям большевистской власти. На этом основании можно сделать вывод о том, что такие дети с наибольшей вероятностью и столь же большим желанием уходили в асоциальный мир, чтобы не помогать власти, убившей или заточившей в тюрьмы их родителей.

Дискуссия. Борьба с беспризорностью как с одним из наиболее пагубных проявлений революции 1917 года, как уже говорилось выше, охватила собой не только двадцатые, но и тридцатые годы. Безусловно, в столь длительный период отчётливо наметился переход от количественного к качественному подходу, и бывшие беспризорники начал достигать всё большего прогресса под воздействием многочисленных воспитательных усилий со стороны советской педагогики. Более того, следует отметить, что беспризорность как таковая в России и СССР была побеждена на пятьдесят лет. Делать это было чрезвычайно сложно, поскольку большевистская власть не только не искала помощи у науки, в т.ч. — педагогики, но и приравнивала учёных к кулакам, казакам и другим социальным слоям, которые рассматривались как враги революции. Она не возникала до 1990-х годов, когда Советский Союз, вопреки результатам референдума был разрушен, и власть оказалась в руках непрофессионалов, а также людей, не имеющих чёткого представления о нормах человеческой порядочности, такта и заботы о подрастающем поколении. Однако в условиях педагогики Макаренко беспризорность в советское время возникнуть уже не могла — для этого были предприняты эффективные усилия, продемонстрировавшие свой пролонгированный эффект.

Из вышесказанного мы считаем необходимым сделать следующие выводы:

1. Революция 1917 года стала одним из ключевых событий, подтолкнувших к развитию детскую беспризорность в России, наряду с первой мировой войной, голодом в Поволжье, разрастанием социально-экономического кризиса и других рядоположенных причин.

2. Детская беспризорность продолжала разрастаться в масштабах и принимать угрожающий характер на протяжении пяти лет после завершения революционных событий, и на полную победу над ней потребовалось в целом и общем более двадцати лет.

3. Беспризорность, уменьшавшаяся, вследствие комплекса мер сотрудничающих организаций и учреждений, тем не менее, возростала вновь по причине продолжавшегося красного террора, лишавшего родителей один миллион детей за другим.

4. Революционная деятельность представителей передовых слоёв общества, призванная внести кардинальные позитивные изменения в жизнь российско-

го народа, напротив, фактически поставила под вопрос существование подрастающего поколения, наделенного нормами морали и права, гражданской позицией, этически выдержанного и устремлённого к светлым идеалам человечества. В этом проявилось яркое противоречие между целями революционеров, во всеуслышание заявленными, и принципиально иными результатами, которые наступили чрезвычайно быстро.

5. Дети и подростки явились одной из наиболее многочисленных и уязвимых групп, которых революция, с одной стороны, уничтожить не намеревалась, но, с другой стороны, существенно затруднила путь их становления, изначально поставив на грань исчезновения. И только деятельность самоотверженных педагогов и отдельных здравомыслящих представителей органов советской власти позволила соблюсти преемственность поколений и не дать большинству русской нации исчезнуть с лица земли.

Мы осознаём дискуссионность данной статьи и готовы вступить в конструктивный научный диалог для развития поднятой здесь темы.

Список источников и литературы

1. Богуславский М. Борьба с детской беспризорностью в РСФСР // Красная Новь. – 1927. – № 8.
2. Войткевич И.Н. История беспризорности в России в 20-е годы XX века // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 2; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6002> (дата обращения: 30.08.2017).
3. Галагузова М.А. Социальная педагогика. – М., 2001.
4. Дармодехин С.В. Безнадзорность детей в России // Педагогика. – 2001. – № 5.
5. Детская беспризорность // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.
6. Детская беспризорность. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Детская_беспризорность (дата обращения: 30.08.2017).
7. Золотов Ю.М. Опыт подхода к проблеме наркотизма в 20-е годы XX века в России URL: [//www.edulib.ru](http://www.edulib.ru). (дата обращения: 06.09.2017 г.).
8. Из истории детской беспризорности в России //Военное обозрение. История. 2015. 1 июня. URL: <https://topwar.ru/75993-iz-istorii-detskoj-besprizornosti-v-rossii.html> (дата обращения: 05.09.2017 г.).
9. Кривоносов А.Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. – 2003. – № 7.
10. Криминология / Под ред. В.П. Гуляева. – М.: Юридическая литература, 1997.
11. Климантова Г.И., Федотовская Т.А. О профилактике беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации // Аналитический вестник. Сер. № 46 «Основные проблемы социального развития России». – 2002. – № 20 (176).
12. Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. – М.: Просвещение, 1925.

13. Педагогическая энциклопедия / Под ред. Н.В. Шаповалов. – М.: Наука, 1964. – Т. 1.
14. Подросток мигрант (Информация Московского городского центра «Дети улиц») // Социальное обеспечение. – 2002. – № 12.
15. Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. – 2000. – № 11.
16. Российская педагогическая энциклопедия / Под ред. д.п.н., проф. В.М. Константинова. – М.: Знание, 1993.
17. 1-я московская конференция по борьбе с беспризорностью. – М.: Изд-во «Работник просвещения», 1924.

Ляпин Денис Александрович
доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина», г. Елец,
e-mail: denis-l@mail.ru

НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVII В.: МЯТЕЖНИКИ У ВЛАСТИ¹

Аннотация. В 1648 и 1650 гг. в русских городах прошли волнения в поддержку сильной, единоличной власти царя. Волнения были своеобразной формой протеста, характерной для традиционного русского общества XVII в. Нам известны данные об одиннадцати городах и крепостях, где случились более-менее крупные выступления. В нескольких случаях мятежники захватили власть и управляли городом продолжительное время. Цель данной статьи показать, как было организовано это управление, какие методы использовали мятежники у власти, как им удавалось осуществлять свои властные функции.

Ключевые слова: народные волнения середины XVII в., мятеж, «круг», «мир», власть и общество, воевода.

1-4 июня 1648 г. в Москве вспыхнул мятеж, направленный против действующего правительства Б.И. Морозова и его методов реформирования страны. Мятеж имел большие последствия: десятки человек погибли, сотни пострадали, правительство ушло в отставку, а некоторые его члены были убиты. Буквально через 8 дней, 12 июня, мятеж вспыхнул в Козлове и Челнавском остроге (Козловский уезд), а затем в Соли Вычегодской (22 июня), Воронеже (25 июня), Сокольске (30 июня), Курске (5 июня) и Устюге (8 июля). В Томске мятежники находились у власти с апреля 1648 г. (в Москве узнали об этом только в сентябре 1648 г.) по февраль 1649 гг.

Прокатившиеся по городам мятежи, известные сегодня в науке как «городские восстания», подтолкнули правительство к созданию нового свода зако-

---

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) и администрации Липецкой области, проект № 16-11-48001 0/Ц

нов – Соборного Уложения и заставили изменить политику в отношении городских «миров», сделать ее более гибкой. Однако борьба боярских партий, развернувшаяся в Кремле в 1649 г., вызвала много слухов и сплетен в провинции. Люди говорили даже, что Алексей Михайлович бежал в Польшу, а страной правят коварные бояре. В результате в 1650 г. мятежи вспыхнули в Пскове (27-28 февраля), Новгороде (15 марта) и крепости Усмань (начало мая). Выступления в этих городах были направлены в поддержку сильной царской власти, против «предателей бояр».

Волнения середины XVII в. стали крупнейшими после Смутного времени народными выступлениями. В некоторых городах они принимали особенно печальный оборот и сопровождались убийствами и вооруженными столкновениями (Курск, Псков, Новгород). В нескольких городах мятежникам удалось надолго удержаться у власти.

В данной статье мы остановимся только на общей характеристике деятельности мятежников, находящихся у власти и организации ими собственных органов управления. В последнем случае уместно говорить о проявлении самоорганизации местного «мира», наиболее ярким примером подобного рода были народные ополчения 1611 и 1612 гг.

Будет ошибочным считать, что самоорганизация была присуща только отдельным социальным группам: оказавшиеся у власти мятежники, были представителями различных категорий населения. В этой связи необходимо подчеркнуть, что участники волнений не отстаивали интересы какой-либо отдельной сословной группы.

В советской историографии всегда большое внимание уделялось социальному «восставших», поскольку важно было показать «классовый антагонизм» русского общества XVII в. Очевидно, что на Юге России и в сибирском Томске главная и доминирующая роль принадлежала служилым людям, что было связано с их численным преобладанием и социальной активностью. На севере, в Пскове и Новгороде, – посадским людям, причем представителям среднего слоя (а вовсе не беднейшим слоям посада), поскольку они составляли также большинство населения [5].

Конечно, сегодня мы не должны ставить социальную, классовую принадлежность участников волнений «во главу угла» при оценке происходящих событий. Очевидно, что не «классовая» борьба была причиной выступлений середины XVII в. Цели участников мятежей были обусловлены борьбой в местном обществе или с попыткой отстранения воеводы. Волнения не были направлены против царя, и участники не стремились выдвигать значительных политических требований. Конечно, мятежники были недовольны политикой правительства Б.И. Морозова, но не царя Алексея Михайловича, носителя высшей власти в стране. Главной целью участников волнений была попытка показать власти свое недовольство сложившимися в стране обстоятельствами, ведь бунт был наиболее действенным способом выражения своего мнения и «функциональным явлением в жизни традиционного общества» [3, с. 325].

Борьба мятежников за власть обычно начиналась с создания организованной сплоченной группы, в состав которой входили не по социальному при-

знаку, а на основании личных связей и знакомств. Появление подобных групп было в это время распространенным явлением. Например, в Ельце борьба двух группировок за власть и влияние продолжалась почти на протяжении десяти лет. Она сопровождалась взаимными угрозами, подкупами воевод, челобитными в Москву [4].

Такие группы образовывались довольно часто, и в некоторых городах именно они стали инициаторами мятежей. Так было, например, в Козлове. Здесь группа во главе с сыном боярским И. Журовым в 1647 г. выступила инициатором написания коллективной челобитной от всего города против воеводы Р.Ф. Боборыкина. Разбирательство по этому делу закончилось только штрафом воеводы, тогда в 1648 г. образовалась вторая инициативная группа из шести стрельцов, во главе с местным сыном боярским Ю. Толмачевым, которая решила добиться смещения воеводы и его окружения. Они отправились в Москву, чтобы добиться своих целей, стали свидетелями июньского мятежа в столице и вернулись обратно ни с чем. Тогда было решено по примеру увиденного в Москве, устроить мятеж в Козлове, чтобы отстранить воеводу.

Каким образом, мятежники добились желаемого? Прежде всего, они организовали «круг», ставший главным органом их управления. Члены «круга» избирались из числа сторонников мятежа. Из документов мы знаем, что козловцы именовали мятежников «Юшка Толмачев со товарищи», следовательно, лидером оставался один Ю. Толмачев, а «круг» имел скорее исполнительные функции. Посеяв в городе панику, «смуту и грабеж», 11 июня 1648 г., мятежники добились бегства воеводы из города, и на два дня (до приезда нового воеводы), власть оказалась в их руках.

Посмотрим, каковы были действия мятежников, оказавшихся у власти в Козлове 11 июня 1648 г. С обеда до вечера они устраивали показательные акции, связанные с изъятием ценного имущества у части не примкнувшего к ним населения. Все ценное складировалось в общий «дуван», а затем Ю. Толмачев отдал приказ сжечь и испортить награбленное. Но когда «круг» начал исполнять это приказание, сторонники мятежа потребовали прекратить это уничтожение. Завязалась драка и с этого момента «Ю. Толмачев со товарищи» уже не контролировали происходившие события. К сожалению, что происходило в Козлове 12 июня, когда «круг» все еще формально находился у власти мы не знаем [2, с. 104; 13, л. 204-23]. Похожим образом, развивались события в Воронеже, Курске и Устюге. В Воронеже во главе мятежников стал полковой казак Г. Кривушин, а его товарищи в документах названы «заводчики» [14, л. 40-43; 15, л. 299].

В итоге в Козлове действия мятежников, ненадолго захвативших власть, вылились в грабеж, разбой и пьянство. В этом поведении следует видеть своеобразный карнавальный элемент, в котором бунт приобретал гротескные черты. Грабя простой народ, пьянствуя и бесчинствуя за чужой счет, они как бы копировали поведение царского окружения. Эта была своеобразная пародия на грабеж народа со стороны знати. Так было не только в Козлове, но и Воронеже, Устюге, Курске. Легализованное массовое гуляние было формой протеста, пародией на влиятельных членов правительства и их окружения.

Неслучайно в середине XVII в. получает широкое развитие народная сатира, которая целиком построена на пародийности. Такие произведения, как «Служба кабаку», «Повесть о Ерше Ершовиче», «Калязинская челобитная», «Сказание о куре и лисе», «Повесть о Шемякином суде» и другие памятники народного творчества XVII в., изображали явления политической и общественной жизни в форме гротеска, пародировали судопроизводство, социальные отношения, общественные явления [1]. В.П. Адрианова-Перетц отмечала в этой связи, что «пародия и сатира бывают сильны только тогда, когда они берут своим объектом не случайные, частные факты, а типические явления» [1, с. 125]. Иными словами, пародия в XVII в. создавалась в народной среде на характерные для своего времени обстоятельства. Следовательно, и в нашем случае мы можем предполагать, что сложившаяся практика управления в правительстве Б.И. Морозова и стала тем характерным явлением, которое послужило предметом пародии, вылившейся в мятежи.

Кроме того, важно отметить, что в середине XVII в. появилась, а затем в течении нескольких десятилетий приобрела свой окончательный вид, былина о боярском сыне Дюке Степановиче. По своей сути это произведение – сатира, высмеивающая московскую знать, в котором в изображены реалии жизни русской элиты [11, с. 441, 476, 489]. Для былины о Дюке, несмотря на реализм в изображении быта середины-второй половины XVII в., характерны черты гротеска и пародии, шуточного осмеяния действительности [11, с. 495, 504].

Вообще наличие игрового, «карнавального» элемента, включавшего в себя элементы игры и пародии, было характерно для народного сознания в XVI-XVIII вв., на это обстоятельство не раз указывали историки [10; 21; 7; 8]. Можно также вспомнить и о популярности в XVII в. различных перформативных актов, которые организовывались «по определенному сценарию и в определённой сценографии для воспроизводства и трансляции конкретных образов и символических значений» [20]. Изучая особенности русского бунта, В.Я. Мауль также отметил характерные для него «черты карнавального действия» [6, с. 38]. Итак, нет ничего удивительного, что в ряде городов мятежники, оказавшись у власти, устраивали грабежи и пьяный разгул. Следует учитывать, что в этом случае протест приобретал форму пародии.

Однако далеко не всегда мятежники, оказавшись у власти, использовали подобные формы протеста. Совсем иным был подход в тех случаях, когда бунтовщики управляли городом в течение долгого времени (Томск, Сокольск, Усмань, Псков, Новгород). В таких случаях они поддерживали порядок и дисциплину. В Томске мятежники арестовали одного воеводу О.И. Щербатого, но второй воевода И.Н. Бунаков, продолжал исполнять свои функции. Во время власти мятежников город жил обычной жизнью, а служилые люди продолжали пахать государственную десятинную пашню и выплачивать подати [9, с. 190-143]. Однако воевода И.Н. Бунаков все свои действия согласовывал с небольшой группой томичей (детей боярских и казаков), которые представляли интересы «мира».

30 июня 1648 г. в Сокольске воевода был отстранен решением «круга». С этого дня до 27 июля «круг» добросовестно управлял крепостью. Судя по до-

кументам, это был выборный орган из числа местного служилого населения. Интересно, что здесь не было единого лидера, который бы выделялся на фоне общей массы мятежников, как это было в Козлове. Если в Козлове «круг» исполнял приказы своего Ю. Толмачева, то в Сокольске «круг» имел большие властные полномочия и не подчинялся кому-то конкретному. Также как и в Томске, оказавшись у власти, мятежники не предпринимали никаких чрезвычайных мер. Сокольск продолжал жить обычной жизнью, пока жители ждали ответа на свою челобитную с оправданиями ареста воеводы, как коварного предателя интересов страны [15, л. 19].

В Усмани мятежники не стали арестовывать воеводу Е. Челищева (которого также считали предателем), а просто отказались ему подчиняться. Здесь все началось с появления группы недовольных, которых возглавили местные подьячие Г. Камбалов и Л. Матвеев. Они наладили делопроизводство без участия воеводы, отказавшись иметь с ним какие-либо отношения. Но воевода также писал распоряжения и жалобы в Москву («усманцы, де, учинились сильны, ходят и огуряюца, а меня ни в чем не слушают»). В итоге в городе сложилась двойственная ситуация: и мятежники и воевода отдавали распоряжения жителям. Когда усманцы выказали свое недовольство этим двоевластием, мятежники предложили организовать собрание для решения этой проблемы. Это собрание всех мужчин города-крепости имело полномочие высшего органа власти. Мятежники обращались к местному «миру», с просьбой признать их действия справедливыми. Показательно, что на встречу 9 июня 1650 г. приехали и представители уезда, но не был приглашен воевода Е. Челищев [16, л. 84-118, 150-151]. Собрание, в итоге, только усилило разобщенность сторон по поводу подчинения воеводе и двоевластие продолжилось.

В Пскове мятежное правительство оказалось заложником собственных ошибок и заблуждений. Оно прочно держалось у власти, но только в городе и благодаря обману населения, верившего в то, что Алексей Михайлович на их стороне, а они воюют с боярами, захватившими власть [17, л. 1-282]. Здесь из 300 человек, поднявших мятеж, выделились 50 «лучших людей». Со временем из них у власти оказались подьячий Томила Слепой и еще шесть посадских людей, которые заседали в Земской избе. Однако нельзя сказать, что эти люди целиком управляли городом. Документы свидетельствуют, что они обсуждали свои действия с представителями «мира» и старостами слобод. Стоит говорить, что «Томила Слепой со товарищи» занимались скорее делопроизводством и были исполнителями воли большинства. М.Н. Тихомиров справедливо отмечал, что «окончательным распорядителем и судьей всех больших политических вопросов в Пскове в это время был мирской сход или «мир», который официальной властью презрительно назывался «скоп» или «сонмище» [19, с. 79].

Интересно, что находясь у власти, мятежники часто применяли насилие, не считая это преступлением. Легитимация насилия наиболее ярко проявилось в Челнавском остроге, где пришедшее к власти «правительство» вынесло смертный приговор местному ростовщику 12 июня 1648 г. [12, л. 190-422]. Казнь прошла в торжественной обстановке, в присутствии «мира», под барабанный бой.

Тема насилия мятежников может стать предметом отдельного исследования. Рассматривая феномен «русского бунта», современные историки отмечают, что насилие – его обязательная составляющая [18, с. 190-200-201]. Для участников народных волнений допетровской Руси насилие было простым и верным способом демонстрации протеста, своеобразным посланием, адресованным как власти, так и «миру» вообще.

Придя к власти, мятежники не стремились к каким-то кардинальным преобразованиям. Существовавшая в России система управления продолжали работать, а нормы и правила социального устройства оставались неизменными. Иными словами, стрельцы и казаки продолжали исправно нести службу, крестьяне пахать, а посадские люди заниматься ремеслами и торговлей. Появившиеся органы власти («круг» или «мирской сход») носили временный характер и действовали до выяснения отношений с Москвой. Как только мятежники убеждались, что их действия в Москве не одобряют, а страхи относительно захвата власти предателями «злыми боярами» беспочвенны, они добровольно складывали с себя властные полномочия. Даже в Пскове, где начались вооруженные столкновения с присланными для устрашения войсками, мятежное «правительство» добровольно отказалось от власти.

Что касается органов управления мятежников, то они были выборными, хотя этот выбор был скорее формальностью, ведь, побеждали на них наиболее активные «заводчики» мятежа. Отношения «мира» и мятежной власти часто были непростыми, хотя мятежники формально отстаивали интересы «мира» и выступали как его защитники. Не все представители города и уезда были единыдушны в поддержке мятежной власти (исключение – Сокольск и Челнавский острог). Высшим органом власти в мятежном городе обычно был «круг» или собрание всего «мира». Здесь решались важнейшие вопросы, велись дискуссии и составлялись челобитные в Москву.

Таковыми были в общих чертах, действия и логика мятежников, захвативших власть в городах России в середине XVII в. Вероятно, этот интересный феномен был связан с традициями самоуправления, получавшими большой размах в Смутное время, но о которых у нас не так много сведений.

Список источников и литературы

1. Адрианова-Перетц В.П. У истоков русской сатиры // Русская демократическая сатира XVII века. – М., 1977. – С. 108-142.
2. Городские восстания в Московском государстве XVII в. Сборник документов. Составитель и автор предисловия К.В. Базилевич. – М.: Издательство ГПИБ, 2003. – 203 с.
3. Лурье С.В. Историческая этнология. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 448 с.
4. Ляпин Д.А. Новые документы о народных движениях на Юге России в середине XVII века (Волнения в Ельце в 1647-1648 гг.) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. – 2011. – № 4. – С. 58-65.
5. Ляпин Д.А. Социальный состав участников волнений в городах России в середине XVII в. // Русистика Руслана Скрынникова: сборник статей памяти

профессора Р.Г. Скрынникова, в честь его 80-летия / Под ред. Д. Свалка и И.О. Тюменцева. – Будапешт - Волгоград, 2011. – С. 207- 215.

6. Мауль В.Я. Харизма и бунт: психологическая природа народных движений в России XVI-XVII веков. – Томск: Издательство Томского университета, 2003. – 112 с.

7. Мухин О.Н. Феномен «игры в царя» в политической культуре России раннего Нового времени: психосоциальные корни // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 339. – С. 62-69.

8. Никишин В.О. К вопросу о феномене «игры в царя» // Ставропольский альманах российского общества интеллектуальной истории. – Вып. 14. – Ставрополь, 2014. – С. 126-136.

9. Покровский Н.Н. Российская власть и общество XVII-XVIII вв. – Новосибирск: Наука, 2005. – 448 с.

10. Полосин И.И. Игра в царя (отголоски Смуты в московском быту XVII в.) // Известия Тверского педагогического университета. – 1926. – Вып. 1. – С. 59-63.

11. Пропп В.Я. Русский героический эпос. – М.: Лабиринт, 1999. – 640 с.

12. РГАДА. Ф. 210. Д. 131. Л. 422.

13. РГАДА. Ф. 210. Д. 284. Оп. 1.

14. РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 167.

15. РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 270. Л. 19.

16. РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 296. Л. 84-118, 150-151.

17. РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 85. Л. 1-282.

18. Соловьев В.М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. – М.: ТИМР, 1994. – 220 с.

19. Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. – М.: Наука, 1969. – 446 с.

20. Топычканов А.В., Шамин С.М. Перворформативная культура русского двора XVII в.: литургические действия, выступления скоморохов и артистов, театр // Российская история. – 2016. – № 6. – С. 97-111.

21. Успенский Б.А. Этюды о русской истории. – СПб., 2002. – 475 с.

Ляпина Светлана Митрофановна

кандидат филологических наук,

ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет

имени И.А. Бунина», г. Елец,

e-mail: sveta-ship@mail.ru

СТРЕЛЕЦКИЙ БУНТ 1682 Г.: ИЗОБРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОГО СОБЫТИЯ В НАУЧНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С.М. СОЛОВЬЕВА И В.С. СОЛОВЬЕВА)

Аннотация. Стрелецкий бунт 1682 г. рассматривается историками и писателями, в основном, в контексте изучения биографии Петра I, в частности его детства. Однако это событие является одним из самых драматичных в русской истории второй половины XVII века. Результатом бунта, сопровождавшегося

убийствами членов правительства и царских родственников, стали важные политические события, в первую очередь – смена власти в стране. В данной статье предпринята попытка выявить особенности изображения стрелецкого бунта в работе выдающегося историка С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» и в историческом романе его сына, Вс.С. Соловьева «Царь-девица». Сравнительный текстологический анализ обнаруживает определенное сходство позиций двух авторов в интерпретации данного исторического события. Однако в художественном произведении Вс.С. Соловьева происходит несомненная демократизация области исторических исследований. Также очевидно, что Вс.С. Соловьев заимствует из трудов своего отца описание хода событий и выявление ключевых моментов бунта. В тоже время писатель дает альтернативную оценку действиям царевны Софьи, предпринимает попытку оправдать логику ее действий во время бунта, изображает многогранный психологический портрет царевны.

Ключевые слова: стрелецкий бунт 1682 г., Петр I, царевна Софья, С.М. Соловьев, Вс.С. Соловьев, исторический роман.

Стрелецкий бунт 1682 г. – одно из самых трагических событий в русской истории второй половины XVII в., в результате которого к власти, впервые в истории России Нового времени, пришла женщина – царевна Софья. Стрелецкий бунт стал результатом политического кризиса, наступившего после смерти царя Федора Алексеевича и вызванного борьбой за власть двух придворных «партий» - Нарышкиных и Милославских. Обе партии имели в этой борьбе сильные и слабые аргументы: Нарышкины (родственники второй жены царя Алексея Михайловича) хотели видеть на троне физически здорового и энергичного Петра, которому, однако, было всего девять лет; Милославские (родственники первой жены Алексея Михайловича) боролись за права на трон Ивана, достаточно взрослого (ему было 15 лет), но болезненного человека. Патриарх, бояре и московское общество склонялись к кандидатуре царевича Петра. Это противостояние и спровоцировало вооруженный конфликт, в результате которого власть захватили московские стрельцы, предъявившие правительству ряд экономических и религиозных требований. В ходе переговоров с восставшими на первый план выдвинулась фигура царевны Софьи, сумевшей восстановить порядок в столице и подавить стрелецкий бунт. В результате на троне оказались оба кандидата – Иван и Петр, а Софья получила реальную возможность управлять делами государства, чем она и воспользовалась, став регентом при братьях. Несмотря на то, что политическая обстановка достаточно быстро нормализовалась, кризис власти не был преодолен, а последствия стрелецкого бунта ощущались еще долго в различных частях страны [7].

События, происходившие во время стрелецкого бунта 1682 г., не раз оказывались в центре внимания историков и писателей, поскольку считаются очень значимыми при изучении раннего этапа жизни Петра I. Полагают, что бунт, сопровождавшийся жестокими убийствами и казнями, оказал сильное воздействие на психику впечатлительного монарха, на всю жизнь вызвал у него ненависть к стрельцам, к старине и даже к московскому Кремлю [6, с. 9]. Ни

одна биография первого российского императора не обходится без описания событий 1682 г., которые стали частью литературно-исторической традиции, своеобразным клише в культурно-историческом мифе о Петре Великом.

Как ни странно, научных работ, специально посвященных изучению бунта 1682 г., не так много. В числе общеизвестных можно назвать обобщающие работы советского историка В.И. Буганова, а также – сборник документов о бунте 1682 г. [3; 5]. Эта тема затрагивается А.П. Богдановым, автором работ по истории правления Федора Алексеевича и царевны Софьи [1; 2].

В центре внимания нашего исследования находится рассмотрение событий 1682 г. в интерпретации классика русской исторической науки С.М. Соловьева и его сына, писателя Вс. Соловьева. Мы проанализируем, как одно и то же историческое событие изображалось ученым и писателем, жившими примерно в одно время, во всяком случае, в одну историческую эпоху. На примере этого сопоставления мы сможем понять специфику изображения важных исторических событий в научном историческом и художественно-литературном («псевдоисторическом») аспектах. В последнее время подобные исследования получили большое распространение в работах таких ученых, как А.Ю. Сорочан, Е.В. Никольский, С.А. Васильева [12; 8; 4].

Историк С.М. Соловьев (1820-1879) внес выдающийся вклад в развитие русской исторической мысли. Его капитальный (29 томов) труд «История России с древнейших времен» (начало издания – 1851 г.) являлся фундаментом для исторических работ последующих поколений исследователей. Также С.М. Соловьев одним из первых в российской науке принципиально поставил вопрос о роли женщины в истории.

К писателю Вс.С. Соловьеву (1849-1903) успех пришел уже после публикации первого романа «Княжна Острожская» (1876). В дальнейшем почти каждый год автор представлял на суд читателей и критиков новые исторические произведения: «Юный император» (1877), «Капитан гренадерской роты» (1878), «Царь-девица» (1878), «Касимовская невеста» (1879), «Царское посольство» (1890), «Жених царевны» (1893) и др., а «80-е годы XIX века стали пиком славы Вс. Соловьева как писателя, его имя гремело по всей России, им зачитывались в великосветских салонах, в интеллигентских кругах, знала его и читающая публика попроще. Писатель достиг той цели, к которой упорно и настойчиво стремился: сделал русскую историю в ее художественном виде достоянием народа» [9, с. 75]. Хронология романов Вс.С. Соловьева охватывает, в основном, два века русской истории – семнадцатый и восемнадцатый.

Рассмотрим специфику изображения стрелецкого бунта в труде С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» и в историческом романе Вс.С. Соловьева «Царь-девица». В XIII томе «Истории России...» третья глава называется «Московская смута 1662 г.». В ней описываются события, результатом которых стал приход царевны Софьи к власти. С.М. Соловьев начинает излагать историю бунта с событий, произошедших еще до смерти Федора Алексеевича, когда, по его мнению, большинство бояр и московских людей выступили в поддержку Нарышкиных и малолетнего Петра. При этом он использует поздние источники, относящиеся к началу XVIII в. Затем историк переходит к

описанию коварства Милославских, которые стали подкупать деньгами нужных людей, чтобы заручиться их поддержкой и поднять народ на смуту.

Таким было положение дел в государстве, когда умер болезненный царь Федор. Все попытки Милославских посадить на престол Ивана оказались тщетны, девятилетний Петр был провозглашен царем, и к власти пришли Нарышкины. «Ненавистная мачеха будет правительницей – эта мысль душила Софью; она не могла выдерживать, притворяться, да и никакое притворство теперь не могло помочь», - отмечает С.М. Соловьев [11, с. 348].

Именно Софья решила спровоцировать конфликт и обратилась за помощью к стрельцам: «Рассчитывать на спокойную безоружную массу было нельзя, и потому (Софья и Милославские – С.Л.) обратились к стрельцам, уже подготовленным к движению. Мы знаем, что в то время, когда сильный, облеченный властью человек стремился прежде всего кормиться на счет слабого, подчиненного, употреблять его на свою личную службу, жалобы приходили не от одних посадских, притесняемых воеводами, но и от служилых людей, притесняемых своими воеводами, и потому нам несколько не будет удивительно, что и стрельцы, и солдаты в конце царствования Феодора жаловались на притеснения того или другого из своих полковников» [11, с. 349]. Так Софья воспользовалась недовольством стрельцов и подняла их на бунт против своих врагов – Нарышкиных.

В романе Вс.С. Соловьева «Царь-девица» Софья также выступает главным зачинщиком бунта, она подговаривает стрельцов к вооруженному выступлению против Нарышкиных [10, с. 298]. Однако ею движет не столько стремление к власти, сколько желание обезопасить себя и своих близких от жестокой и мстительной мачехи – Натальи Кирилловны Нарышкиной. «Ненависть Натальи Кирилловны и Нарышкиных за это последнее время обид и притеснений должна была только увеличиться, и если прежде царевна и Милославские в случае торжества Нарышкинской партии ожидали себе бед и несчастий, то теперь уж им грозила окончательная гибель», - пишет Вс.С. Соловьев [10, с. 298]. Именно естественное желание спастись от верной гибели, а не коварство, соединившееся с умом и хитростью, заставили Софью действовать, толкнули ее на путь подстрекательства к бунту. Нарышкиным же не хватило политической грамотности и способностей, чтобы предотвратить начинающуюся смуту. Мы понимаем, что симпатии писателя явно на стороне Софьи, он оправдывает ее действия, возлагая вину на Нарышкиных, преследовавших несчастную царевну и ее родню и поставивших ее, в конечном итоге, своими действиями в безвыходное положение.

Следующим ключевым моментом в рамках воссоздания событий 1682 г. являются взаимоотношения Софьи и стрельцов. С.М. Соловьев уделяет в своей работе много места описанию конфликта стрельцов с властью, перечислению их жалоб и требований к правительству. Он считает, что именно в этом были главные причины восстания, а «хитроумная» Софья только воспользовалась моментом. Для Вс.С. Соловьева причиной популярности Софьи у стрельцов были ее личные качества: обаяние и умение разбираться в людях, а также сострадание, которую она вызывала своим плачевным положением. «Придет вре-

мя лютое, погубят меня злые люди...», - жаловалась она своим приближенным людям [10, с. 300].

С.М. Соловьев отмечает, что бунт начали низы стрельцкого общества: «Получивши над полковниками свою волю, стрельцы разнуздались, не чувствуя над собою никакой силы; стали ежедневно собираться многолюдными толпами у своих съезжих изб, бояр своих, князей Долгоруких, ставили ни во что, смеялись над ними, грозили; тем меньше уже стали они уважать начальников второстепенных этих просто отгоняли от своих съезжих изб, бросали в них камнями, палками, бранили непристойными словами» [11, с. 353]. В романе Вс.С. Соловьева ситуация представлена совсем в ином свете: Софья переманивает на свою сторону стрельцких полковников, а уже те оказывают решающее влияние на своих подчиненных. Логику романиста нетрудно понять, ведь на самом деле Софья могла убедить подняться на бунт всего нескольких человек, но не огромную толпу стрельцов. В личных встречах со стрельцкими полковниками мудрая Софья проявила свои лучшие качества, включая и женское обаяние.

Центральное место и в романе и историческом произведении занимает описание самого стрельцкого бунта. У С.М. Соловьева оно вполне традиционно для исторических работ того времени. Здесь уже не упоминается царевна Софья, действующей силой бунта является мятежная толпа «разнузданных» стрельцов. В романе Вс.С. Соловьева, напротив, именно Софья играет важную роль в бунте, она изображена не просто как несчастная, загнанная в угол страдальца, а как умелый и удачливый политик.

Однако и в романе события развиваются непредсказуемо для Софьи. Напряженным моментом становится разоблачение обмана об отравлении царевича Ивана, в чем стрельцы были уверены, поднявшись на бунт. Но увидев живого и невредимого царевича, стрельцы опешили: «Что ж это? Дело-то неладно – чего ж нас подняли? Изменники-то, видно, те, кто обманули нас!...» [10, с. 362]. Софья оказывается в непростой ситуации, поняв, что может проиграть, если пристыженные стрельцы разойдутся по домам («...и чем их в другой раз оттуда выманишь!»). В последний момент ей приходит в голову новая мысль: выкатить им бочки вина и пива, «перепьются... тогда их легко опять будет направить!» [10, с. 362-363].

Следует заметить, что также события разворачиваются и под пером историка С.М. Соловьева. Скорее всего, Всеволод заимствовал описание событий из работы своего отца, придав им только литературно-художественную обработку. Вот как описывает С.М. Соловьев последствия того, что стрельцы обнаружили живого и невредимого Ивана: «Это была страшная, решительная минута для заговора. Стрельцы обезоруживались. Уйдут с позором из Кремля, и в другой раз их уже трудно будет привести туда на ту же удочку, а между тем Матвеев примет свои меры. Начали поджигать толпу отчаянными средствами, кричать, что хотя царевич и жив, но все же пусть выдадут его недоброхотов, Матвеева и Нарышкиных; кричали, что Иван Нарышкин примеривал на себя корону и разные царские украшения» [11, с. 356-357]. Отличие этого эпизода от текста романа заключается в том, что у С.М. Соловьева ничего не сообщается об идее Софьи

напоить стрельцов пивом и вином и таким образом поднять на смуту. Затем оба автора переходят к описанию того, как бояре и патриарх уговаривали стрельцов разойтись по домам и не бунтовать. Вс.С. Соловьев при этом использует прием пространных монологов, обращенных к стрельцам, историк же старается свести речи своих героев к минимуму.

Оба автора подробно останавливаются на трагическом моменте, когда пролилась первая кровь, считая виновным в этом начальника стрельцов М.Ю. Долгорукова. С.М. Соловьев пишет: «Князь Михайла Долгорукий, о котором не было слышно во все продолжение страшной смуты, тогда как его было дело не допускать до этой смуты, теперь, когда стрельцы находились в затруднительном положении, пришедши по нелепому слуху в Кремль ко дворцу, и когда были утишены Матвеевым, теперь князь Михайла вздумал разыграть пред ними начальника: с бранью и угрозами начал он на них кричать, приказывая сейчас же убираться из Кремля в свои полки. Ничто не могло так раздражить разнуздавшихся стрельцов, как этот старый начальнический тон, и, что было всего хуже, этот начальнический тон принимал человек, которого они не любили и не уважали, над которым привыкли смеяться. Стрельцы вышли из себя, вломились на крыльцо, схватили Долгорукого и сбросили его вниз на подставленные копыя, полумертвого изрубили бердышами» [11, с. 357-358].

Точно также разворачиваются события романа: «Бунт снова вспыхнул, благодаря безрассудству стрелецкого начальника, князя Михаила Юрьевича Долгорукого, того самого, которого стрельцы издавна ненавидели, над которым так часто в последние дни смеялись. До сих пор о нем не было ни слуху ни духу, он ни во что не вступался, стрельцам на глаза не показывался. Ни одного усилия он не сделал для их усмирения, а вот теперь, увидя, что Матвееву, наконец, удалось их успокоить, что они сейчас будут расходиться, он вдруг вышел на площадь и пожелал напомнить им, что он их начальник» [10, с. 366]. Далее в романе следует сцена с не существовавшими в действительности подстрекательствами князя Хованского и трагический монолог Долгорукого, за которым следует его гибель.

Более показательно для нас описание гибели боярина А.С. Матвеева, последовавшее после убийства Долгорукого. С.М. Соловьев описывает события довольно скупно: «Царица и князь Михаил Алегукович Черкасский хотели было защитить его; но стрельцы вырвали у них Матвеева и сбросили на площадь против Благовещенского собора: тут изрубили его на мелкие части. По другим известиям, Матвеев, чтоб защитить себя, схватил под руку царя Петра, но стрельцы вырвали его из-под руки царской» [11, с. 358]. Необходимо добавить, что С.М. Соловьев восхищался личностью Петра I, называл юного царя «огненным» мальчиком, который впоследствии вырос и захотел сам править государством.

Вс.С. Соловьев берет за основу сюжета версию о том, что Матвеев схватил за руку царевича Петра. По сообщению историка, это сделано испуганным боярином в качестве средства возможной защиты, в реальность этого события сам С.М. Соловьев, видимо, не особенно верил, сообщая это в качестве вторичных сведений. Вс.С. Соловьев использует именно эту версию, чтобы показать

сильный характер Петра и истоки его ненависти к стрельцам. Когда на площади раздались крики «Поддай нам Матвеева!», стоящие на крыльце бояре и царевна пришли в ужас. А.С. Матвеев кинулся было за спины стоявших, но стрельцы схватили его. Только девятилетний Петр, без страха наблюдавший за происходящим, крикнул стрельцу: «Иди, не трогай!», и сам взял А.С. Матвеева за руку, но «стрелец не задумываясь ни на мгновение, отбросил царя» [10, с. 368].

В этой сцене мы видим ярко выраженный символический подтекст. Юный Петр сохраняет самообладание и спокойствие, он не боится стрельцов и один пытается спасти так много сделавшего для семьи Нарышкиных А.С. Матвеева. Однако «не задумываясь ни на мгновение», разгоряченный пролитой кровью стрелец отталкивает царя в сторону. Эта, возможно, вымышленная сцена показывает, что обманутые стрельцы не думали о будущем, не понимали, что слабоумный и болезненный Иван, за которого они выступали, все равно никогда не будет полноценным царем и их защитником. Так или иначе, именно сильный духом и телом Петр окажется у власти, и поэтому весь этот бунт, в котором они действовали, «не задумываясь ни на мгновение», получит неизбежное возмездие. Что и случилось в конечном итоге в 1698 г., когда Петр устроил массовую стрелецкую казнь, предварительно спровоцировав стрельцов на проявление недовольства отправкой в далекий Азов. Сцена отталкивания Петра, «отречение» от него, символизирует недалекость стрельцов и их неизбежную гибель в будущем от рук грозного самодержца.

После гибели А.С. Матвеева к бунтовщикам намеревался обратиться патриарх Иоаким. В описании этой сцены особенно явно проявляется текстологическое и фактологическое заимствование Вс. Соловьевым из трудов отца:

С.М. Соловьев

Патриарх хотел было сойти
к стрельцам вниз, но ему закричали:
«Не нужно нам ни от кого
никаких советов
время разбирать,
кто нам надобен!» [11, с. 358].

Вс.С. Соловьев

В эту минуту на крыльце
показался патриарх...
«Уходи, нечего нам тебя слушать,
не нужно нам ничьих советов!
Сами теперь знаем,
кто нам люб,
а кто не годен...» [10, с. 370].

Перечислением бесчинств стрельцов во дворце и в домах сторонников Нарышкиных заканчивается описание событий, произошедших 15 мая 1682 г., в «Истории России...». Вс. Соловьев добавляет к событиям этого дня драматическую сцену о страданиях главной героини романа Любы Кадашевой над телом ее убитого жениха, стрелецкого полковника Малыгина, который пытался заступиться за А.С. Матвеева.

16 мая 1682 г. стрельцы стали требовать выдать им для казни И.К. Нарышкина, родного брата царицы. С.М. Соловьев пишет, что вина в его гибели не лежит исключительно на Софье: «Нет никакой нужды предполагать непременно, чтоб Софья и Милославский с товарищами не хотели успокоиться, пока Иван Нарышкин был в живых, что они до такой степени были озлоблены

выходками молодого человека, выдававшегося вперед из всей фамилии, но не могшего быть опасным по личным достоинствам» [11, с. 360]. Далее С.М. Соловьев описывает трагическую сцену прощания царицы с братом: «Царевна Софья резко сказала царице Наталье: «Брату твоему не отбыть от стрельцов; не погибать же нам всем за него!» Перетрусившиеся бояре со слезами просили царицу выдать брата и тем избавить их от смерти. Делать было нечего: Нарышкина вывели из его убежища и привели в церковь Спаса за Золотою решеткою; здесь его исповедали, приобщили, особоровали; по совету Софьи ему дали держать перед собою образ богородицы: быть может, убийцы постыдятся святыни? Началось страшное прощание сестры с братом, которого вели на мучительную смерть» [11, с. 361]. Как мы видим, именно Софья посоветовала Ивану взять для защиты икону с образом Богородицы, что признает историк.

Вс.С. Соловьев описывает события несколько иначе. В романе «Царь-девица» стрельцы, «опьяненные вином и кровью», хозяйничают во Дворце и убивают всех подряд. Затем начинается совещание Софьи, Хованского, Голицына и Милославского, где они решают, как действовать дальше. На этом выдуманном автором совещании Софья противится идее казни Нарышкиных и своего главного врага – И.К. Нарышкина. Она предлагает дать им возможность бежать из Москвы или уйти в монастырь. Но бунт принимает стихийный оборот, Софья испытывает страх перед обезумевшей толпой и выдает Ивана Нарышкина стрельцам для расправы [10, с. 392-393]. Изображение этого события в двух произведениях полностью совпадает:

С.М. Соловьев

Царевна Софья резко сказала
царице Наталье:
«Брату твоему не отбыть,
от стрельцов не погибать
же нам всем за него!»

Вс.С. Соловьев

Царевна отправилась
к Наталье Кирилловне.
- Что ж это, матушка... долго ли
нам мучиться, долго ли ежеминутно
смерти ждать... не погибать же нам
всем за него!

В сочинении С.М. Соловьева требование Софьи характеризует ее коварную натуру и желание воспользоваться бунтом, который она сама и спровоцировала. В романе Вс.С. Соловьева Софья боится за жизнь своих близких, которые могут пострадать из-за нападения разозленной толпы.

После смерти И.К. Нарышкина, к которому оба автора отнеслись с одинаковым сочувствием, бунт стрельцов пошел на спад. Вс. Соловьев в XVI главе романа описывает события последних дней бунта, вплоть до провозглашения правления двух царей, следуя в этом за своим предшественником, С.М. Соловьевым. У него Софья уже действует как полновластная правительница и сильно гневается на стрельцов, когда те требуют еще выплаты огромных сумм жалования. Провозглашение же двух царей на троне было заранее спланированной акцией Софьи и ее окружения, в этом не сомневаются оба автора.

В момент торжества Софьи Вс.С. Соловьев предсказывает неизбежную гибель царевны. В уста своей героини Любы Кадашевой он вкладывает обвине-

ния Софьи в гибели безвинных людей, упреки в личных амбициях и предрекает неотвратимость божественного наказания. Удел Софьи – молиться Богу, а не правит страной, поскольку слишком на многие жертвы ей пришлось пойти, даже ради спасения себя и семьи от злой мачехи [10, с. 404].

Таким образом, мы показали особенности изображения исторического события, в частности стрелецкого бунта 1682 г., в научной работе и литературном произведении. Опыт подобных сопоставлений весьма полезен, поскольку позволяет оценить степень влияния научно-исторической литературы на романистику. Если говорить об авторской позиции двух произведений, то очевидно, что Вс.С. Соловьев пытается понять мотивы поведения Софьи и оправдать ее действия, у него более пристрастное отношение к личности царевны. С.М. Соловьев более принципиален и считает Софью виновницей произошедших в Москве кровавых событий. Историк объясняет поступки Софьи инстинктом самосохранения: по традициям и законам того времени царским дочерям отводилась роль сначала теремной, а позже – монастырской затворницы. Софья не захотела мириться с такой судьбой и активно стремилась к власти, что автоматически давало ей независимость и свободу действий. Кроме того, Софья оказалась на престоле, по убеждению С.М. Соловьева, потому, что в пространстве власти в то время не было более достойной фигуры для управления страной: «Царевны управляли Россией! Софья выдвинулась сама собою на первый план, и никто ей не мешал: это было единственное лицо из царского дома, которое хотело управлять, и все волею-неволею обращалось к ней» [11, с. 363].

Конечно, самым авторитетным и доступным материалом при написании романа «Царь-девица» и несомненным источником идей и образов для Вс. Соловьева были труды его отца. Поэтому можно отметить очевидные текстологические и фактические реминисценции в художественном тексте романиста из произведений историка. Значительная часть текста романа, в которой описывается бунт и его ключевые моменты, фактически заимствована из труда С.М. Соловьева.

В своих произведениях Вс.С. Соловьев выступает в роли просветителя, излагающего в доступной массовому читателю форме научные сведения по истории России. Разделяя суждения некоторых историков – представителей «государственной школы», в том числе и С.М. Соловьева, считавшего, что судьбы державы вершили великие государственные деятели, Вс. Соловьев главное внимание в своих романах уделяет носителям государственного начала. По нашему мнению, в своих исторических романах Вс.С. Соловьев отражает художественную интерпретацию исторической доктрины своего отца, С.М. Соловьева.

Список источников и литературы

1. Богданов А.П. В тени Пера Великого. – М.: Армада, 1998. – 330 с.
2. Богданов А.П. Царевна Софья и Петр. Драма Софии. – М.: Вече, 2008. – 352 с.
3. Буганов В.И. Очерки классовой борьбы в России XI-XVIII вв. – М.: Просвещение, 1986. – 237 с.

4. Васильева С.А. Творчество Вс.С. Соловьева и проблемы массовой литературы: Дис. ... д-ра филол. наук. – Тверь, 2009.
5. Восстание в Москве. Сборник документов. – М.: Наука, 1976.
6. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. – Ч. 4. – М.: Мысль, 1989. – 398 с.
7. Ляпин Д.А. Народные волнения в Воронеже в 1685 г. // Исторические записки ВГУ. – 2010. – Вып. 14. – С. 139-144.
8. Никольский Е.В. Романы Всеволода Соловьева: осмысление истории, поэтика жанра: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.
9. Сахаров А.Н. Историческая сага Всеволода Соловьева // Вопросы истории. – 2003. – № 9. – С. 75.
10. Соловьев Вс. Царь-девица: Собр. соч.: В 9 т. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. – Т. 1. – 496 с.
11. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. 1676-1703. Кн. VII. – М. - Харьков: АСТ, 2002. – 896 с.
12. Сорочан А.Ю. «Квазиисторический роман» в русской литературе XIX века. Д.Л. Мордовцев: монография. – Тверь: Марина, 2007. – 224 с.

Мунжукова Светлана Игоревна

аспирантка,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет», г. Санкт-Петербург,
e-mail: magist.spbu.2016@gmail.com

Петров Иван Васильевич

кандидат исторических наук,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет», г. Санкт-Петербург,
e-mail: ivanpet1990@hotmail.com

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И СТОЛЫПИНСКИХ РЕФОРМ НА СЕЛЬСКУЮ ЖИЗНЬ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО МЕМУАРАМ Б.А. ЭНГЕЛЬГАРДТА)¹

Аннотация. Борис Александрович Энгельгардт, будучи дворянином, офицером и помещиком, отразил в своих воспоминаниях наиболее важные и переломные моменты нашей истории. Революционные события 1905 – 1907 годов потрясли его до глубины души и, выйдя в отставку, он активно включился в работу земства и в устройство хозяйства в своем имении. Поэтому описание деревни Смоленской губернии и взаимоотношений ее жителей в мемуарах этого дворянина могут служить яркой картиной тех революционных лет.

Ключевые слова: Б.А. Энгельгардт, революция 1905-1907, столыпинская реформа, крестьянство

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ а1, № 17-31-00004 «Потонувший мир» Б.А. Энгельгардта, как зеркало российской истории рубежа XIX-XX веков».

Борис Александрович Энгельгардт – яркая и неординарная личность, чья жизнь была связана с переломным периодом истории России. Представитель древнего дворянского рода, выходец из Смоленщины, он успел увидеть и стать непосредственным участником множества судьбоносных событий тех лет, ведь на его глазах разворачивалась Русско-японская война, революционные события 1905-1907 гг., Первая Мировая война, к тому же после февраля 1917 г. он, будучи депутатом Государственной Думы, стал первым революционным комендантом Петрограда, а затем сполна ощутил на себе все невзгоды эмигрантской жизни и советского правосудия.

Важнейшие события своего жизненного пути с начала правления императора Николая II и до окончания основной фазы Белой борьбы на фронтах Гражданской войны легли в основу воспоминаний Бориса Александровича. Его мемуары посвящены периоду с 1890-х гг. до начала 1920-х гг. Хочется особо заметить, что воспоминания эти, к большому нашему сожалению, до сих пор не были опубликованы полностью, с должными и обширными комментариями, и в свет выходили лишь некоторые разрозненные отрывки в виде небольших статей [1, 3]. Также важно отметить, что воспоминания Энгельгардта имеют только несколько установленных редакций, некоторые их части разбросаны по другим государствам, в частности находятся в Латвии, и окончательное их сопоставление еще предстоит сделать (о судьбе мемуаров нами уже было написано отдельно [2]).

Наиболее примечательна часть воспоминаний, касающаяся вопроса восприятия населением провинции важнейших событий правления Николая II. Автор подробно останавливается на реакции населения на Русско-японскую войну, отголоски революционных событий 1905-1907 гг., попытки решения крестьянского вопроса в ходе столыпинской аграрной реформы, крестьянские выступления, революционный террор и, наконец, события 1917 г. Необходимо отметить, что в своих воспоминаниях Энгельгардт выступает в большей степени как сторонний наблюдатель происходящего процесса, а не в роли представителя знатного дворянского рода или же как право-центристский депутат Думы. Именно на рассмотрении отношения Энгельгардта к крестьянскому вопросу, а также объяснении как он пришел к участию в жизни крестьян мы остановимся в данной статье.

Своеобразным исходным пунктом, с которого мы начнем наше рассмотрение точки зрения Энгельгардта на революционные события, станет Русско-японская война, послужившая известным катализатором многих, если не всех, революционных событий 1905-1907 гг. Впоследствии, уже работая над своими воспоминаниями, Энгельгардт в какой то мере оправдывает свое участие в войнах и объясняет свое пристрастие к военной службе, причем объяснение это, по прошествии времени, носит уже некий нивелирующий характер: «В начале своих воспоминаний я писал, что не представлял себе другой судьбы, кроме военной. Однако это не означает, что я действительно любил сущность военной службы, т.е. обучение солдат, строевые упражнения, начиная с маршировки и ружейных приемов, вплоть до маневров. На деле я любил лишь внешнюю при-

влекательность военной службы: внешние отличия, необременительность работы, много свободного времени, используемого в удовольствиях, товарищеских и светских развлечениях, в спорте, в ухаживаниях за женщинами. Но кроме всего этого, меня привлекала и внутренняя красота военного дела» [4, л. 1].

Однако же следующие строчки воспоминаний Бориса Александровича Энгельгардта уже в гораздо большей степени говорят о его патриотизме, желании послужить своему делу, причем находясь не на относительно безопасной штабной должности, а непосредственно на линии огня. Лишь потом, после этой трагичной для России войны, помимо красоты и жертвенности в понимании Энгельгардта война представляется еще и как грязь, грубость, жестокость и смерть.

Уже тогда, по пути на фронт, он видел некие зачатки грядущей опасности, назревавшего революционного процесса. К примеру, отправляясь до Иркутска на курьерском поезде он отметил иное, по сравнению с офицерским, настроение местных железнодорожников: «Курьерский поезд, в котором мы ехали до Иркутска, носил на себе еще отпечаток столичных порядков, но перевалив уже через Уральский хребет, я увидел на станциях другие настроения, услышал другие разговоры. Железнодорожные служащие открыто выражали недовольство порядками и своим служебным положением. Через год я вспомнил эти разговоры, когда началась железнодорожная забастовка на Сибирской магистрали» [4, л. 3].

Из приведенной выше цитаты видно, что автор воспоминаний уже тогда отчетливо запомнил предпосылки надвигающейся катастрофы, свидетельствующей о зреющем в народе неприязненном отношении к внутренней политике государя, а также о своеобразном диссонансе между настроениями в столицах, как казалось тогда Энгельгардту, более воодушевленных и уж точно более патриотичных, и скепсисе за Уралом. Тоже самое он отметил и столкнувшись с офицерами, вызванными на фронт из запаса. Невероятная распушенность, отсутствие должного настроя и в прямом смысле слова проявление трусости были для этой части Русской Императорской армии обычным делом.

По мере описания событий Русско-японской войны тяжелые настроения в сердце Энгельгардта только усиливались. Как истовый патриот своего отечества он не только стал замечать все большую разницу в настроениях отдельных частей общества, но и осознавал глубочайшую пропасть между желаниями большого числа поданных Российской Империи и руководства страны, не желавшего пойти даже на некие «терапевтические» уступки обществу.

Следующим важным прозрением, возникшим у Бориса Александровича, стали события 9 января 1905 г. В конце 1904 г. с фронта он, командир эскадрона 2-го Нерчинского полка, вернулся после ранения в Россию. На момент самих событий 9 января Энгельгардт находился в деревне, однако до него сразу дошли новости из столицы: «9 января 1905 года загревели выстрелы на Дворцовой площади. Я получил известие об этом, находясь в деревне и оно глубоко возмутило. Я был убежден, что большинство рабочих, направлявшихся ко дворцу не с революционными стремлениями, а с надеждой, что будут выслушаны их жалобы и просьбы. Их встретили пальбой, и эта пальба казалась мне не только не-

нужной жестокостью, а грубейшей ошибкой царского правительства, подрывавшие доверие народа к царю» [4, л. 18-19].

Конечно, сложно сейчас установить доподлинное отношение нашего героя к трагедии 9 января, ведь он писал свои воспоминания совсем в других реалиях и учитывал столь сильно изменившуюся конъюнктуру, понимая сложность реального описания отношения к тем событиям. Но ясно одно: в голове доблестного, только что вернувшегося с фронта офицера четко сложилось мнение о том, что в тылу, в столице Империи правительство не справляется со своими прямыми обязанностями и все жестче подавляет любые, даже самые миролюбивые выступления.

Еще больше он был поражен тем, что в водоворотах петербургской светской жизни мало отпечатались жестокое подавление мирной демонстрации. Светский Петербург жил по своим законам, причем практически одинаково его представителям были чужды и переживания по поводу военных неудач России на войне, и трагические события в самом городе. Взирая на подобное положение вещей, немного оправившись, а также узнав о сдаче Порт-Артура, Энгельгардт снова отправился на фронт.

Здесь же царили настроения близкие к возникшему позже термину «пораженчество». Армия была готова отражать атаки, но никак не наступать и уж тем более победоносно окончить войну. Вот как о подобном настроении говорится у Бориса Александровича: «В течении лета пятого года в армии царило убеждение, что мы достаточно сильны, но только для того, чтобы отразить атаки японцев, не сможем сами прорвать их фронт. Однако ни та, ни другая не делали попыток на это. Утомление войной сказывалось и, когда начались мирные переговоры, к ним отнеслись как-то спокойно» [4, л. 20]. В то же время Энгельгардт сетует, что условие самих мирных переговоров оставили в нем, как и в обществе глубокий след.

Более того, он сформулировал очень глубокую, отражающую настроение во всем обществе мысль, в которой было слито его отношение как к проигранной войне, так и к разразившейся революции: «Все, что мне пришлось видеть и слышать в течении почти двухлетней войны, начиная с ее объявления в Зимнем дворце, переезд через всю Сибирь, впечатления боевых действий, распоряжения начальства, залпы на Дворцовой площади 9-го января 1905 года, революционное движение в столицах – все оставило во мне глубокий след и заставило глубже задуматься над общим положением дел в стране. Я не заразился революционными идеями, но в моем отношении к верховной власти, отношении заложенном еще в Пажеском корпусе, произошли большие сдвиги. Появилось недоверие к нашей иерархии, как военной, так и гражданской, генеральский авторитет, обоснованный лишь отличиями на погонах, утратил всякое значение. Зародилась склонность к критике» [4, л. 21].

Пожалуй, это один из ключевых моментов для понимания того как Борис Александрович сумел изменить свое собственное отношение к политической системе в стране. Мы видим, что он остался патриотом, однако же теперь, с 1905 г., его ранее слепой, пажеско-офицерский патриотизм натолкнулся на суровую и порой очень неприятную действительность, в которой было в букваль-

ном смысле слова все: и предательство, и разница между чаяниями начальства и подчиненных, и постепенно растущее неуважение и неприятие действующей власти. Примечательно, что Энгельгардт впоследствии отметил, что находясь во французском санатории, он рассказал французскому офицеру о происходящем в последние два года в России, на что последний справедливо заметил, что Энгельгардт «слишком откровенен для солдата».

Следующие революционные события отразились в памяти Энгельгардта уже его после выхода в отставку в 1907 г. в момент пребывания в имении умершего отца на Могилевщине. Самые крупные террористические акты 1905-1906 гг. прошли мимо семьи Энгельгардтов, но некоторые, дошедшие до глубинки события, произошли у них на глазах. Так, в смоленском театре, во время выступления известной столичной певицы, молодой гимназист убил местного земского начальника, ранил полицмейстера и был убит сам. Было установлено, что гимназист питал какую-то сложно объяснимую личную неприязнь к убитому и давно обещал расправиться с ним [5, л. 4-5]. Брат Энгельгардта не только в тот день присутствовал в театре, но и оживленно беседовал с Евгенией Ивановой Кроллау, женой убитого земского начальника. Трагедия произошла в буквальном смысле у нее на глазах.

По-иному тот период воспринимался в сельской местности. Энгельгардт отмечает, что у его семьи не было каких-либо существенных разногласий с крестьянами. К примеру, он отмечает, что в день празднования Пасхи соблюдался обычай «христосывания», когда крестьяне приносили дворянам пасхальные яйца, а те угощали их водкой и селедкой, что может послужить хорошей демонстрацией доверительного отношения между кажущихся антагонистическими частями российского общества тех лет.

Существенную роль семья Энгельгардтов играла и в деле народного образования: ими содержалась школа, была развита благотворительность в вопросе обеспечения учителей и учеников необходимыми предметами быта и едой. Семья, по словам самого Энгельгардта, не терпела каких-либо притязаний со стороны местного крестьянского населения, что было довольно редким явлением в те годы.

Другой вопрос, также очень подробно рассмотренный на страницах воспоминаний Бориса Александровича, заключается в том как воспринимал простой крестьянский люд готовящиеся реформы в области сельского хозяйства, в особенности знаменитую столыпинскую аграрную реформу. Здесь мнение автора воспоминаний выражено четко и определенно, к тому же оно имеет достаточно объективный и взвешенный характер, опирается на собственное видение и участие в политическом процессе.

Сам Б.А. Энгельгардт отмечает, что еще в период 1905-1906 гг., на фоне политического кризиса и неутрахающих волнений, и в среде политического руководства страны возникали идеи аграрной реформы, вплоть до радикальной передачи помещичьей земли в руки крестьян. Однако по мере того, как крестьянское недовольство стало сходиться на нет, правительство тут же стало отказываться и от своих смелых предложений, оттягивая окончательное решение земельного вопроса в долгий ящик.

В ином ключе решение данной многовековой дилеммы видели крупные землевладельцы. С точки зрения Энгельгардта, они были заинтересованы в том, чтобы с одной стороны не допустить принудительного отчуждения, а с другой стороны, понимая опасность нерешенности крестьянского вопроса, готовы были пойти на некоторые уступки. Энгельгардт, с нашей точки зрения, достаточно справедливо замечает, что и сами крестьяне уважительно относились к тем землевладельцам у которых можно было получить достойный заработок. Однако Борис Александрович также фиксирует диаметрально противоположное отношение к другой части землевладельцев: «Более враждебным было отношение к владельцам, которых они видели при уплате аренды. Поэтому среди владельцев культурных хозяйств рождались планы более высокого обложения налогами арендуемых имений с тем, чтобы таким образом побудить владельцев продавать свои земли. Такие планы встречали возражение, что с увеличением налога владельцы увеличат и арендную плату так, что налог в результате ляжет на плечи крестьян. Подобные случаи могли иметь место, но, в общем, такая мера несомненно сказала бы на переходе земель в хозяйские руки» [5, л. 9].

Описывая реакцию крестьянства на аграрную реформу П.А. Столыпина, Энгельгардт отмечает, что было создано около двух миллионов хуторских хозяйств, при том, что осталось около 20 миллионов хозяйств общинников. В связи с этим возникла зависть у части крестьянства, ведь последние получали от Крестьянского поземельного банка при выходе из общины дополнительный надел земли. Именно здесь впервые упоминается и дается четкое определение известному термину «крестьянин-кулак»: «Хуторяне, со своей стороны, не являлись систематическими эксплуататорами соседей. Наименование «кулак» не имело в ту пору того распространения, которое оно получило после революции. Кулаком мы называли единичного содержателя постоянного двора или мелкого лавочника в селе или местечке, который торговал предметами первой необходимости для крестьянства и, подчас, предоставлял им кредит, закабалая некоторых» [5, л. 9].

Сами же помещики Энгельгардты подразделяли крестьян на работающих и на лентяев-пьяниц. Более того Борис Александрович тут же вспоминает интересную пришедшую ему на ум аналогию со знаменитым стихотворением А.К. Толстого «Поток-богатырь», в котором проводится разница между работающим мужиком и тем, кто пропьет весь свой урожай.

Приводит Энгельгардт и конкретные примеры подобных типов крестьян из своего собственного опыта. В 1909-1910 гг. в нескольких губерниях Российской Империи был неурожай и в связи с этим возник голод. Земство взялось помочь крестьянам справиться с голодом и распределяло муку среди крестьян. Борис Александрович был земским гласным и согласился по просьбе земства выделить свой новый амбар для распределения зерна и муки среди крестьян. Именно тогда он сталкивается с существующей несправедливостью в деле распределения запасов в крестьянской среде.

Один из работающих крестьян, Балихин, узнал, что ему зерна не положено, ведь его имя не значится в списке на распределение, данном Энгельгардту земской управой. В ответ крестьянин пожаловался Борису Александровичу, что не

получали зерна и муки те крестьяне, которые усиленно трудятся и имеют тот же надел, что и другие, однако часть крестьянского населения, причем известная в деревне как беспробудные пьяницы, вошли в земские списки на получение злаков.

В памяти Бориса Александровича особенно четко отразилась приводимая стариком-крестьянином аргументация в пользу наделения именно его семейства. Старший сын Балихина женился и ушел на другой надел в семью жены, второй сын погиб в Маньчжурии в годы Русской-японской войны, младший же только что вернулся с военной службы. Во время охраны склада он отбил от злоумышленников, но был тяжело ранен в живот. Выйдя из госпиталя, солдат получил телеграмму своего командира с подписанной благодарностью Николая II. Его произвели в ефрейторы, дали денежную награду и по состоянию здоровья уволили в запас. Сначала деревенские жители гордились младшим Балихиным и просили показать им царскую резолюцию, но после того как во время косовицы бравый ефрейтор не смог справиться с косой над ним начали насмехаться. Важен еще один момент, судя по описанию Энгельгардта старый крестьянин Балихин выражает недовольство не только самоуправством и ошибками местного начальства, он также недоволен центральными властями, и самим государем: «Старик Балихин с волнением говорил о том, что их семья верно служила царю: один сын сложил голову на войне, другого искалечили; а вот другим дают помощь, так их обделяют. Балихин, казалось, возлагал ответственность за неполучение им пособия не только на местное начальство, но и на самого царя» [5, л. 11].

Сам же Энгельгардт возлагает в воспоминаниях ответственность за несправедливости в снабжении голодающего населения хлебом на вполне конкретную персону, товарища министра внутренних дел Владимира Иосифовича Гурко. Последний, по его мнению, был очарован одним проходимцем, получившим большие полномочия в деле распределения хлеба, в результате чего и возникло столь массовое крестьянское недовольства. Гурко же, после существенных убытков в казне, был отправлен в отставку. Особо отметил автор воспоминаний, что дальнейшая судьба виновника крестьянских нестроений сложилась более чем удачно, и он стал членом Государственного совета от Тверской губернии, состоял членом Особого совещания по вопросам обороны в годы Первой Мировой войны, после чего был членом парламентской делегации России к союзникам в 1916 г. [5, л. 12].

Решению аграрного вопроса и подготовке к ее проведению Энгельгардт отводит особое место. Начинает он с планов министра финансов С.Ю. Витте. Этого государственного деятеля Борис Александрович характеризует как крайнего индивидуалиста, считавшего, что во главе угла должна стоять полная свобода. В противовес этому Плеве и Горемыкин, наоборот, истово стояли за сохранение общины, с помощью которой можно будет гораздо проще управлять массами. Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, по мнению Энгельгардта, были закрыты по личному повелению императора без оповещения их главного инициатора – Витте. Следующий этап аграрной реформы Борис Александрович относит к эпохе П.А. Столыпина. Автор воспо-

минаний особо отмечает, что реформа имела и политическую цель, так как на хуторян мог опираться Столыпин в проведении своего политического курса. Сам Энгельгардт поддерживал идею Столыпина: «Я очень сочувственно относился к столыпинской реформе. В то время я уже ознакомился с некоторыми научными трудами по сельскому хозяйству, убедился в целесообразности многополья, травосеяния и проч. И усматривая возможность к этому лишь при хуторском хозяйстве» [5, л. 14].

Для лучшего понимания аграрных проблем в России Борис Александрович отправился в Данию для знакомства с жизнью крестьян в этой стране. Именно после этой поездки у него созревает план реформ в собственном имении. Хутора он посчитал лишь первым шагом на пути к большой аграрной реформы в стране. Следующим шагом он считал необходимость приближения рынка сбыта непосредственно к производству. Собственно Энгельгардт начал с того, что будут организованы кредитные товарищества, с помощью которых можно почерпнуть средства для первоначального устройства кооперативов потребления и сбыта.

Важный момент, который упомянул Борис Александрович, заключается в том, что наибольшее распространение такие кредитные товарищества получили за чертой еврейской оседлости. В условиях крестьянского хозяйства, согласно описанию Энгельгардта, работала следующая схема: крестьяне брали ссуду для покупки лошадей, коров, инвентаря и т.д. В случае, если оборота товара не получалось и к сроку должник, погашая ссуду, мог погасить ее лишь частично, он чаще всего вносил проценты, и операция сводилась к переписыванию векселей.

Борис Александрович существенно преуспел в деле развертывания подобных товариществ, хотя само кооперативное движение в крестьянской среде в России оценивал более чем сдержанно: «Вообще говоря, кооперативы разного рода имели мало распространения в России. Кооперативы сбыта имелись почти исключительно в Латвии, Эстонии и Сибири. Среди земских деятелей мне пришлось даже слышать возражения против них» [5, л. 20].

Любопытно, что если доверять воспоминаниям, самого Энгельгардта участие в кооперации для крестьян только, как он сам пишет, «демократизировало». Но в тоже время он видел заметную грань между дворянством, в том числе тем дворянством, которое еще застало крепостное право, и крестьянством. Он заметил, даже глядя на собственную мать, добродушно и часто беседовавшую с местными крестьянами, что перед ним в буквальном смысле слова два совершенно непохожие друг на друга мира, не пересекающихся друг с другом и живущих в разных плоскостях. Согласно Энгельгардту полностью эту грань смогла стереть только революция 1917 г. и советская власть. Оставим на совести автора данный довод и предположим, что прийти к нему автор воспоминаний был вынужден, осознавая то общество, в котором ему предстояло жить в последние годы жизни.

Бориса Александровича по-настоящему стали волновать интересы крестьянства во время его работы в земстве. Он понимал теперь реальные чаяния местного крестьянства, осознавал, что им интересны конкретные вопросы, решить которые необходимо в неотложном порядке. Во время постановки вопро-

са о земском страховании он сошелся с гласными от крестьян и они настолько доверились Энгельгардту, что он совсем скоро стал их негласным лидером.

Показательный сюжет, прекрасно демонстрирующий отношения крестьян к Б.А. Энгельгардту воспроизведен им в воспоминаниях. На обеде, данном в честь местного губернатора, приглашенный гласный крестьянин вдруг забыл о виновнике торжества и сказал одухотворенную речь, в которой особо выделил печаловавшихся за интересы крестьян земцев и, прежде всего, самого Энгельгардта. Также он высказал пожелание, чтобы все земцы были как автор воспоминаний. Подобная, не самая уместная речь, однако очень воодушевила самого Бориса Александровича.

Переполненный подобными чувствами, он начал свою думскую кампанию. Поразительно, что и тогда, судя по Энгельгардту, губернаторы без стыда пытались влезать в агитационную кампанию и старались сделать все для того, чтобы в Думу прошли наиболее консервативные кандидаты, тем более что сложная куриальная система выборов как нельзя лучше тому способствовала. За Энгельгардтом, вопреки его желанию, быстро укрепилась репутация либерала, и теперь он решил еще четче и скоординированней участвовать в думских выборах.

Гибкая позиция, отличная от административной и довольно жесткой кампании крайне правых кандидатов, сопряженных с представителями государственной власти и православного духовенства, однако не увенчалась успехом. Постепенно на сторону Энгельгардта стали переходить не только крестьяне, но и представители польского коло, евреи, к которым кандидат не питал каких-либо юдофобских чувств, и либерально настроенные землевладельцы. Положительный исход выборов несомненно ободрил Бориса Александровича: «Избрание в Государственную думу являлось большим удовлетворением моему самолюбию. Оно выводило меня на арену широкой общественной деятельности, и я самонадеянно считал себя в праве принимать участие в ней» [5, л. 28]. К сожалению, в последствии наш герой существенно разочаруется в думской деятельности.

Что касается положения крестьян в дореволюционной России, то Энгельгардт дает ему четкое и точное объяснение. Приводя данные сельскохозяйственной переписи 1916 г., он замечает, что в Европейской России 60 миллионов десятин земли находилось в крупном землевладении, а 180 миллионов в крестьянском землевладении, казенных земель 120 миллионов, главным образом вдоль побережья Ледовитого океана. Еще 50 миллионов десятин приходилось на казачьи земли, удельные, кабинетские, пути сообщения и др. В крупных же землевладениях только 7 миллионов десятин представляли собой культурное хозяйство с сахарными, винокурными, крахмальными заводами, а также молочным и мясным хозяйством. 20 миллионов десятин крупного землевладения находилось в аренде у крестьян, на них велось самое примитивное хозяйство: «На этих арендованных землях хозяйство велось самое примитивное, для государства невыгодное: на основании данных той же переписи земли эти получали навоз в десять раз меньше, чем земли, находившиеся в хозяйских руках. Аренда велась беспорядочно, и крестьяне неохотно клали драгоценный навоз на чужую

землю, будучи неуверены останется ли она в их владении в следующем году» [5, л. 8].

Последствия подобного отношения станут для российского дворянства и крупного землевладения роковым и приведут к массовым стихийным погромам после октября 1917 г. Надо отдать должное в связи с этим семье Энгельгардтов, если верить воспоминаниям, их местные крестьяне не трогали даже на волне передела земли с приходом большевиков. Показателен следующий случай: уже в 1918 г., когда винокурный завод семьи был захвачен, депутация крестьян явилась к 79-летней матери Бориса Александровича и предложила ей стать секретарем завода. Ее вежливый отказ был обусловлен возрастом и желанием перебраться поскорее из деревни, как казалось, в более спокойный Смоленск [5, л. 8].

Подобные в прямом смысле этого слова «счастливые случайности» были характерны исключительно для того дворянства, которое задумывалось о необходимости скорейшей реформы в аграрном вопросе, однако же на деле таких было абсолютное меньшинство.

Мы проследили важную эволюцию взглядов Бориса Александровича Энгельгардта не только на крестьянские проблемы, но и на Россию и ее внутренние проблемы в целом. Представитель древнего дворянского рода, выпускник Пажеского корпуса и блистательный офицер, он существенно поменял собственные политические пристрастия и изменил свое отношение к государственному строю в стране. «Первой ласточкой», своеобразным прологом к подобного рода изменениям было его участие в Русско-японской войне. Преисполненный патриотизма и любви к военной службе он едет на фронт, однако встречает там и нежелание воевать со стороны солдат и офицеров запаса, и тыловое неприятие самой войны, падение патриотизма и все большие надежды на скорейшее окончание непопулярной войны.

Следующим потрясением для него становится жестокий разгон мирной демонстрации 9-го января 1905 г. Он критикует не только правительство, но и самого императора, не понимая неоправданную жесткость по отношению к «безвредному» шествию.

Затем он попадает в родовое имение и тут для него открывается новый, доселе мало известный и непонятный крестьянский мир, переполненный проблемами и только что переживший бунты. Он старается не быть простым наблюдателем за жизнью крестьян, но принимает самое непосредственное участие в их судьбе, хочет как можно скорее разобраться в их проблемах и чаяниях, принимает самое активное участие в земской деятельности. Однако на поверку аграрные проблемы так остро стояли перед Империей, что Энгельгардт не понимал почему правительство не предпринимает широкомасштабные реформ для решения земельного вопроса. Наглядным примером и своеобразной отправной точкой для его недовольства стал недород 1908-1909 гг. и несправедливое распределение помощи между крестьянами.

Участие в земской деятельности, внимательное кропотливое изучение иностранного опыта ведения крестьянских хозяйств и, конечно, создание кооперативов: все это как нельзя лучше характеризует Бориса Александровича Энгельгардта как непосредственного и деятельного участника движения за права

крестьянского населения Российской империи. Постепенно он сам «демократизируется», патриот, воспитанный на идеалах гвардии приобретает репутацию главного либерала своей губернии и уже начинает сложную борьбу за попадание в IV Государственную Думу. Однако тут он снова натывается на произвол и непонимание властей с одной стороны, и на поддержку широких масс крестьянского населения с другой.

Дальше Энгельгардт снова займется военными делами, будет принимать непосредственное участие в Белой борьбе, однако же его четкая и ясная линия, направленная на реформы в аграрном вопросе, призванные остановить революционные настроения в деревне является наилучшим показателем его гражданской позиции, позиции, которой, к сожалению, придерживались весьма немногие.

Список источников и литературы

1. Мальцев А.Д. 1) Из истории публикации «Воспоминаний» Б.А. Энгельгардт: по переписке автора // Русская литература: историко-литературный журнал. – 1996. – № 4. – С. 133–157; 2) Энгельгардт Б.А. Воспоминания 1940–1941 гг. // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры: сб. науч. тр. ГПБ. – Л., 1996. – С. 148–182; Потонувший мир // Военно-исторический журнал. – 1964. – № 1. – С. 70–81.

2. Мунжукова С.И. Б.А. Энгельгардт и судьба его воспоминаний. 1940 – 1960-е годы // Новейшая история России. – 2016. – № 1 (15). – С. 134–145.

3. Николаев А.Б. Воспоминания председателя военной комиссии Временного Комитета Государственной думы о февральской революции 1917 г. // Клио. – 2003. – № 1 (20). – С. 180–197.

4. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 1052. Опись 1. Д.27. « Воспоминания о далеком прошлом. Часть I. Потонувший мир. Глава IV. Война с Японией».

5. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 1052. Опись 1. Д.28. ««Воспоминания о далеком прошлом. Часть I. Потонувший мир. Глава V. Сельское хозяйство и земская деятельность».

Невежин Владимир Александрович
доктор исторических наук,
Институт Российской истории РАН, г. Москва,
e-mail: nevvva@mail.ru

КАЛУЖСКИЙ ПОСАД В СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Аннотация. В статье сосредоточено внимание на исследовании посадского населения г. Калуги начала XVII в. Город особенно «отличился» в событиях Смутного времени. Он являлся крупным торгово-промышленным центром. Калуга была укрепленным оборонительным пунктом, в котором сосредоточились служилые люди по прибору – пушкарки, воротники и т.д. Неслучайно, крепость оказалась в районе активных военных действий между правительственными войсками и участниками восстания И.И. Болотникова. Правительство Михаила Романова, заинтересованное в получении наибольшего количества денежных средств с посадских людей Калуги, содействовало расколу в тягловой общине. Неслучайно калужские тяглецы после 1613 г. были вынуждены спасаться бегством из посада, стремясь избавиться от фискального гнета, а многие из них разорялись и становились просто нищими.

Ключевые слова: Калуга в Смутное время, калужский посад, посадские люди, тяглые дворы, И.И. Болотников.

Социальные конфликты в Русском государстве в период Смутного времени начала XVII в. вовлекли в свою сферу различные слои населения, в том числе – посадских людей. В советской историографии, исходя из установок марксистско-ленинской методологии, предпринимались попытки непременно свести имевшиеся противоречия между московским правительством и посадскими людьми к классовой борьбе [12]. В постсоветский период процесс изучения роли посада в Смуте стал развиваться главным образом в интересах познания его «внутренней истории» [1].

Автор предлагаемой статьи сосредоточил внимание на исследовании в подобном ключе посадского населения г. Калуги начала XVII в. Этот город особенно «отличился» в событиях Смутного времени. Находясь на пересечении важнейших путей сообщения, в первую очередь, – водных, он являлся крупным торгово-промышленным центром. Калуга была укрепленным оборонительным пунктом, в котором сосредоточились служилые люди по прибору – пушкарки, воротники и т.д. Неслучайно, крепость оказалась в районе активных военных действий между правительственными войсками В.И. Шуйского и участниками восстания И.И. Болотникова, каждый из которых стремился закрепиться в нем и сделать его опорной базой в дальнейшей борьбе. После поражения движения Болотникова калужане присягнули на верность самозванцу Лжедмитрию II, а позднее выступили как сторонники Первого и Второго ополчений.

В конце XVI в. Калуга представляла собой крупный населенный пункт с многочисленным посадским населением. В 1593-1594 гг. в Калуге было осуществлено так называемое посадское строение, которое производили М. Проестев

и подъячий Я. Демидов [21, с. XXXI-XXXII, 221-252]. Количество тяглых дворов на посаде достигало около 1000. Сумма годового денежного с обложения с посада была установлена в 222 рублей 4 алтына [4, с. 181], т.е. около 23 копеек с каждого двора.

Посадские люди Калуги в этом отношении оказались, так сказать, в более выгодном положении, чем, например, жители Коломны. В «строельной» книге» М. Протопопова и С. Ананского за 1596 г. указывалось, что на коломенском посаде насчитывалось 780 тяглых дворов, которые выплачивали ежегодно 304 рублей [2, с. 143, 154], т.е. в среднем 40 копеек с одного двора. Таким образом, в отличие от Коломны, Калуга в результате посадского строения конца XVI в. получила, так сказать, щадящее налоговое обложение.

Основу населения Калужского посада составляли ремесленники и торговые люди. С торговлей, ремеслом и транспортом были связаны 90% тяглецов. 160 дворовладельцев, а порядка 500 являлись ремесленниками [6].

В 1600-1602 гг. в Русском государстве произошел ряд природных стихийных бедствий, многие плодородные районы были охвачены неурожаями, что привело к голоду и к возникновению эпидемий. Бедственное положение населения усугубилось повсеместным распространением спекуляции хлебом.

Калужских уезд в числе других пострадал от этих неурядиц. Многие населенные пункты, как следует из источников, опустели еще «до Московского разоренья от хлебной дороговизны» [15, л. 238]. Ситуацию усугубило и то, что в 1601-1602 гг. была определена новая, увеличенная сумма годового дворового оброка, которая составляла теперь 270 рублей [4, стб. 7-9].

Наличие отрывочных данных по внутренней истории Калужского посада в 1601-1605 гг. ввиду крайней скудости источниковой базы в какой-то степени компенсируется более полным представлением о событиях в Калуге в 1606-1610 гг. Эти события связаны с восстанием И.И. Болотникова и с движением Лжедмитрия II, в которые оказались активно вовлеченными калужане.

После убийства самозванца Лжедмитрия I в Москве воцарился Василий Шуйский. Однако население ряда южнорусских городов, куда новый царь направил своих ставленников на смену воевод, остававшихся верными самозванцу, выступило против Шуйского. Развернулось движение под лозунгом «царя Димитрия», которое возглавил И.И. Болотников, бывший холоп князя А.А. Телятевского. Болотников выступил из Путивля и в сентябре 1606 г. приблизился к Калуге. В результате умелых действий он убедил калужан перейти на его сторону.

В декабре 1606 г., после поражения своих войск от воевод царя Василия Шуйского под Москвой, Болотников избрал Калугу местом своего пребывания.

Калужский период восстания И.И. Болотникова (декабрь 1606 – май 1607 гг.) явился временем наибольшего подъема возглавленного им социального движения. Оборона Калуги явилась образцом применения военного опыта и стойкости повстанцев [18; 19].

Как уже отмечалось, в советской историографии при рассмотрении социальных движений начала XVII в. налицо было стремление «подогнать» их под марксистско-ленинские методологические установки, непременно найти в этих

событиях признаки классовой борьбы. Как представляется, применительно к восстанию Болотникова сделать это весьма затруднительно. Однако, опираясь на работы предшественников советской поры, с привлечением исторических источников можно попытаться выявить некоторые тенденции, имевшие место в Калужском посаде, так сказать, за пределами классовой борьбы.

В свое время В.И. Корецкий отмечал, что И.И. Болотников, наступая на Калугу, умело использовал противоречия между московским купечеством и торговыми людьми [9, с. 276]. Данное противоречие вытекало, в частности, из того, что доля столичного купечества в сфере предпринимательства была сравнительно велика. Оно составляло конкуренцию провинциальным торговым людям. Московское правительство придерживалось своеобразной позиции вопросе о взаимоотношениях между столичными купцами и торговыми людьми различных городов Русского государства, принудительно свозя в столицу провинциальных купцов [13, с. 162]. Если до середины XVI в. этот процесс был обоснован интересами усиления торгово-экономического потенциала, то ко времени начала Смуты превратился в фактор, тормозивший развитие товарно-денежных отношений и промышленного предпринимательства в провинциальных городах [13, с. 168].

Неслучайно, некоторые торговые люди Калуги, стремившиеся, как и купечество других городов, к укреплению на внутреннем рынке и даже к подчинению себе московских купцов, выступили против них. Например, среди калужан, принявших сторону И.И. Болотников, оказались Б.П. Шеплин и Г.М. Тишков. Они входили в число тех, кто обеспечил переход города в руки Болотникова [9, с. 276], за что и были щедро вознаграждены. И.И. Болотников передал им 1600 пудов соли московского купца Т. Клепикова, которую, согласно более поздней жалобе последнего, «они взяли в Калуге воровством» [10, с. 54], т.е. незаконно.

Сведения о Шеплине можно почерпнуть из описания Калужского посада, но, к сожалению, они крайне скудны. Так, в списке посадских людей Егорьевской сотни имеется отметка о размере двора «Богдана Шеплина, торгового человека»: «Длина двадцать три сажени сажени, поперек семь сажен» [22, с. 232]. Егорьевская сотня стояла на третьем месте, наряду с Варварской, по количеству дворовладельцев – торговых людей: из 65 населявших ее глав семейств 23 занимались торговлей [6].

Если исходить из вывода А.С. Лаппо-Данилевского о том, что величина двора посадского человека была в XVII в. прямо пропорциональна уровню его материальной обеспеченности [11], то можно сделать следующее наблюдение. В Егорьевской сотне Калужского посада, согласно нашим подсчетам, из 66-ти тяглецов лишь 5 имели дворы, большие по размеру, чем у Б. Шеплина.

Следовательно, можно предположить, что Шеплин был зажиточным человеком ко времени начала восстания Болотникова. Данных о Г.М. Тишкове в документах обнаружить не удалось.

Скорее всего, «пожалование» Болотникова лишь способствовало еще большему обогащению Шеплина, который еще до его начала выдвинулся в число «лучших людей» Калуги. По всей видимости, калужские торговые люди,

скорее всего, учитывали призывы Болотникова гостей (торговых людей) «побивати и животы их грабити». Они встали на сторону восставших, преследуя свои, узко-сословные цели: обогащения за счет конфискации имущества столичных купцов.

Возвращаясь к сообщению источника о том, что Г.И. Тишков и Б.П. Шеплин получили от И.И. Болотникова 1600 пудов соли, которую незаконно забрали до этого у московского торгового человека Т. Клепикова, следует констатировать следующее. В начале XVII в. пуд соли стоил 50 коп. [14, л. 1]. Нехитрые арифметические вычисления выводят на сумму в 800 руб., на которую дополнили свои доходы Тишков и Шеплин. Такая денежная сумма для рассматриваемого периода была просто колоссальной.

Калужские посадские люди во время восстания Болотников вымещали порой свою неприязнь и на представителях служилого сословия из войска В.И. Шуйского, причем порой самым неожиданным образом. Например, калужанин Артем Коротай захватил имущество московского стрелецкого головы П. Гурьева [10, с. 277]. В калужской «строельной книге» конца XVI в. отмечено, что А. Коротай, кожевник, владел в Рождественской сотне двором, размеры которого составляли 15 на 10 сажень [21, с. 247]. В дозорной книге г. Калуги 1617 г. упоминается Артем Федорович Коротай, проживавший в Рождественской сотне и плативший в казну со своего двора 25 алтын (75 коп.) в год [16, л. 86 об.]. Согласно отводной книге в торговых рядах Калуги (1620 г.), А.Ф. Коротай имел собственную лавку в сапожном ряду.

Хотя с военной точки зрения укрепления Калуги были ненадежны (крепость имела деревянные стены), ее обороноспособность определялась, прежде всего, многочисленным населением и тем, что в городе имелись большие запасы продовольствия [7, с. 137].

Наиболее уязвимым местом калужской крепости было отсутствие в ней каменного кремля. Это заставило Болотникова принять дополнительные меры для отражения атак царских войск, двигавшихся из Москвы. К. Буссов отмечал, что еще до подхода к крепости полков войска Василия Шуйского, вокруг города началось возведение глубокого рва и земляного вала [3, с. 140].

В распоряжении Болотникова было мало времени для сооружения рва и вала. Понятно, что он не смог бы осуществить такую трудоемкую работу, да еще и в зимнее время, без поддержки посадского населения.

Однако положение в осажденной Калуге оставалось тяжелым. Болотников с основными силами оказался изолированным от других центров восстания. Это заставило его искать поддержки среди посадских людей. Как показал В.И. Корецкий, он своей волей отписал в пушкари 66 «молодших» и «средних» посадских людей во главе с И. Фоминым. С военной точки зрения это мероприятие, скорее всего, объяснялось нуждой в артиллерийской прислуге. Болотников сумел захватить орудия, брошенные при отступлении из города войска князя И.И. Шуйского в сентябре 1606 г.

Но особенно интересна, если так можно сказать, социальная сторона этой своеобразной «военной реформы» И.И. Болотникова. По мнению В.И. Корецкого, отдавая распоряжение о переводе части «молодших» и «средних» посад-

ских людей в пушкари, Болотников «учитывал как заинтересованность этой группы калужан в избытии тягла, так и общую тенденцию к переходу в “государевы служилые люди по прибору” и в казаки, проявившуюся на всей территории, охваченной восстанием» [9, с. 277].

Согласно нашим изысканиям, 52 из 66 чел., служивших впоследствии Болотникову, в конце XVI в. не являлись дворовладельцами. Очевидно, они проживали со своими родителями, не достигнув 15-летнего возраста (именно с этого времени посадский человек юридически мог стать дворовладельцем [22, с. 30].

Следовательно, упомянутые 52 посадских человека отписались по повелению И.И. Болотникова от посада в пушкари, чтобы избежать таким образом тягла.

После успешной обороны Калуги Болотников направился в Тулу, но после непродолжительной осады царские войска вынудили его к капитуляции. Плененный И.И. Болотников был сослан в Каргополь, ослеплен и утоплен в проруби по повелению В.И. Шуйского. Восстание И.И. Болотникова потерпело поражение, однако гражданская война (или Смута) в Российском государстве продолжалась.

Летом 1607 г. на южно-русских рубежах появился новый самозванец – Лжедмитрий II. После безуспешной попытки взять Москву «царик» направился в сторону Калуги. И.О. Тюменцев справедливо отмечал: «Самозванец явно рассчитывал на помощь ветеранов повстанческого движения и не ошибся». В январе 1610 г. калужане приняли его хлебом-солью [20, с. 517].

Утвердившийся в Калуге Лжедмитрий II и его советники стали направлять по городам грамоты, в которых призывали верные им отряды и горожан задерживать вторгшихся на русскую территорию поляков, литовцев и их слуг и доставлять их в Калугу [20, с. 519].

Однако противоречия между самозванцем и касимовскими татарами, которые перешли к нему на службу, привело в конечном счете к тому, что 10 декабря 1610 г. он был убит в Калуге [20, с. 559-560].

В период «Семибоярщины» калужане отказались принять присягу польскому королевичу Владиславу. В 1611-1612 гг. жители Калуги приняли участие в движении Первого и Второго ополчения [8, с. 48].

После воцарения Михаила Федоровича Романова на московском престоле власть в Русском государстве начала стабилизироваться. Необходимость получения денежных средств для выплаты служилым людям привела к усилению фискального гнета. В этих условиях посадские люди становятся объектом получения больших денежных поступлений. Это внимание усиливалось тем более, чем менее оказывалось способность посадских людей сопротивляться финансовым поборам.

Правительство Михаила Романова, заинтересованное в получении наибольшего количества денежных средств с посадских людей, содействовало расколу в тягловой общине. Из документов следует, что Калужская посадская община предприняла в 1613-1614 гг. попытку переложить часть налогового бремени на плечи бывших участников восстания И.И. Болотникова и на тех, кто

поселился на посаде, спасаясь бегством из других городов во время бурных событий Смуты. По указам из Москвы бывшие болотниковцы и «новоприходцы» в 1614-1615 гг. неоднократно подвергались «правежам» в тех случаях, когда отказывались от выплаты денежных сумм в государеву казну.

Калужский посад оказался в бедственном положении. Лишь с 1615 по 1617 гг. количество посадских людей сократилось на 442 чел. [17]. Если в 1613 г. имелось почти 700 полнотяглых дворов, то к 1617 г. их осталось лишь 234 [16, л. 114], т.е. число дворовладельцев-тяглецов уменьшилось почти в 3 раза.

Неслучайно, как в других русских городах [1], калужские тяглецы после 1613 г. были вынуждены спасаться бегством из посада, стремясь избавиться от фискального гнета, а многие из них разорались и становились просто нищими.

Список источников и литературы

1. Беляева В.Н. События Смутного времени и их последствия по материалам города Балахны XVII века // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. – Нижний Новгород, 2012. – С. 317-322.

2. Булгаков М.Б. Структура и динамика населения г. Коломны в первой половине XVII в. // Русский город. Вып.4 (Москва и Подмосковье). – М., 1981.

3. Буссов К. Московская хроника. 1584-1613. – М., 1961.

4. Веселовский С.Б. Приходно-расходные книги Московских приказов. Кн. 1. – М., 1912.

5. Веселовский С.Б. Акты писцового дела. Материалы для истории прямого обложения в Московском государстве. – Т.1. – М., 1913. – № 3.

6. Волков М.Я. Описание Калужского посада конца XVI в. // История СССР. – 1972. – № 4. – С. 201-208.

7. Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. – М., 1959.

8. Калужский край. Документы и материалы. Кн. 1. – Калуга, 1976.

9. Корецкий В.И. Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. – М., 1975.

10. Корецкий В.И. Актовые и летописные материалы о восстании И.И. Болотникова // Советские архивы. – 1976. – № 5.

11. Лаппо-Данилевский А.С. О величине дворовых и огородных мест древнерусского города по некоторым данным первой половины XVII в. // Записки императорского Русского археологического общества. – Т. 3. – СПб., 1888. – С. 38-332.

12. Невежин В.А. Калужский посад в годы Крестьянской войны начала XVII в. // Проблемы общественно-политического развития и классовой борьбы в России XVII-XVIII вв. – М., 1983. – С. 26-37.

13. Носов Н.Е. Русский город и русское купечество в XVI столетии (к постановке вопроса) // Исследования по социально-политической истории России. – Л., 1971.

14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 396. Оп. 1. Ч. 24. № 37727. Именно такую цену называл в своей челобитной (январь 1614 г.) калужский посадский человек Н. Яковлев, который вел торговлю в Болхове.
15. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 160.
16. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 11605.
17. Симсон П.Ф. Калужские книги 1617 г. письма и дозору Ивана Кузьмича Бегичева да подьячего Игната Пчелина // Известия Калужской ученой архивной комиссии. – Калуга, 1891. – С. 13-40.
18. Скрынников Р.Г. Смута в начале XVII в. Иван Болотников. – Л., 1988.
19. Смирнов И.И. Восстание И.И. Болотникова. 1606-1607. – 2-е изд. – М., 1951.
20. Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. – М., 2008.
21. Французова Е.Б. Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. – М., 2002.
22. Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI в. – СПб., 1889.

Подоксенов Александр Модестович
доктор философских наук, профессор
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина», г. Елец
e-mail: podoksenov2006@rambler.ru

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ МИХАИЛА ПРИШВИНА

Аннотация. В статье исследуется влияние Достоевского на мировоззрение и творчество Пришвина, который продолжает традицию автора «Бесов», рассматривая европейскую идею социализма как искушение русского народа сытостью всеобщей уравниловки взамен личной свободы и христианской морали. Анализируя революционную действительность в контексте творчества Достоевского, Пришвин приходит к выводу, что идеологию классовой вражды и все прочие «бесовские» искушения можно преодолеть только христианским всепрощением и любовью.

Ключевые слова: философия, религия, большевизм, революция, классовая борьба.

Творчество М.М. Пришвина революционного периода – одно из самых значимых свидетельств для понимания происходящего тогда в России, и знакомясь с его произведениями тех лет убеждаешься в художественной точности, исторической проницательности и философской глубине выводов о действующих лицах, о предпосылках и духовных истоках Октябрьского переворота. В тяжкое и трагичное время великой национальной смуты писатель стремится постичь те исторические, социально-экономические и духовно-нравственные

причины, из-за которых народная душа впала в страшный революционный соблазн. Всю мировоззренческую палитру большевизма – идеи коммунизма и анархизма, государства и личности, свободы и насилия, религии и атеизма – он рассматривает прежде всего в контексте идей Ф.М. Достоевского, что наглядно проявится в его публицистике, в поступках и размышлениях героев художественных произведений, чья жизнь неожиданно стала определяться революционной бесовщиной.

Революционная бесовщина, по мысли Пришвина, была прежде всего в самой идее классового насилия, которое для партии большевиков-марксистов казалось не только способом свержения старого миропорядка, но и универсальным методом строительства лучшего будущего. А ведь именно эту иллюзию революционеров, что переустройство общества возможно лишь путем насилия еще в начале 1870-х годов разоблачил Достоевский, внимательно наблюдавший за развитием социалистической идеи как в европейских странах, так и в России. «Во весь XIX век это движенье или мечтает о рае на земле (начиная с фаланстеры), или, чуть до дела (48 год, 49 – теперь), – писал он Н.Н. Страхову в 1871 году после краха Парижской коммуны, – выказывает унижительное бессилие сказать хоть что-нибудь положительное. <...> Ведь уж, кажется, достаточно фактов, что их бессилие сказать новое слово – явление не случайное. Они рубят головы – почему? Единственно потому, что это всего легче» [7, с. 214].

Крах Парижской коммуны как провал идеи насильственным образом переустроить французское общество и личный опыт увлечения утопическим социализмом в кружке Петрашевского привели Достоевского к выводу, что всякая социальная революция есть духовная бесовщина и злодеяние против людей. Преступление, пишет он в романе «Бесы», прежде всего в маниакальной мысли революционеров, что «как мир ни лечи, все не вылечишь, а срезав радикально сто миллионов голов и тем облегчив себя, можно вернее перескочить через канавку» [3, с. 314]. Со всей страстью гражданина и патриота Достоевский выступал против европейского социализма, частью которого был набирающий популярность марксизм, навязывавший либеральной интеллигенции России мысль о возможности путем революции перескочить из капитализма через настоящее в коммунизм, т.е. осуществить тот фантастический «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» [15, с. 295], возможность чего, по Ф. Энгельсу, даст отмена частной собственности на средства производства. Однако, как пророчески отмечал Достоевский, всеобщее равенство и справедливость невозможно установить путем ликвидации частной собственности, ибо для этого нужно будет уничтожить целые сословия и классы, что возможно только с помощью самого кровавого и беспощадного террора.

К выводу о том, что всякое насилие над людьми неизбежно ведет к бесовщине, вслед за Достоевским, Пришвин приходит наблюдая за процессом развития русского революционного движения в начале XX века. Одним из решающих факторов здесь была столыпинская аграрная реформа, которая, расколов традиционную общину на сельскую буржуазию и пролетариат, быстро стала превращаться в незаконный и кровавый земельный передел, в гражданскую войну крестьян сначала против помещиков, а потом и против середняков-

арендаторов – так называемых кулаков. А ведь еще Достоевский говорил о пагубности бездумной ломки устоявшихся за многие века основ уклада жизни русского крестьянства: «Уничтожьте у нас общину, и народ тотчас же будет у нас развращен в одно поколение и в одно поколение доставит собой материал для проповеди социализму и коммунизму. <...> Нового еще нет, ничего не возшло (да и посев-то был ли?), а старое с корнем вон – что ж останется!? Пропадем как мухи» [5, с. 299-300].

В начале XX века Пришвин свидетельствует о пророческой правоте слов Достоевского о губительных последствиях разрушения крестьянской общины для государства. Выкинутые из привычной среды общинного бытия, где люди всем миром помогали друг другу, масса безработных крестьян устремилась в город на заводы и фабрики. Тяжесть ситуации усугубилась еще и тем, что кризис крестьянской жизни в ходе земельной реформы усугублялся кризисом промышленности. В начале 1910-х годов в деревнях вдруг появилось множество «бродячих людей, которые сокращением производства после забастовки выброшены из города на родину, к земле, которую теперь уже не могут осилить» [9, с. 686-687]. Отвыкшие от сельского труда «шахтеры», как крестьяне называли бродячий люд, отвергая остатки деревенской нравственности и религиозности, несли из города культуру социального нигилизма, заражая «оседлых» мужиков не только злобой и завистью, но и классовой ненавистью к богатым.

Как будто даже не люди восстали против социальной неправды мира, а «бунтующий атом человечества, и не человечества, а священной протоплазмы его и всего мира восстал, и с ним поднимается тьма и пламень», писал в 1911 году Пришвин, отмечая развитие инстинктивно-иррациональных начал народной души, в темной глубине которой происходило «рождение злобы во имя чувства попранной правды, рычащей злобы, звериной и страшной» [10, с. 188]. Такую возможность выплеснуть из души народа все зверино-инстинктивное и иррационально-темное предоставит большевистская революция, которая соблазнит человека «правом на бесчестие», ибо, как пророчески отмечал Достоевский, «вся суть русской революционной идеи заключается в отрицании чести. <...> Нет, в Европе еще этого не поймут, а у нас именно на это-то и набросятся» [3, с. 288].

Для понимания деградации нравственной атмосферы общества после Октябрьского переворота показательна и оценка происходящих событий самими революционерами. Так 3 ноября 1917 г. газета «Новая жизнь» привела заявление наркома просвещения А.В. Луначарского, что, узнав о бомбардировке Кремля, о разрушении соборов Василия Блаженного и Успенского, он признает свое полное бессилие и принимает решение о выходе из Совнаркома. В ответ на этот демарш военный комендант Кремля Ем. Ярославский публикует в газете МК РСДРП (б) «Социал-демократ» (7 ноября 1917 г.) статью «Жалеете камни, а не жалеете людей» с одиозным утверждением, что обстрел Кремля полностью оправдан, ибо велся по засевшим там юнкерам, пренебрежительно отзываясь в адрес Луначарского: «Мы знаем цену таким людям: они покидают нас каждый раз, когда особенно нужны силы. <...> Они революцию хотели бы видеть разодетой в светлые ризы, в перчатках хотели бы совершить ее, не запач-

кав свои холеные руки» [Цит. по: 2, с. 470-471]. Еще более одиозным откликом на протест Луначарского против бомбардировки Кремлевских соборов стало стихотворение В. Кириллова «Мы», в котором пролеткультовский поэт заявил о своей готовности ради революции разрушить вообще всю прежнюю культуру:

Мы во власти мятежного страстного хмеля,
Пусть говорят: «Вы палачи красоты!»
Во имя нашего Завтра – сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

Если Достоевский наблюдал лишь первые успехи европейской социалистической идеи в России, то Пришвин видел уже конечную фазу развития русского революционного движения. Духовная пронизательность Пришвина позволяет ему обнаружить, что путь социального насилия неизбежно ведет к социальному расколу русского общества. И здесь ярко проявляется не только антиномизм, но и полифонизм художественного мышления писателя. Романы Достоевского и образы его героев для Пришвина были не только образцом искусства, но и примером постижения историсофского смысла тех глубочайших социальных и духовных противоречий, которые несла для России революционная эпоха. Не случайно после Октябрьского переворота размышления об идеях автора «Бесов» приведут его к выводу о ключевом их значении для понимания советской действительности: «Когда вдумываешься в Достоевского, то ничего не остается неожиданного в современности (“без чуда”) и как будто в стороне живешь и никакой не было революции» [13, с. 24]. Эта дневниковая запись свидетельствует, что развитие событий, приведшее к Октябрю 1917 года, и сам дух катастрофического времени порождал в обществе такие драмы и коллизии, которые требовали от писателя взгляда с совершенно определенных мировоззренческих позиций.

Наблюдая над воцарившимся в стране безумным хаосом революционного насилия, Пришвин стремится понять исторические закономерности и движущие силы большевизма. Если в свое время Достоевский ответственность за социалистическое движение в России возлагал на русских либералов, обольщенных утопическими идеями Европы, то Пришвин убежден, что вина за революционный переворот ныне лежит на всех сословиях и классах, ибо с наступлением XX века изменилась не только идейно-политическая атмосфера общества, но и роль социальных сил в жизни. «Ежедневно утром, днем и вечером смотрю на преступный Аграмач и думаю – представляю себе всю революцию <...> Достоевский изобразил интеллигентное преступление – “Бесы”»; и при большевиках «мы, конечно, находимся во власти преступников, но указать на них, сказать: “Вот кто виноват!” – мы не можем, тайно чувствуем, что все мы виноваты» [12, с. 265].

Достоевский писал, что еще задолго до крушения государства часть образованного сословия «как бы предчувствуя, что вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной» [8, с. 23], хотела идейно сблизиться с народом путем революционно-просветительской работы. Так после

отмены крепостного права разночинцы пытались вести социалистическую пропаганду в народе. Однако «хождение в народ» провалилось, ибо, не имея никаких представлений о предмете своих забот, интеллигенция шла в деревню не учиться у народа, а «учить его, свысока учить, с презрением к нему – чисто аристократическая, барская затея! “Барчонки”, говорит народ – и прав» [8, с. 23].

Примечательным развитием этой темы и аллюзией на идеи Достоевского является пришвинская характеристика той либеральной интеллигенции, которая подобно «барчонку» легкомысленно взирала на народ как предмет своих революционных увлечений. В итоге, заключает Пришвин, жизнь подготовила «наказание любовника через Миф о человеке, беднейшем из крестьян: пусть нет такого человеко-класса в действительности (это иллюзии), но как существо, противное интеллигенту (любовнику), он должен быть создан и созданся и действовал как гримаса вечного мужа» [12, с. 116].

Чтобы художественно показать трагикомизм положения либералов, в котором они оказались после победы большевиков, Пришвин применяет аналогию зловещей метаморфозы из повести Достоевского «Вечный муж», когда внешне забавный персонаж (муж-рогоносец) внезапно превращается в демонического мстителя любовникам своей жены. Именно такую роль на подмостках истории отвела судьба русским либералам, которые многие десятилетия легкомысленно призывали население России к восстанию против монархической власти. Но когда мятеж начался, народ как «вечный муж» – истинный хозяин жизни – выгнал интеллигенцию. В стихии революционного бунта интеллигент-либерал, пишет Пришвин, это всего лишь инфантильный краснбай, «любовник, чарующий словами (Февральская любовь), и против него, его прекрасных слов – “правда” вечного мужа: теперь оказывается, что это действительно, правда. Святая ложь февральских любовников и гнусная правда октябрьского вечного мужа» [12, с. 116].

Ирония истории оказалась в том, что после захвата власти большевики очень скоро забыли, кому они во многом обязаны вековой подготовкой революции, а либеральная интеллигенция, многие поколения чаявшая ее прихода, очутилась у разбитого корыта: «Специалисты по свержению самодержавия, их социализм, как песня любви, которая обыкновенно исчезает, когда женщина стала беременной, все эти Соломоны сделали свое дело, Россия беременна, понесла, подурнела, бесится. И любовники ни при чем» [12, с. 115]. Не случайно многие мечтательные борцы за счастье народа после Октябрьского переворота почувствовали себя обделенными. Смертельная обида либералов была и в том, что они, положившие на борьбу с царизмом всю свою жизнь, оказались в роли «подпольного человека» – одного из персонажей Достоевского: «Как человек из подполья. Обойденные... <...> Они революции ждали, из-за нее жизнь свою затратили, а когда пришла революция, сидят не у дела» [11, с. 257].

Используя художественные образы Достоевского, Пришвин иронически сравнивает интеллигента-либерала с несостоятельным любовником, десятилетиями лелеявшем мечту о революции и всячески обихаживающем предмет своих вздыханий. В то время как у настоящего мужа «нет ничего: отец-мать жи-

вут где-то далеко в провинции, живы или померли – даже неизвестно, десять лет не видел, жена сбежала, земли, капиталов никогда не было. Все, что есть – чемодан, жалованье за случайную службу – он большевик» [12, с. 107]. Однако сами большевики принципиально не могут быть подлинными интеллигентами, так как суть их идеологии – это классовое насилие и социальный террор. «Большевики победили, потому что они не интеллигенты, и прямо взялись за казарму и фабрику, не сидели, как эсеры, в кабинетах» [11, с. 385], – пишет Пришвин, характеризуя решительность партии Ленина в достижении цели любыми средствами.

Как и Достоевский, Пришвин понимает, что первостепенную роль в истории играет прежде всего духовное начало, которое предопределяет характер, содержание и направление развития общества, что прогресс зависит не столько от политических или экономических реформ, сколько от мировоззренческих установок человека, обуславливающих его поведение и деятельность, преобладание темных или светлых, низших или высших свойств души. «Нужно запомнить: при чтении “Вечного мужа” Достоевского представился наш мужик в образе этого “мужа”, и мое последнее отвращение к этому рабу, отвращение Вельчанинова. Личная задача: освободиться от злости на сегодняшний день и сохранить силу внутреннего сопротивления и воздействия» [12, с. 107], – пишет Пришвин о своей позиции вскоре после Октябрьского переворота.

Вдумчивый наблюдатель своего времени, писатель осознает ответственность всего общества за случившееся с Россией: «Это мы были “коммунистами”, наша эгоистическая злоба создавала бесов <...> Вот в том-то и есть очевидность его бытия (черта), что попадаются в ступу его и невинные жертвы» [12, с. 331], – отмечает он в 1919 году; и это же повторяет еще раз в Дневнике 1920 года: «Это наше, наше правительство! мы все в нем виноваты...» [13, с. 106]. Хотя Пришвин дает самые резкие оценки революции, считая власть большевиков государственным бытом воров и разбойников, что говорит о понимании им одной из главных закономерностей истории – революции начинают святые и заканчивают негодяи, он выступает против односторонности оценок: «Наше комиссарское хулиганье есть только отображение белого царского дворянского хулиганья, это в равновесии, а на стороне красных есть плюс – возмездие». Кроме того, «надо помнить, что теперь на стороне контрреволюции такая сволочь, что если они, то горем загорюешь о большевиках. Так правду разделили пополам, и стала там и тут ложь: сеем ложью, живем ложью» [13, с. 74, 168].

Диалектизм мышления и чувство личной вины перед Родиной наряду с историософской оценкой Октябрьского переворота ярко высвечивают суть пришевского патриотизма: несмотря на весь катастрофизм революционного разрушения исторической России, он продолжает свято верить в ее возрождение: «Мы теперь дальше и дальше убегаем от нашей России для того, чтобы рано или поздно оглянуться и увидеть ее. Она слишком близка нам была, и мы годами ее не видели, теперь, когда убежим, то вернемся к ней с небывалой любовью» [11, с. 360]. Ощущение неразрывной и кровной связи с Родиной делает для Пришвина в принципе неприемлемой идею эмиграции, свидетельствуя и о

преемственности патриотических традиций русской литературы, и о духовно-нравственном родстве его мировоззрения с Достоевским, который в свое время писал: «И как можно выживать жизнь за границей? Без родины – страдание, ей-богу! Ехать хоть на полгода, хоть на год – хорошо. Но ехать так, как я, не зная и не ведая, когда ворочусь, – очень дурно и тяжело. От идеи тяжело. А мне Россия нужна, для моего писания и труда нужна (не говорю уже об остальной жизни), да и как еще! Точно рыба без воды; сил и средств лишаешься» [6, с. 204].

Присущая Пришвину диалектичность мышления обязывает его видеть в революции не только явление русской смуты и разгул бесовщины, но и историческую необходимость. Такого же мнения придерживались и многие отечественные мыслители. В частности, С.Л. Франк утверждал, что если революции «разрушают старый порядок как преграду для творчества и тем дают простор для созидания назревшего нового порядка», то смуты есть «процессы простого разрушения и разложения <...> и потому не имеющие исторического оправдания». Однако однозначность, считал философ, недопустима в отношении любого исторического потрясения: «Понятия “революции” и “смуты” можно правомерно употреблять только как обозначения всегда и необходимо связанных между собою моментов внутренних потрясения или исторических кризисов. В этом смысле всякая революция есть смута и всякая смута есть революция» [14, с. 207-208].

Пришвин принципиально не приемлет революционный фанатизм большевизма, мнящего возможным добиться социального прогресса путем отрицания предшествующей культуры и подавления человеческой свободы, поэтому ему ясно, что «большевики – это люди обреченные, они ищут момента дружно умереть и в ожидании этого в будничной жизни бесчинствуют» [11, с. 357]. Крах большевизма неотвратим в силу его экономической и духовной несостоятельности. «Путь дальнейшей нашей истории – путь оживления мертвых (собственников). Это неизбежно, потому что другого пути (общего) и нет в сознании. Гибель социалистов неизбежна» [11, с. 328], – провидчески заключает он в Дневнике 3 июля 1917 года. В большевистском социализме как идеологии классовой борьбы нет мироустроительной силы добра, которая присуща только любви, поэтому он обречен на исчезновение. Таков историософский вывод писателя о неминуемом провале русского большевизма, он убежден в обреченности всякого насилия, ибо для человека жизнь невысказана без свободы как онтологического условия существования личности.

Специалист по картофелеводству и агроном по образованию, землеустроитель, фольклорист и этнограф, Пришвин хорошо понимал деревенскую Россию, был прекрасным знатоком быта и психологии русского мужика. Поэтому он не идеализировал крестьянство, относясь к народу так же, как и Достоевский, призывавшем интеллигенцию к объективному взгляду на людей: «Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает. <...> Судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и чест-

ностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном гармоническом соединении» [4, с. 43].

Гражданин и патриот России, Пришвин видит разрушительные социальные, экономические и духовно-культурные последствия революции и гражданской войны. Власть большевизма оказалась основана на насилии еще в большей мере, чем свергнутый монархический строй. Писатель размышляет, как и чем победить царящее в обществе зло? Ему необходимо показать тот единственно верный исторический путь, который сможет разрешить назревшие общественные противоречия.

Плоть от плоти своего народа, Пришвин понимает, что подлинную значимость личности и смысл жизни русских людей испокон веков определяют нравственные начала. Власть, силе и богатству православная русская традиция всегда предпочитала ценности изначально нетленные: веру в добро и справедливость, братство и равенство, милосердие и любовь. «Не в силе Бог, а в правде» – вот вечная ценность и незыблемое правило, которому всегда стремился следовать народ. Как и Достоевскому, учение Христа помогает Пришвину найти понимание «того единственного, чем побеждается большевизм. Вообще это скрыто сейчас в глубине России – то, чем побеждал Франциск Ассизский» [12, с. 115]. Преодолеть царящее в мире зло можно только просветительством и любовью, только следуя святому Франциску, который кротко проповедовал святое Евангелие как людям, так и диким зверям. Это пришвинское прозрение о путях и способах преодоления большевизма вполне совпадает с мыслями Бердяева, который спустя три десятилетия придет к аналогичному выводу: «Коммунизм есть русская судьба, момент внутренней судьбы русского народа. И изжит он должен быть внутренними силами русского народа. Коммунизм должен быть преодолен, а не уничтожен» [1, с. 265].

Список источников и литературы

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990. – С. 43-271.
2. Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. – М., 1990. – 479 с.
3. Достоевский Ф.М. Бесы // Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т. 10. – Л., 1974. – 517 с.
4. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876. Январь – апрель // Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т. 22. – Л., 1981. – 407 с.
5. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876. Ноябрь-декабрь // Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т. 24. – Л., 1982. – 518 с.
6. Достоевский Ф.М. Письмо А.Н. Майкову 16 (28) августа 1867 г. // Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т. 28. – Кн. 2. Письма 1860-1868. – Л., 1985. – С. 203-215.
7. Достоевский Ф.М. Письмо Н.Н. Страхову 18 (30) мая 1871 г. // Собр. соч.: В 30 т. – Т. 29. – Кн. 1. Письма 1869-1874. – Л., 1986. – С. 214-217.

8. Достоевский Ф.М. Письмо студентам московского университета 18 апреля 1878 // Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т. 30. Кн. 1. Письма 1878-1881. – Л., 1988. – С. 21-25.

9. Пришвин М.М. Тютенькин лог // Собр. соч.: В 8 т. – Т. 1. – М., 1982. – С. 678-692.

10. Пришвин М.М. Ранний дневник. 1905-1913. – СПб., 2007. – 800 с.

11. Пришвин М.М. Дневники. 1914-1917. – М., 1991. – 432 с.

12. Пришвин М.М. Дневники. 1918-1919. – М., 1994. – 383 с.

13. Пришвин М.М. Дневники. 1920-1922. – М., 1995. – 334 с.

14. Франк С.Л. Из размышлений о русской революции // Новый мир. – 1990. – № 4. – С. 207-226.

15. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 20. – М., 1961. – С. 1-338.

Рощупкин Алексей Юрьевич

кандидат исторических наук,

Елецкий техникум железнодорожного транспорта –
филиал ФГБОУ учреждения высшего образования «Ростовский государствен-
ный университет путей сообщения», г. Елец,
e-mail: alex.roschupkin@rambler.ru

ВЗГЛЯДЫ НА ЦАРСКУЮ ВЛАСТЬ СЛУЖИЛОГО КАЗАЧЕСТВА ЮГА РОССИИ В XVII ВЕКЕ

Аннотация. В статье, на примере южнорусских городов, проанализирован комплекс документов, раскрывающих социальные процессы в русском обществе после трагических событий Смутного времени, которые яркими примерами иллюстрируют отношения служилых людей к фигуре выборного царя М.Ф. Романова. Рассматривается несколько диаметрально противоположных сюжетов, связанных с вопросом восприятия нового правителя. В первом анализируется конфликт между ельчанами и боярином И. Н. Романовым, с выделением из среды елецких служилых людей, участвовавших в тяжбе, поместных казаков, которые в лице законного царя видели гаранта в принятии справедливого решения. Второй сюжет отражает отношение служилых людей к М.Ф. Романову через призму многочисленных грамот и челобитных, затрагивающих разбирательства об оскорблениях царя и членов царской семьи, известных, как «слово и дело государево».

Ключевые слова: южные рубежи, служилые люди, служилые казаки, поместные казаки, «слово и дело государево».

События начала XVII столетия, связанные с появлением самозванцев, столкновением интересов различных социальных групп, изменением культурных и моральных основ общественных взаимоотношений, вмешательством во внутренние процессы сторонних государств, а также выборностью нового царя, оставили заметный след в жизни русского общества. Смутное время повлияло

на изменение сложившихся за предыдущее время стереотипов и приоритетов в русском обществе по отношению к царской власти. Образ Михаила Федоровича Романова в сознании современников был связан с оформлением новой, но в отличие от предыдущего времени законной власти, необходимой для внутренней стабильности русского государства. Новый правитель выступал гарантом справедливости в решении спорных дел и вопросов, а его представители на местах обязывались следить за выполнением присланных распоряжений. При этом в народной памяти были свежи воспоминания о событиях Смуты, когда попирались традиции преемственности передачи царских регалий. В связи с этим Михаил Федорович, как родоначальник новой династии, столкнулся с трудностью в восприятии его образа, как единственно возможного царя, а не следующего в черед сменявшихся правителей [2, с. 38-45; 4, с.47-57; 5, с. 66-70].

Жизнь Ельца и елецкой округи после Смутного времени и опустошительного прохода по южным городам войска гетмана П. Сагайдачного, постепенно нормализовалась и вошла в обычное для южнорусского уезда русло. Служилые люди занимались объездом сторож и предупреждением татарской опасности, несли городовую службу, в свободное время обрабатывали земельные участки, а также занимались торговлей и ремеслом [3, с.174-176].

В 1628 г. в Ельце происходило крупное разбирательство между ельчанами и дядей Михаила Романова, Иваном Никитичем Романовым. Село боярина Романово городище находилось в Лебедянском уезде на реке Воронеж. Отсюда люди Романова под руководством старосты приезжали в села и деревни Елецкого уезда, где незаконно грабили ельчан и вывозили крестьян и бобылей. Многие из них они разорили без «остатка», забирая лошадей, коров, хлеб, сенные покосы, личное имущество и деньги. Разграблению подверглись не только поместья и вотчины ельчан, но и земли, находящиеся во владении монастыря Пречистой Богородицы [7, с. 319-321]. Елецкие воеводы многие годы смотрели на эти действия сквозь пальцы, поскольку Иван Никитич имел покровителей в виде царя-племянника и брата – патриарха Филарета.

Притеснения ельчан приказчиками боярина И.Н. Романова долгое время оставалось безнаказанным, поэтому от имени самых влиятельных представителей города и уезда царю была составлена коллективная челобитная. В ней к «великим государям» царю Михаилу Федоровичу и его отцу патриарху Филарету обратились: дети боярские, поместные атаманы, есаулы, казаки, вдовы и недоросли, стрельцы и полковые казаки, пушкари и затинщики, «новых оброчных слобод» посадские люди, «всем городом и всякие уездные люди» [7, с. 317-402]. Вместе с ними челобитную подписали игумен Троицкого монастыря, соборный поп, черный поп Задонского монастыря, двадцать шесть попов Ельца и уезда [7, с. 322-325]. Коллективную жалобу ельчане отправили в Москву, где они надеялись получить от царя справедливое решение в затянувшемся конфликте с И.Н. Романовым [7, с. 399].

В ходе начавшегося следствия нашел отражение тезис о неправомерности претензий елецких челобитчиков. В подтверждение этого приводились показания доверенных лиц И.Н. Романова, которые говорили, что в Елецком уезде «у

боярина Ивана Никитича сел и деревень никаких нет», а «разорять и крестьян вывозить и всякое насильство чинить не веливал» и «об обидах ельчан детей боярских боярину Ивану Никитичу ведомо не бы-вало» [7, с. 319-321, 327-329].

Для более тщательного разбирательства конфликта в Елец были посланы сыщики И. Тимофеев и Н.Д. Вельяминов. Ими были собраны сведения не только в Ельце, а также в Ливнах [7, 351-356], Лебедяни [7, с. 356-362] и Данкове [7, с. 363-366]. К собранным материалам были привлечены свидетельства лебедянского писца Леонтия Погожего и подьячего Кирилла Семенова, составлявших описание земель Лебедяни и Ельца. Сыщикам удалось установить, что к моменту начала обысков ельчане потеряли 188 крестьян и 6 крестьянок. В вотчине И.Н. Романова была проведена перепись крестьян, но елецких крестьян там не обнаружили.

В Ельце И. Тимофеев и Н.Д. Вельяминов искали всех тех, кто подписался под челобитной, и пытались выявить главных зачинщиков недовольства. Сыщикам необходимо было собрать подписи и сличить их с теми, что стояли в поданной царю жалобе. Для ускорения дела они заставляли большинство ельчан расписываться на «порожней» (пустой – А.Р.) бумаге. Отказались это сделать несколько поместных атаманов: Гаврила Черницын и Пересвет Тараканов.

Казаки призывали своих товарищей к тому, чтобы те не прикладывали своих рук. В результате такой агитации многие ельчане «своих рук к порожней бумаге прикладывать не почали», тем самым они «государево дело поставили (остановили)». П. Тараканов стал во всеуслышание говорить, что «то де знатно воровское дело, порожней бумаге руки прикладывать». За это его сыщик Никита Вельяминов «бил батогами». После чего избитый П. Тараканов вместе с Г. Чернициным были посажены в тюрьму до окончания следствия. Дело было приостановлено. Сыщики ждали указания из центра, по которому, «Гаврилко и Пересветко» были посланы в Разрядный приказ, а их поместья подлежали конфискации [7, с. 336-339]. Атаманы в ходе следствия стали выразителями общественного мнения, отказавшись оставить свои подписи, поскольку для детей боярских и поместных казаков земля и работавшие на ней крестьяне и бобыли были основной статьей дохода [8, с. 352], а подпись означала согласиться с тем, что они неправомерно обвинили боярина И.Н. Романова.

В январе 1629 г. по указу царя И.Н. Романов был оправдан. В доказательство невиновности его людей были составлены «перепись» и «список перечневой и роспись крестьянам» с переписных книг вотчины И.Н. Романова, где документально подтверждалось владение теми или иными территориями и крестьянами [7, с. 383-395]. В отношении многих были составлены подробные описания их перехода с одного места на другое и последующего оседания в вотчинных землях Ивана Никитича [7, с. 394]. Ельчан обвинили «за их воровское и ложное челобитье», челобитчиков, пришедших в Москву, били батогами и посадили в тюрьму, а с жителей города было велено взыскать расходы казны по сыску. По прошествии некоторого времени решением царя елецких детей боярских велено было выпустить с условием «впредь не воровать», не участвовать в неправомерных выступлениях, а также не ездить в Крым и в Литву для поисков «воровства» [7, с. 400-402].

Ценный пласт информации о социальных процессах во второй четверти XVII в. и восприятия обществом личности М.Ф. Романова сохранился в череде грамот и челобитных, затрагивающих разбирательства об оскорблениях царя и членов царской семьи. «Непригожие речи» в адрес правящей династии звучали от представителей различных социальных групп населения Московского государства, характеризуя их отношение к происходящим в стране социально-политическим процессам. Каждая из групп достойна отдельного изучения, но в рамках нашего исследования остановимся на категории служилых казаков. В материалах следственных дел казаки выступали в качестве челобитчиков, обвиняемых и свидетелей [6].

В марте 1623 г. в Туле проходило разбирательство над крестьянином Пронькой Кондратьевым. Казачий десятник Богдан Галличенин молвил в съезжей избе о том, как в «Большом тульском кабаке» произошла драка между Титом Мухоедовым и Пронькой Кондратьевым. Крестьянин был пьян и в пылу ссоры стал выкрикивать, что его помещик Кавылка Ивашкин «нам де царь». Осадный голова приказал найти всех участников конфликта и допросить каждого. Из их показаний следовало, что во время драки Пронька Кондратьев сказал «по царю де нам царь Кавыла Степанович Ивашкин». Сам Пронька на допросе говорил, что Тит первый нанес ему удар, а тот лишь молвил «Кавыла Степанович по государю государь». Осадному голове, разбиравшему это дело, пришел указ Проньку Кондратьева наказать за его «непригожие слова» и «нещадно бить кнутом» [6, с. 290-293].

В 1625 г. ливенский поместный казак Овдейко Яковлев был обвинен своими крестьянами за оскорбления в адрес царя. С их слов казак жаловался на свое нелегкое положение - «государь нас, служилых людей, не жалует» и способствует бегству крестьян в богатые вотчины из Ливенского уезда. После чего казак заявил, что если они попробуют бежать, то он сожжет их имущество, дворы и самих их избьет. В связи с тем, что царь не заступает за служилых людей, Яковлев высказывал мысль о поисках себе другого государя. Крестьяне были обеспокоены крамольными высказываниями казака и поэтому решили подать на него жалобу в Москву, где состоялась очная ставка между Авдеем Яковлевым и его крестьянами. В ходе разбирательства были выяснены новые факты по делу о том, что у казака был давний конфликт с крестьянином Кузьмой Пошлиным, который длился более четырех лет. Кроме того, за время следствия свидетельница, жена одного из крестьян, Дунька «стаскалась» с Кузьмой Пошлиным и поэтому решила выступить на его стороне. На нее, как свидетельницу, падали подозрения в умышленном обвинении. Но Пошлин заявил, что они «в свойстве не были». Затем состоялась очная ставка между Яковлевым и Дунькой, на которой та подтвердила ранее сказанные слова. Но казак отстаивал свою позицию и в разговоре «запирался». За время следствия он заболел «черной болезнью», и его состояние постепенно ухудшалось. Так как дело затянулось, то Яковлев, Пошлин и Дунька подверглись пыткам. Но никто из них не изменил своих показаний. Состояние Яковлева окончательно ухудшилось, и его охватила «падучая болезнь» [6, с. 351, 352].

Другой яркий инцидент произошел так же в Ливнах. В июле 1634 г. казаки Заливенской слободы во главе с пятидесятником Шелагаевым и десятником Ереминым пришли в съезжую избу с жалобой на их пятидесятника Прохора Соболева. По их словам в 1619 г. им была выдана «оберегательная грамота». По ней они освобождались от пошлины по судным делам с 12 руб. и кабацким и таможенным целовальникам с 2 руб. Этим были недовольны кабацкие откупщики, поэтому они напоили Прохора и тот испортил царскую грамоту, оторвав от нее «государево имя». Пятидесятник не признал своей вины, а указал на давний конфликт между ним и казаками за землю. Казаки отправили царю челобитную на пятидесятника и испорченную государеву грамоту. Однако, к сожалению, результаты дела остались неизвестны [6, с. 330-351].

В июне 1636 г. курчанин кормовой казак Степанко Турубаров «сказывал, что за ним государево дело», а скажет его он только в Москве. На допросе Степан дал показания на тюремного сидельца кормового казака Воина Татарина и разбойных дел подьячего Петра Михайлова. Из материалов дела известно, что Воин делал «смесные медные деньги», а его двоюродный брат Ивашко Татарин серебряные. За это их посадили в тюрьму до царского повеления, где произошел конфликт между Воином и Степаном. В перебранке Турубаров назвал Воина «вором и денежным мастером». Тот ответил, что хоть он и делал деньги, но ему истец государь, а не он, чем вероятно и вызвал неприязнь к себе. Подьячего Петра Степанко Турубаров обвинил в злоупотреблении полномочиями. Якобы тот говорил, что он никого не боится и как хочет, так и будет делать, потому что в Москве ему ничего не сделают. Каждый из участников событий дал свидетельские показания, ссылаясь друг на друга, но никто из них не признавал своей вины. Указаний в их адрес не последовало, но можно предположить, что к подьячему применили телесное и наказание, а к фальшивомонетчикам более суровые меры, как предостережение другим [7, с. 474-478].

В июле этого же года в «съезжей» избе Ельца проходило разбирательство над тюремным «сидельцем» Афанасием Немым. Его обвинили в том, что, будучи в тюрьме он говорил «непригожие» слова на царевичей Алексея Михайловича и Ивана Михайловича [7, с. 443, 444, 483-493].

Дело началось с того, что к елецкому губному старосте Ивану Бовыкину пришел тюремный сторож Мартын Попов. Он сообщил старосте о том, что при «открытии разбойной земляной тюрьмы» его позвал один из «сидельцев», елецкий беломестный казак Устин Михайлов сын Дурнев, с тем что у него есть «государево дело». Казака привели из тюрьмы в «съезжую» избу и начали допрос. В ходе него он свидетельствовал о том, как 1 июля в 3 часа ночи с пятницы на субботу, крестьянин «Афонька Немой» говорил «непригожие слова на благоверных царевичей, про князя Алексея Михайловича и князя Ивана Михайловича». Так как это дело касалось высочайших особ, то оно приобрело политический характер. Материалы были отправлены в Разряд, до последующего указания. В ответ пришло распоряжение о продолжение следствия и сборе материалов. Было велено начать очные ставки Афанасия со всеми «сидельцами». Губному старосте было велено беречь подозреваемого. Его заковали в губной избе на руках «наручами, на ногах «огибнями», а на шею повесели толстую

цепь, которую прибили к стулу. Кроме того, приставили к нему несколько человек. Однако 28 июля Афанасию Немому удалось с чужой помощью бежать из тюрьмы. Его «сыскали» в Елецком уезде в Бруслановском стане, за речкой Пальной. Для более тщательного «береженья» были выделены четыре стрельца и четверо пушкарей.

После этого в «съезжей» избе перед князем Семеном Васильевичем Мосальским проходили очные ставки. Многие из «сидельцев» находились в тюрьме за кражи и убийства. Всего вместе с Афанасием в ставке приняло участие 14 человек. Из них шестеро во главе с беломестным казаком Устином Дурневым давали показания, в которых они говорили, что слышали, как Немой говорил «непригожие слова». Семеро заключенных, наоборот, ничего от него не слышали, так как спали далеко. Афанасий же оправдывался тем, что он говорил эти слова в «забвении», потому что у губного старосты к нему предвзятое отношение. Кроме того, староста ему угрожал, что пережег бы его на двое, если бы не государев указ. И от этого он «помешался». А то, что «сидельцы» на него говорят, так это от «кручины». Все собранные показания отправили в Разряд, до специального распоряжения. Пока же разбирательство не закончилось, Афанасия следовало тщательно охранять.

9 марта 1637 г. в Елец была прислана грамота, за подписью дьяка Григория Ларионова. В ней было велено Афанасия Немого, признать виновным в том, что он говорил «непригожие слова» на князей Алексея Михайловича и Ивана Михайловича. За это его должны были казнить «торговою» казнью и нещадно бить кнутом. «Афоньку» должны были поставить перед «съезжей» избой и при людском обозрении высечь, что другим было «неповадно». О дальнейшей судьбе Афанасия Немого практически ничего не известно. Последнее упоминание о нем сохранилось в деле 1639 г. В этом деле он выступал свидетелем в государственном деле по обвинению сына боярского Клима Клишина в укрывательстве от правительства «серебряной руды» найденной им в г. Лебедянь [7, с. 345-346].

В июне 1644 г. воронежский поп соборной церкви Федор и поп Савелий пришли в съезжую избу с тем, что у них «государево слово» на полкового казака Ваську Канаева. По их словам, Васька в присутствии воронежских детей боярских и посадских людей говорил неоднократно, что «государя не стало». Незамедлительно за казаком были посланы стрельцы во главе с казачьим сотником Иваном Филатовым. Ваську привели к князю Василию Ромодановскому. Начали проводить опрос свидетелей. Многие сказали, что Казак был пьян и поэтому говорил непригожие слова. Из Москвы Ромодановскому пришло предписание «пытать Ваську крепко» и держать в тюрьме до окончания разбирательств. В ходе допросов выяснилось, что крамольные слова Канаев говорил «во пьянстве не умыслом» и никто его этому не учил, поэтому его выпустили на поруки [7, с. 521-523].

В 40-х гг. в Ельце произошло разбирательство между двумя группами служилых людей. Первая группа во главе с помещиком Дмитрием Снетиным состояла из 4 помещиков, поместного казака, двух священнослужителей и казачьего дьячка. Они поддерживали местных воевод и выполняли их поручения

по организации ремонта стен, поставке спиртного и продуктов на нужду царского Двора, сбора хлеба, налогов и прочего. За это они при сборе налогов не включали себя в списки, забирали излишки собранного с ельчан хлеба, частично использовали для своих нужд привезенный для ремонта городских стен лес [9; 1, с. 148].

Такая практика вызывала недовольства многих елецких служилых людей. Из них во главе с Василием Наумовичем Насоновым образовалась вторая группа ельчан, стремившихся обличить воевод и наказать Снетина и его людей [1, с. 107]. Первая попытка Насонова оправить в Москву грамоту о тяготах службы и произволе власти не увенчалась успехом. По приказу воеводы Ф.А. Алябьева Василия задержали и бросили в тюрьму. Но это не остановило Насонова в его стремлении добиться справедливости. В 1646 г. он лично отвез челобитную в Москву. В результате для сглаживания елецкого конфликта Д. Снетина и членов его группы отправили на службу в Царев-Алексеев [10, с. 149].

Через некоторое время опальных ельчан было решено вернуть в месту прежней службы. В ответ на это известие В. Насонов в Новосильской башне собрал близких к себе служилых людей. При разговоре присутствовал казачий дьячок Григорий Белозеров, который передал всю информацию голове И. Буженинову. При этом дьячок акцентировал внимание на то, что собравшиеся в башне ельчане, якобы целовали крест. Полученную новость о готовящемся заговоре голова передал воеводе Г.Д. Долгорукому. Заговорщика Насонова арестовали и обвинили в измене царю Алексею Михайловичу. Последовало разбирательство, в результате которого выяснили, что «креста никому не целовали», после чего Насонов был освобожден.

На основе приведенных разбирательств сыскных и следственных дел второй четверти XVII в., связанных с Ельцом и служилыми казаками ряда южно-русских городов, можно сказать, что царская власть в лице выборного царя М.Ф. Романова воспринималась двояко. С одной стороны в течение нескольких десятилетий происходило закрепление в русском обществе образа законного и единственно возможного царя, к которому обращались, как к гаранту законной власти, принимающему справедливые решения. С другой стороны в памяти служилых людей всплывали отголоски Смутного времени, которые в ходе бытовых конфликтов выражались в недовольстве к политике новой власти.

Материалы елецкого сыскного дела 1628 г. позволили охарактеризовать не только взаимодействие центральной власти и провинциального города, но и показать, что правительство, не напрямую, но поддерживало интересы крупных и влиятельных землевладельцев, которые были связаны родством с царской семьей. В ходе конфликта многие ельчане пострадали от самоуправства приказчиков боярина И.Н. Романова и бездействия местных воевод. В поиске справедливости они столкнулись с нежеланием свидетелей выступать против влиятельного боярина, в результате чего наиболее активные ельчане были переведены из челобитчиков в разряд обвиняемых. Несмотря на это, ельчанами был создан прецедент, и в последующие годы массовых переводов крестьян из елецких поместий в другие города и уезды не наблюдалось.

В тоже время новоизбранная царская власть стремилась к укреплению своего авторитета в обществе и сознании населения, пресекая любые проявления вольнодумства. В дальнейшем кроме личного авторитета и родословной стали необходимы соответствующие документальные подтверждения своей власти, которые получили оформление в Соборном уложении 1649 г., когда за любое ложное посягательство на царское здоровье, «слово и дело» следовало строгое наказание. Это способствовало преобладанию тенденций на развитие абсолютизма, которое с течением времени только усилилось.

Список источников и литературы

1. Ляпин Д.А. История Елецкого уезда в конце XVI-XVII вв. – Тула, 2011. – 208 с.
2. Ляпин Д.А. «Свет всему московскому государству»: представления служилых людей о царской власти в середине XVII в. // Сборник молодых ученых исторического факультета ЕГУ им. И.А. Бунина. Вып. 2. – Елец, 2007. – С. 38-45.
3. Ляпин Д.А. Служилые люди старых служб в середине XVII века. // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Сб. статей: в 2-х т. – Т. 2. – Тула, 2008. – С. 174-176.
4. Ляпин Д.А. Смутное время в начале XVII в. и народные представления о власти // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. – Вып. 8. – Елец, 2008. – С. 47-57.
5. Ляпин Д.А. Царь и царская семья в представлении населения южно-русских уездов в первой половине XVII вв. // Общественное сознание в России: история и эволюция: сборник памяти А.О. Амелькина. – Воронеж, 2008. – С. 66-70.
6. Новомбергский Н.Я. Слово и дело государевы (Процессы до издания Уложения 1649 г.). – Т. I. – М., 2004. – 624 с.
7. Новосельцев В.А. Горлов В.П. Елец веками строился. – Липецк, 1993. – 440 с.
8. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – СПб., 2001. – 800 с.
9. РГАДА. Ф.210. Оп.6-д. Д.229. Л.1-210.
10. Чистякова Е.В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30 – 40-е гг.). – Воронеж, 1975. – 248 с.

Сайдумаров Хуршед Шералиевич
аспирант,
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина», г. Елец,
e-mail: inpp.elsu@yandex.ru

ИСТОРИЯ ТАДЖИКОЯЗЫЧНОЙ ПЕЧАТИ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX СТОЛЕТИЙ

Аннотация. В статье рассматривается становление таджикоязычной периодической печати Туркестана. Оценивается ее состояние в период вхождения Средней Азии в состав Российской империей, во время и после буржуазно-демократической революции 1905 года. Делается вывод о том, что главной причиной появления и развития печати края, в том числе таджикоязычной, была пропаганда капитализма и давление на местных беков, отстаивающих феодальные устои.

Ключевые слова: Туркестан, таджикоязычная пресса, революционная печать.

Становление таджикской печати тесно связана с возникновением периодических изданий в Средней Азии, история которых начинается с момента образования генерал-губернаторства Туркестана. Периодика в регионе впервые появилась во второй половине XIX века после вхождения Средней Азии (1859) в состав Российской империи. 28 апреля (10 мая) 1870 г. вышел первый номер «Туркестанских ведомостей» – официальной газеты, которая представляла интересы царской администрации и в основном печатала государственно важные новости на русском языке.

Прежде в Бухарском эмирате развитие печатного дела было осложнено рядом причин, главной из которых было нежелание эмира просвещать народные массы. Однако после присоединения Средней Азии к Российской империи ситуация кардинально меняется. Интересы развивающегося русского капитализма требовали расширения рынков сбыта, овладения новыми источниками сырья, прежде всего, возрастала потребность российской промышленности в хлопке. «Русско-английское соперничество активизировало действия царизма по завоеванию Средней Азии. 23 июня 1868 г. между Россией и Бухарой был заключён договор, согласно которому все завоёванные русскими войсками территории вошли в состав России, русским купцам предоставлялась свобода торговли», - отмечается в БСЭ [5]. Началось всестороннее изучение экономики, природных богатств, географии, национальных традиций, обычаев, литературы и культуры края.

Присоединение восточной Бухары (сегодняшнего Таджикистана) к России, с одной стороны, имело прогрессивное значение для края, так как способствовало сближению таджикского и русского народов, будущей совместной борьбе против царизма и местных угнетателей; укреплению экономических, политических и культурных связей, росту солидарности таджикского народа с

другими народами России. Кроме того край фактически избавился от внешней угрозы английской экспансии. Внутри региона это привело к уничтожению рабства, прекращению феодальных междоусобных войн, к разложению натурального хозяйства и развитию капитализма.

С другой стороны, «после присоединения к России население попало под двойной гнёт: местных баев-феодалов и русских капиталистов. Увеличились всевозможные налоги и повинности; как в городе, так и на селе от налогов страдали бедные ремесленники, мелкие торговцы, крестьяне» [5]. Вместе с тем в конце XIX – начале XX вв. в регионе зарождалась фабрично-заводская промышленность, строилась железная дорога. Произошли серьезные сдвиги в социальной сфере, возросло население региона, в том числе за счет русскоязычных переселенцев из центральной России. В этот период начала формироваться периодическая печать, выходившая на языках народов Туркестанского края, в том числе на таджикском. Ш.Б. Муллоев справедливо утверждает, что «возникновение и развитие периодической печати в Туркестане было закономерным явлением. Оно было требованием времени, требованием экономических, социальных и политических изменений в крае, вызванных, главным образом, присоединением Средней Азии к России» [3, с. 8].

В первое десятилетие XX века под воздействием революции 1905-1907 гг. как в России, так и в Средней Азии активизируется деятельность различных подпольных политических партий, организаций и местных национальных движений. М.М. Султонов отмечает: «российская революция оказала большое воздействие на Туркестан и стала неким катализатором развития нелегальной печати в крае» [4, с. 16-17]. Начиная с 1905 г., в разных городах региона зарождается огромное количество легальных и нелегальных изданий, принадлежащих различным партиям и группам. За период с 1905 по 1909 гг. в Туркестане «было выпущено 245 нелегальных изданий, в том числе в 1905 – 85, 1906 – 92, 1907 – 55, 1908 – 10 и в 1909 – 2 издания» [Цит. по 4, 17]. В этих условиях в ноябре 1905 года выходит в свет первая неофициальная национальная газета «Таракки» («Прогресс») под редакцией татарского купца Габитова, а потом целый ряд изданий: «Осие» («Азия»), «Хуршед», («Солнце»), «Вакт» («Время») и т.д.

Социал-демократы региона в этот период кроме нелегальных выпускали легальные издания, одним из которых, «превратившихся в трибуну революционеров Туркестана, была газета «Самарканд» (с 10.04.1904 по 07.04.1907 вышло 827 номеров). Газета основана предпринимателем Р.И. Демуровым в коммерческих целях. Но на страницах издания находили отражение и общедемократические темы. В августе 1904 г. ее редактором стал большевик М.В. Морозов. С этого момента газета превратилась в орудие революционеров и развернула пропагандистскую деятельность, начав с острой критики царского правительства [4, с.18]. Деятельность представительств всероссийских партий и движений в регионе существенно влияла на развитие периодической печати, в том числе на местных языках. Становление таджикоязычной печати начинается именно в эти годы и также сопряжено с деятельностью различных политических сил.

В конце XIX – начале XX вв. в Центральной Азии формируется национальное движение «Джадида» («Новые»), которое основывалось на идеях про-

светителя Исмаила Гасиринского. Движение, как отмечают исследователи, «берет свое начало с просветительских идей передовой интеллигенции края в последней трети XIX в., которые были направлены против средневековых отношений, пережитков и традиций и пропагандировали распространение светских знаний. Становление и развитие просветительской идеологии в регионе было обусловлено влиянием европейской культуры, самим фактом контраста между феодальной ЦА и капиталистической Россией. Оно было выражением антифеодальных и антиколониальных настроений» [3].

Главой бухарских просветителей в конце XIX в. был государственный деятель, трижды посетивший Петербург как посланник эмира, выдающийся таджикский литератор Ахмади Дониш. Его ученики и последователи джадидамладобухарцы (исконные таджики) знали позиции своего наставника, критически относившегося к культурной отсталости и феодально-монархическому строю эмирата и считавшего, что путь избавления от нищеты связан с реформированием государственного строя и распространением светских знаний.

В десятилетия XX века в Туркестане укрепляется ряд печатных изданий, имевших политическую направленность. Газеты движения джадидов «Гарджумон» пропагандировала роль единой тюрко-язычной нации. Но таджикоязычные джадиды, борясь с экономическими и политическими трудностями времени, стремились создать подлинную национальную печать. В числе этих просветителей Мирзо Сироджи Хахим, Мирзо Мухиддин Мансуров, Мирзо Гаффар, Абдурауфи Фитрат, Мирхайдар Мирбадалов, Мухаммад Исмаил, Садриддин Айни, Саидризо Ализода, Махмудходжаи Бехбуди, Абдукодир Мухиддинов и другие.

В этот период печатные издания выходят как только на таджикском, так и одновременно на двух языках: таджикско-узбекском, таджикско-туркменском и таджикско-тюркском. К периодике этого времени относятся: «Туччор» («Купец») 1907-1908 гг. на таджикском и узбекском, «Бухорои шариф» («Священная Бухара») 1912-1913 гг. на таджикском, «Самарканд» 1913 г. на таджикском и узбекском, «Оина» («Зеркало») 1913-1915 гг. на таджикском и узбекском, «Садои Фаргона» («Голос Ферганы») 1914-1916 гг. на таджикском и тюркском, «Садои Туркистон» («Голос Туркистана») 1914 г. на таджикском и узбекском, «Рузномаи моварои бахри Хазар» («Газета каспийского региона») 1914-1917 гг. на таджикском и туркменском языках.

Из упомянутых выше можно выделить газету «Самарканд», первое легальное издание социал-демократической партии Средней Азии, выходившее с перерывами до 1913 г. Как считает Ш.Б. Муллоев, «издание Демурова являлось пропагандистским в финансово-коммерческих отношениях». Вместе с тем «газета предназначалась для борьбы против самодержавия и всячески защищала интересы простых трудящихся. В газете печатались материалы политического и социального характера» [3, с. 16-20]. Но с приходом в редакцию М.В. Морозова вплоть до 1907 г. газета выступила уже в качестве трибуны большевистских идей. «Результатами этой деятельности было то, что правительство несколько раз закрывало газету, но она выходила под другими названиями. Генерал-губернатор Туркестана Е. Мадсевский писал, что газета «Самарканд», «которая

по решению суда была закрыта, стала выходить под названием «Новый Самарканд» [3, с. 16-20]. После 5-летнего перерыва в 1913 г. она начала издаваться под редакцией бухарского просветителя, активиста движения джадидизма, Махмуджходжа Бехбуди на таджикском и узбекском языках. На первой странице «Самарканда» цель и задачи газеты определялись следующим образом: «дискуссия на разные темы: наука, литература, торговля, земледелие, а так же ситуация в России и иностранной культуре» [7, с. 20]. Одна из основных задач издания состояла в том, чтобы содействовать «...развитию торговли с другими странами» [7, с. 20], - отмечает К. Шарифзода.

Изданием сугубо коммерческого назначения была газета «Туччор» («Купец»). Она выходила еженедельно с 27 августа 1907 по июнь 1908 года в городе Тошканд на таджикском и узбекском языках. Всего выпущено 36 номеров. Как определяет Ш.Б. Муллоев, «главным направлением этой газеты была пропаганда коммерческих отношений и содействие развитию торговых предприятий» [3, с. 16-20]. Несмотря на то, что «Туччор» издавался всего 10 месяцев, он сыграл важную роль в развитии торговых отношений региона.

Газета «Бухорой шариф» являлась универсальным изданием, на страницах которого активно освещались вопросы торговли. Несмотря на то, что основателем издания был успешный бухарским купец Мирзо Мухиддин Мансуров, ее задачи не связывались только с торговлей. «Наша газета является научной, литературной, социальной, отраслевой, экономической», - указывали издатели [2]. Основная тематика материалов была посвящена «созданию новометодных школ, реформе преподавания в медресе, новым методам обучения коммерческой деятельности» [3, с. 26-28].

Газета «Садои Фаргона» под редакцией Обидджона Махмудова выходила три раза в неделю с 3 апреля 1914 г. до 1916 г. Как отмечали авторы, она «в отличие из других изданий имела немного политических материалов, но в основном обращала внимание на развитие торговли края, в том числе торгово-экономических отношений Туркестана с Россией, Францией и Англией» [6, с. 41].

В целом эти издания, освещая торговые проблемы своего времени, содействовали зарождению элементов аналитики, свойственной более поздней деловой печати. Очевидно, что одной из причин их появления и развития, в том числе на национальных языках народов Средней Азии, была потребность пропаганды русского капитализма и давление на местных беков, отстаивающих на рубеже XIX-XX вв. феодальные позиции. К сожалению, таджикоязычная печать этого периода не смогла сформироваться в том виде, о котором мечтали тогдашние просветители. Тем не менее до начала Первой мировой войны процесс развития универсальных изданий, в содержании которых заметной составляющей была торгово-экономическая сфера, активно продолжался.

Список источников и литературы

1. Акопов А.И. Периодические издания. – Ростов н/Д., 1999. – 91 с.
2. Бухорой шариф («Священная Бухара») // Газета. – 1912. – № 1. – 11.03.

3. Муллоев Ш.Б. История таджикской журналистики: Учебно-методическое пособие для студентов отделения журналистики. – Душанбе, 2009. – 67 с. [Режим доступа]. <https://mulloevsharif.wordpress.com/> (дата обращения 28.05.2017).

4. Султонов М.М. Периодическая печать постсоветского Таджикистана: формирование и основные тенденции развития: 1991-2004 гг.: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – М., 2005. – 174 с.

5. Таджикиская Советская Социалистическая Республика // Большая Советская Энциклопедия М.: Советская энциклопедия, 1969-1978. [Режим доступа]. <http://alcala.ru/bse/izbrannoe/slovar-T/T10098.shtml> (дата обращения 28.05.2017).

6. Усмонов И., Давронов Д. Таърихи матбуоти тоҷик (История таджикской печати). – Душанбе: Маориф, 1997. – 158 с.

7. Шарифзода К. «Газета (Рузнома)» аз таърих, вазифаҳои иҷтимоӣ, таснифот ва сохтори редакцияи он (Дастури таълими). (Газета: из истории, социальных функций, классификация и ее редакционной структуры (научное пособие). – Душанбе: Ирфон, 2016. – 104 с.

Седова Олеся Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина», г. Елец,
e-mail: olesja-kas@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д.Г. БУЛГАКОВСКОГО

Аннотация. Статья посвящена вопросам народного образования в дореволюционной России, рассматриваемым священником, писателем, этнографом, просветителем и педагогом Д.Г. Булгаковским в литературных и публицистических произведениях. Хорошо зная все недостатки дореволюционной российской образовательной системы, он стремился своими сочинениями привлечь внимание общественности к необходимым реформам в народном образовании.

Ключевые слова: Д.Г. Булгаковский; народное образование; духовное училище; церковно-приходская школа.

Имя писателя, этнографа, просветителя и педагога Д.Г. Булгаковского (1843 – после 1918), более тридцати лет прослужившего священнослужителем, было хорошо известно в дореволюционной России. Круг его писательских интересов был чрезвычайно широк. Он сочинял художественную, житийную, историко-этнографическую, военно-патриотическую и антиалкогольную литературу. В каком бы жанре он не работал и на какую бы тематику не писал, основной задачей своей литературно-просветительской деятельности он считал просвещение народа.

О проблемах народного образования он знал не понаслышке, поскольку одновременно с исполнением своих пастырских обязанностей он преподавал в духовных училищах Минской епархии. Так, в 1870 г. он работал учителем przygotowательного класса в Пинском духовном училище, где преподавал Закон Божий, русский язык, арифметику, чистописание, церковное пение. У Д.Г. Булгаковского была достаточно большая нагрузка: 18 уроков в неделю, ежедневно по 3 урока, каждый из которых длился 1 час 15 минут. Позднее он был переведен на должность учителя русского и церковно-славянского языков в других классах Пинского духовного училища. В 1875 г. Д.Г. Булгаковский был переведен на новое место служения в Воскресенский собор города Борисова и назначен законоучителем уездного училища. Затем он был переведен в город Свислочь Волковысского уезда Гродненской губернии, состоя одновременно законоучителем и преподавателем русского и церковно-славянского языков Свислочской учительской семинарии. С начала 1880-х гг. Д.Г. Булгаковский служил настоятелем Петро-Павловской церкви в городе Волковыске Гродненской губернии, работая при этом преподавателем Волковысского уездного училища. «Бесспорно, он имел педагогический дар. Даже в семинарии педагогика была его любимым предметом, единственным, по которому он имел аттестацию «отлично», тогда как по всем другим дисциплинам – «очень хорошо» или «хорошо» [7, с. 24].

Много лет проработав учителем в духовных образовательных учреждениях, он хорошо знал, чем живут учителя и ученики, что их волнует, какие духовные и материальные потребности они имеют.

В бытность свою учителем русского и церковно-славянского языков в Пинском духовном училище, Д.Г. Булгаковский столкнулся с такой проблемой, как отсутствие учебных пособий. Особенно остро нехватка методико-педагогической литературы ощущалась при изучении русской орфографии. Не теряя даром время, Д.Г. Булгаковский решил сам составить необходимое учебное пособие. Восполнение имеющегося пробела соответствовало той задаче священника, которую Д.Г. Булгаковский ставил перед собой. Задача духовного пастыря заключалась не только в исполнении своих священнических обязанностей, но и в окультуривании народной жизни, улучшении ее во всех отношениях. «Беспросветная жизнь народа, его прозябание в темноте, грубости, нищете вызывали в нем глубокую жалость. И эта жалость, в свою очередь, порождала желание послужить народу не только духовно, но помочь его культурному и хозяйственному развитию. Такие внутренние настроения отца Дмитрия были очень близки и созвучны зарождавшемуся в то время народничеству» [7, с. 25].

Учебное пособие, составленное Д.Г. Булгаковским, вышло в свет в 1873 г. под названием «Практическое руководство к наглядному усвоению русского правописания. Для начальных школ и людей, не учивших грамматики». В предисловии к учебному пособию Д.Г. Булгаковский писал: «Мы позволяем льстить себя надеждою, что наше популярно-практическое руководство о правописании, единственное в своем роде, может быть полезным для тех начальных школ, в которых не изучается русская грамматика. Не будет, мы думаем, эта книжка лишнею и для школ, где изучается грамматика, потому что наши

объяснения о правописании нисколько не противоречат правилам грамматики, а скорее послужат к более легкому и сознательному усвоению их» [1, с. 6].

«Практическое руководство к наглядному усвоению русского правописания» – первое самостоятельное издание Д.Г. Булгаковского, составленное в виде самоучителя, было уникальным для своего времени. Большим достоинством пособия являлось употребление в качестве примеров правописания народных пословиц из сборника В.И. Даля. Пословица как малая форма народного поэтического творчества, облачённая в краткое, ритмизованное изречение, несущее обобщение, иносказание с дидактическим уклоном, полностью соответствовала основной задаче автора – доступно, эффективно и наглядно обучить орфографии русского языка.

После публикации книги Д.Г. Булгаковский подал прошение в учебный комитет при Святейшем Синоде о том, чтобы она была включена в список книг, рекомендованных для училищ. Написать отзыв на «Практическое руководство к наглядному усвоению русского правописания» было поручено члену учебного комитета, магистру Петербургской духовной академии, протоиерею Петру Лебедеву, который, сделав несколько малосущественных замечаний, положительно оценил ее. «На основании этого отзыва Учебный комитет рекомендовал книгу в качестве учебного пособия для воскресных школ при духовных семинариях, а также мужских и женских духовных училищ» [7, с. 31].

В 1884 году Д.Г. Булгаковский переиздал, сократив в три раза, свое учебное пособие. Переизданное пособие звучало следующим образом: «Практическое руководство к наглядному усвоению русского правописания. Для начальных и полковых школ, приготовительных и низших классов средних учебных заведений и пособие для городских и уездных училищ. Изд. 2-е, с значительными переменами» [2].

Следует отметить, что Д.Г. Булгаковский выступал новатором в педагогике, поскольку в своей педагогической практике он часто обращался к малым фольклорным жанрам – пословицам, песням, загадкам, содержащим богатый воспитательный материал.

Педагогические способности Д.Г. Булгаковского не остались незамеченными. «За законоучительскую деятельность он был награжден по представлению попечителя Виленского учебного округа денежной премией в размере годового оклада» [7, с. 79].

Таким образом, много лет работая в образовательных учреждениях, Д.Г. Булгаковский не мог не замечать вопиющих недостатков, о которых открыто говорилось даже многими крупными церковными деятелями.

На заседаниях Предсоборного Присутствия – учрежденного в 1906 г. органа, призванного подготовить созыв Поместного Собора – говорилось о необходимости реформ в духовных образовательных учреждениях. Первенствующий член Святейшего Синода, Санкт-Петербургский и Ладужский митрополит Антоний, назначенный Николаем II председателем Предсоборного Присутствия, говорил, что оставлять духовные учебные заведения «в том положении, в каком они ныне находятся, невозможно» [6, с. 250]. Такого же мнения придерживался и председатель Учебного комитета при Св. Синоде, член Предсобор-

ного Присутствия, епископ Псковский Арсений, признававший полную дезорганизацию духовно-учебных заведений. Один из самых активных участников Предсоборного Присутствия Ф.Д. Самарин считал, что «хронический недуг школы духовной состоял в несоответствии ее своему назначению» [6, с. 250].

Порочные явления в духовных образовательных учреждениях начала XX века были значительны. Они выражались «в попойках и бесчинствах семинаристов, а время от времени и в диких семинарских бунтах, поднимавшихся против семинарского начальства и сопровождавшихся большими материальными разрушениями и даже убийствами» [6, с. 251]. В полной же мере духовно-нравственное разложение семинарий выявилось в 1905-1907 гг., во время первой российской революции, когда зараженные страшным религиозным индифферентизмом семинаристы становились участниками отвратительных попадавших на страницы печати скандалов, связанных с богохульными, святотатственными поступками, с требованиями революционного характера, забастовками.

Церковно-приходские школы также имели много негативных явлений. В начале XX века активно обсуждался вопрос, оставить ли церковно-приходские школы в ведении духовного ведомства или передать их в ведение Министерства народного просвещения. В повести «В стороне от жизни», опубликованной в 1909 г., Д.Г. Булгаковский устами своего героя священника Павла Воскресенского выражает категоричное мнение: «Школы эти следовало бы давно если не совсем закрыть, то непременно присоединить к министерским, а еще лучше к земским» [3, с. 85].

Персонаж повести Павел Воскресенский – искренний, самоотверженный пастырь, увлеченный социальными идеями и стремлением преобразовать народную жизнь, просветить народ. Он не против школ и образования, а против того безнравственного и тлетворного влияния, которое оказывается на воспитанников в стенах этих учреждений. В разговоре с супругой он говорит: «Ты знаешь, когда заведены были церковно-приходские школы, архиереи внушали духовенству, что только из этих школ разливается истинный свет просвещения, согласный с духом Христовой Церкви и русской народности. И духовенство этому верило, сочувствовало их росту и содействовало их распространению. Между тем, что это за школы? Это снотворные этапы, своего рода громоотводы народного самосознания на пути его развития. Они придуманы Победоносцевым в тех целях, чтобы ими заглушить зарождающееся в народе самосознание. Это кадры черносотенцев» [3, с. 85–86]. Мнение героя повести отражает позицию Д.Г. Булгаковского, который был убежден в необходимости введения реформ в образовании. Примечательно, что сам К.П. Победоносцев, покровительствующий церковно-приходским школам и стремящийся к передаче всех школ в ведение духовного ведомства, незадолго до своей смерти «прямо назвал духовные семинарии домами разврата» [6, с. 251].

О проблемах народного образования продолжал размышлять Д.Г. Булгаковский в брошюре «Путь к свету», изданной в 1910 г. и представляющей собой очерк народного образования в России и в зарубежных странах. В ней Д.Г. Булгаковский писал о том, что образование человека имеет огромную бы-

товую и нравственную пользу. Развитие науки, культуры, цивилизации обусловлено естественным человеческим стремлением к счастью. «При свете науки, – писал Д.Г. Булгаковский, – чем больше человек изучает самого себя, т.е. те законы, по которым живет его тело, и чем глубже проникает в свою душу, постигая все ее движения и проявления, тем лучше ценит он и понимает как собственную жизнь, так и жизнь других. Он делается более совершенным, лучшим, душа его становится мягче, добрее, он уже перестает быть “волком” для другого, а делается ближним, братом» [4, с. 5].

Познание окружающего мира, по мнению Д.Г. Булгаковского, не только открывает перед человеком красоту бытия, но и дает ему понимание закономерности происходящих явлений. Благодаря образованию исчезают ложные мифологические представления, подобно тому, что раскаты грома - результат разъездов пророка Илии на огненной колеснице по небу. Человек избавляется от страха перед злым роком или фатумом, понимая, что его благосостояние зависит не от капризов фортуны, а от собственной энергии, силы воли, предприимчивости, разумного отношения ко всему. Вооружившись научными знаниями, человек способен бороться с грозными стихиями природы, знает, что сопротивляться им не является грехом, а лишь необходимостью. «Он уже знает, – констатировал Д.Г. Булгаковский, – как вступить в борьбу с разными невзгодами, вроде эпидемических болезней, знает, что надо делать, когда нападают на поля вредные насекомые, знает, что во время тех или других общественных бедствий – наводнений, засух, градобитий, неурожаяев недостаточно одних умиловительных церковных молебнов с кадильным дымом и св. водою, а необходимо при этом вступить в борьбу со всеми невзгодами» [4, с. 6].

Именно поэтому многие страны мира стремятся, считает Д.Г. Булгаковский, распространить образование в народе, затрачивая на это огромные финансовые средства. Англия, Америка, Япония, Германия, Франция, Швейцария, Швеция, Норвегия, Италия прилагают большие усилия для того, чтобы поставить на высокую ступень народное образование, на котором зиждется благосостояние народа и государства.

Показав положение народного образования в зарубежных государствах, Д.Г. Булгаковский делает неутешительные выводы в отношении России. С печалью он констатирует, что в то время как в других странах спешат распространить народное образование, поскольку «ученье – свет, а неученье – тьма», в России состояние народного образования оставляет желать лучшего. В других государствах стремятся разогнать тьму незнания, от которой происходят все беды и несчастья, в России же не спешат к свету. «Тут точно боятся, как бы свет учения не повредил глазам, и людям не пришлось бы еще больше бедствовать» [4, с. 29]. Действительно, в то время как в некоторых европейских государствах уже с середины XIX в. действовали народные университеты, в России таковых еще не существовало. Предшественниками народных университетов в России были различные курсы для взрослых, создававшиеся в 80 – 90-х гг. XIX в., такие как открытые в 1897 г. в Москве Пречистенские курсы – бесплатные вечерние общеобразовательные курсы для рабочих. Движение за создание народных университетов приобрело широкий размах лишь в период первой рус-

ской революции. Начиная с 1905 г. принимаются решения об открытии народных университетов, проводятся сборы пожертвований, создаются общества народных университетов в Москве, Петербурге и других городах. К концу 1907 г. было зарегистрировано около 15 обществ народных университетов, деятельность которых ограничивалась организацией народных чтений и лекций. Большинство народных университетов отличались крайней неустойчивостью и быстро прекращали свое существование.

Д.Г. Булгаковского угнетала также бедность народных библиотек и вопиющее отсутствие книг в деревне, где не хватало не только книг для чтения, но даже учебных пособий. Зарубежные университеты в летнее время открывали для народа свои аудитории, лаборатории, музеи, библиотеки, устраивали летние курсы, в России же ничего подобного не было. За рубежом, по мнению писателя, лучше поставлено учебное дело в отношении обеспечения учебных заведений учебными пособиями, помещениями. Жалованье учителя за границей также несравнимо больше, чем в России.

Кроме того, отношение к учителю за границей гораздо более уважительное. «Там население относится к учителю с полным доверием и любовью, – писал Д.Г. Булгаковский, – считает его чуть ли не первым человеком среди себя, а у нас какой-нибудь полуграмотный писарь, старшина и сельский староста относятся к нему до того неуважительно, что заставляют его стоять в волостном правлении, когда он приходит туда за жалованием или с каким заявлением. Там учитель всегда жизнерадостный и доволен своею общественной деятельностью, а у нас учитель ноет и при первом удобном случае бежит на другую должность, хотя бы в винную казенную лавку» [4, с. 30]. Д.Г. Булгаковский акцентировал внимание и на вопросах, связанных с гигиеной и здоровьем учащихся в России и за рубежом. В иностранных школах, в отличие от русских, много делалось, считал он, в плане гигиены. Д.Г. Булгаковский также утверждал, что за рубежом школа развивает в своих учениках сознание человеческого достоинства, предприимчивость, самостоятельность, прививает им любовь к книге. Поэтому там дети, окончив низшую школу, стремятся поступить в среднюю, а потом в высшую. Русская же школа, по его мнению, «своим неумелым ведением дела» не только не развивала всех необходимых качеств, но «отравляла все лучшее, данное ребенку природой». Он описывал такие случаи, когда ребенок забывал грамоту через несколько лет после окончания школы, не только из-за отсутствия книг, но и потому, что в образовательном учреждении ему не привили любви к чтению.

Зарубежная школа, по убеждению Д.Г. Булгаковского, старалась дать своим воспитанникам практические знания и навыки и сформировать правильный взгляд на жизнь, что одобрялось родителями и вызывало их расположение к школе. В России же родители без большой охоты отдавали своих детей в школу, поскольку не видели особой разницы между грамотными и неграмотными детьми. «Там стараются понимать жизнь учеников, – писал Д.Г. Булгаковский, – а у нас это считается лишним, а в некоторых случаях и опасным, пожалуй, по доносу урядника или жандарма, учителю не обратиться от неприятностей. Так что учитель у нас сам по себе, а ученик сам по себе. Там учат для жизни, а у нас для экзаменов и годовых отчетов» [4, с. 31-32].

Чтобы еще больше подчеркнуть разницу в отношении к народному образованию в России и за рубежом, Д.Г. Булгаковский указал, какие финансовые средства выделяются на образование во Франции, Германии, Англии, США и России. Привел также статистические данные, касающиеся количества грамотных людей, приходящихся на 100 человек в иностранных государствах и у нас. Цифры говорили сами за себя: за рубежом на 100 человек приходилось 92, 98, а иногда и 100% грамотных, в то время как в России на 100 человек только 22. «Как мы, несчастные, страшно отстали от других! – сетовал он. – Что же делать? Догонять других! Употребить все силы, все средства стремиться к свету – единственному источнику всех благ. Надеяться на постороннюю помощь не стоит больше; только от самих себя надо требовать героических подвигов, самим налечь на работу. Работать и сообща, работать и в одиночку, только работать, работать над своим духовным просвещением, чтобы прозреть и другими глазами увидеть себя и все вокруг себя» [4, с. 32].

Фактически это был девиз Д.Г. Булгаковского: «работать над своим духовным просвещением» и нести свет просвещения людям. Вся свою сознательную жизнь он старался просвещать народ, отсюда его многочисленные брошюры и исследования на разнообразную тематику. Он издавал хрестоматии, книги по этнографии и истории, богословские сочинения, учебные пособия, художественную прозу. По словам современного русского писателя, поэта, журналиста и кинокритика Д.Л. Быкова, «нет такой области, в которой Булгаковский не мог бы дать русскому народу нескольких полезных советов. Советы эти довольно специфичны, но трогательно узнаваемы [5]. Симпатизируя Д.Г. Булгаковскому, Д.Л. Быков несколько насмешливо отзывается о его просветительской деятельности: «Он мог научить жизни нижние чины при увольнении в запас и разъяснить крестьянину вред сырой воды. Во втором случае он сдобрил свое пояснение картинкой и подписал под нею: «Гадости (инфузории) в воде». Носатая и хвостатая нечисть показательно резвится в преувеличенной капле. Непонятное, зазубренное словцо «инфузория» долго будет в сознании крестьянина синонимично слову «гадость», наряду со словами «интеллигенция», «трансценденция» и «мораль» [5].

Стремлением нести свет знания в народ обусловлены и все антиалкогольные сочинения Д.Г. Булгаковского, столкнувшегося с народным пьянством и его страшными последствиями с первых шагов своей пастырской деятельности. 6 октября 1899 г. в Петербурге на первом осеннем заседании Комиссии по вопросу о борьбе с алкоголизмом Д.Г. Булгаковский сделал большой доклад «Роль православного духовенства в борьбе с народным пьянством», в котором среди необходимых мероприятий предложил ввести и реформационные меры в системе образования. Так, он выступил с предложением открыть школы, в которых велось бы воспитание на глубоких религиозно-нравственных началах; завести при церковно-приходских школах народные библиотеки; учредить в каждом приходе церковно-приходские общества; ввести в учебную программу образовательных духовных учреждений учение о вредном действии алкоголя на организм человека и на его духовную сторону.

Кроме антиалкогольных произведений, Д.Г. Булгаковский с 1898 г. стал участвовать в общественных беседах, организованных в Петербурге Обществом распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. Его выступления неизменно пользовались таким колоссальным успехом, что аудитории не могли вместить всех желающих послушать речи популярного писателя и просветителя.

Таким образом, любовь и внимание к народу, желание его просветить были основной предпосылкой разнообразной просветительской деятельности священника, писателя и педагога Д.Г. Булгаковского. Свою задачу как священника он видел не только в исполнении своих священнических обязанностей, но и в просвещении народа, способствующим улучшению народной жизни. Много лет проработав в духовных образовательных учреждениях и хорошо зная все недостатки дореволюционной российской образовательной системы, он стремился своими литературно-публицистическими сочинениями привлечь внимание к актуальным вопросам народного образования.

Список источников и литературы

1. Булгаковский Д.Г. Практическое руководство к наглядному усвоению русского правописания. Для начальных школ и людей, не учивших грамматики. – СПб.: Тип. т-ва «Общества польза», 1873. – VI, 90 с.

2. Булгаковский Д.Г. Практическое руководство к наглядному усвоению русского правописания. Для начальных и полковых школ, приготовительных и низших классов средних учебных заведений и пособие для городских и уездных училищ. Изд. 2-е, с значительными переменами. – СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. – 31 с.

3. Булгаковский Д.Г. В стороне от жизни. Повесть из жизни современного духовенства: В 2-х ч. – СПб.: Тип. «Народная Польза», 1909. – 114 с.

4. Булгаковский Д.Г. Путь к свету. Из летописи народного образования в разных странах и в России. – СПб.: Отечественная тип., 1910. – 32 с.

5. Быков Д.Л. Блаженный Булгаковский // Быков Д.Л. Блуд труда [Электронный ресурс] URL: <https://public.wikireading.ru/50196> (дата обращения: 03.06.2017).

6. Щавельский Г.И. Русская Церковь пред революцией. – М.: Изд. «Артос-Медиа», 2005. – 512 с.

7. Щеглов Г.Э. Печальник о благе народном. Жизнь и литературные труды Дмитрия Гавриловича Булгаковского. – Минск: Белорусский Экзархат, 2009. – 272 с.

Сороковых Ирина Николаевна
старший научный сотрудник,
МБУК «Елецкий городской краеведческий музей», г. Елец
e-mail: eletzmusei@mail.ru

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ В ЕЛЬЦЕ НАЧАЛА XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

Аннотация. В статье прослеживается история революционного движения в городе Ельце в начале XX века в контексте общеисторических событий на основе воспоминаний и автобиографий его участников. Отражены наиболее значимые события, с точки зрения авторов письменных источников. Используются материалы документального фонда Елецкого городского краеведческого музея, большая часть которых вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Елец, история Ельца, революционное движение, Всероссийская забастовка железнодорожников, революция 1905 года, революция 1917 года, подпольная типография, Н.А. Семашко, М.А. Шуваев.

В этом году исполняется 100 лет важному политическому событию мирового масштаба, изменившему жизнь миллионов людей и оказавшему влияние на всемирную историю в целом. В октябре (по новому стилю – в ноябре) 1917 года в России свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, которой предшествовала активная политическая борьба революционно настроенных масс всей страны. Уездный город Елец не являлся исключением.

Проходит время, стирается память, меняются взгляды на исторические факты. И поэтому, спустя 100 лет интересно вновь взглянуть на революционные действия начала XX века, только уже глазами очевидцев тех, далеких событий, известных нам по газетам, книгам, фильмам. Интересно определить взгляды этих людей на происходившее, понять, что они чувствовали и как относились к переменам в стране и в своем городе. Выяснить как складывалась ситуация в Ельце, каким образом она была связана с общеисторическими событиями в России становится возможным благодаря исследованию и анализу воспоминаний и автобиографий ельчан, участников революций 1905-1907 и 1917 годов.

Материалы о революционерах хранятся в документальном фонде елецкого городского краеведческого музея. Их насчитывается более 150 единиц хранения. В ходе работы наибольшее внимание было уделено воспоминаниям, перекрестно подтверждающим достоверность изложенной информации.

Авторы в хронологическом порядке описывают факты, непосредственными свидетелями или участниками которых были сами, встречаются упоминания незначительных на первый взгляд моментов, но эмоционально характеризующих настроение людей. Многие документы датируются 1957-1958 годами, когда под руководством директора краеведческого музея Дмитрия Николаевича Золотова была проведена собирательская работа в плановом порядке в связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции. Это да-

ет возможность в настоящее время использовать собранные документы в познавательных и научных целях. Данная статья построена на основе вышеуказанных документов, факты, в них упоминающиеся, соотносятся с общеисторическими событиями, проходившими в Москве, Петрограде и других крупных российских городах.

Конец XIX и начало XX веков характеризуются усилением в России революционного движения и распространением марксистской идеологии.

Положение елецких рабочих, как и всего пролетариата царской России на рубеже веков, было тяжелым. Низкая заработная плата, 13-14 часовой рабочий день, полное отсутствие охраны труда, невыносимые жизненные условия, глубокая нищета и бесправие характеризуют образ жизни трудящихся всей России и Ельца в том числе.

Депутат Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов первого созыва, участник первой русской революции Дюков Михаил Георгиевич вспоминает: «Высококвалифицированный рабочий железнодорожник получал 80 копеек в день. Работая с раннего утра до поздней ночи наравне со взрослыми, ученик железнодорожника получал 20 копеек в день. Такое же положение с условиями труда было в Ельце на табачных фабриках Заусайлова и Романова, на кожевенных заводах Ростовцева и Кожухова и других предприятиях города Ельца. В паровозных мастерских разборку и сборку паровозных деталей проводили при свете керосиновых факельных коптюшек. Из-за отсутствия техники безопасности частые были случаи травматизма, иногда кончавшиеся смертельным исходом. Дни болезни рабочим, в том числе по увечью, не оплачивались. Выбывающие рабочие с предприятия по старости пенсией не обеспечивались. В результате семья такого рабочего была обречена на голодную смерть... Постоянная нужда, продолжительный рабочий день не позволяли рабочим получать знания и образование» [4, Л. 1-2].

Рабочие и крестьяне в большинстве своем были необразованны. И, что бы, каким то образом исправить такое положение, во многих городах России создаются воскресные школы. «В Ельце были две воскресные школы – одна за рекой Сосной и одна в городе, в помещении Инокентьевской библиотеки, возле собора. Участниками школы были преимущественно рабочие железнодорожники и других предприятий города Ельца. Впоследствии эти школы полицией были закрыты» [4, л. 2].

Школы были закрыты, но они сыграли «свою роль в истории». Именно в воскресных школах рабочие получали совершенно легально кроме общеобразовательных знаний и навыки политического характера, просвещающие и меняющие образ мыслей трудового населения Ельца. Кроме того, главное влияние на формирование и направление революционного мышления имели марксистские организации. Так, в 1896 году в Ельце создается первый социал-демократический кружок. Организатором его был ссыльный студент, ельчанин Н.А. Семашко (впоследствии нарком здравоохранения Советского государства).

Интересны воспоминания самого Николая Александровича о том периоде: «...В начале четвертого месяца моего заключения в камеру явился пьяный

смотритель тюрьмы и объявил мне приговор: высылка на родину на три года под гласный надзор полиции. Высылка на родину, конечно, была лучше, чем ссылка в Сибирь, но гласный надзор полиции сулил мало хорошего. Это значило: каждое утро являться в полицию и свидетельствовать, что я – налицо и не сбежал, ни одного шага не делать без разрешения полиции. Мне дали жандарма, который довез меня до Ельца и там «сдал на руки полиции». Елец не Москва, базы для революционной деятельности, казалось, не было. Однако, осмотревшись, я нашел, куда приложить энергию. В Ельце действовали тогда так называемые воскресные школы... Некоторые приходили, что бы получить необходимые знания...но были и такие ученики (главным образом железнодорожные рабочие), которые желали получить в воскресной школе...знания политического характера. Я познакомился с наиболее передовыми учителями... некоторых из них склонил к марксизму и помогал им проводить политическую пропаганду под легальным прикрытием... Я просил учителей подобрать мне наиболее интересующихся политикой учеников для моего нелегального кружка» [10].

За марксистами пошла и соратница Семашко учительница воскресной школы Антонина Николаевна Сафонова, видевшая путь улучшения жизни народа в революционном свержении и уничтожении самодержавия. Её уроки проходили всегда увлекательно и были насыщены революционной пропагандой. Об этих действиях елецкой учительницы стало известно Петербургскому департаменту полиции. В результате Сафонова попадает в обширный черный список учителей, известных департаменту своей неблагонадежностью. После закрытия воскресной школы рабочих Сафонова продолжила пропаганду марксизма, открыв в 1897 году в Ельце на общественных началах первую публичную библиотеку. В 1898 году, отбыв срок высылки, Н.А. Семашко уезжает из Ельца, но дело его продолжается.

В 1903 году в городе создается Елецкая группа Российской социал-демократической рабочей партии. Первоначально численность ее была невелика, но она сразу же развернула активную работу.

Рабочие под руководством РСДРП нелегально отдельными группами собирались по квартирам на окраинах города, под Казинкой, Лебедянским мостом и в лесу Пажени. Об одной такой встрече вспоминает железнодорожник Кожин Василий Николаевич, которая проходила на квартире слесаря вагонного цеха Пимонова Дмитрия Васильевича, куда Кожин был приглашен послушать игру гармониста. Туда же были приглашены и другие рабочие. Там Василий Николаевич впервые увидел агитационную листовку. Текст листовки был следующий: «Товарищи рабочие! До каких пор вы будете терпеть иго и издевательство угнетателей? Которые вас считают за рабочий скот, заставляют вас трудиться за гроши, по 10 ½ часов в день и над вами издеваются. Объединяйтесь в одно целое, в одиночку вы ничего не получите, когда объединитесь вы сможете просить и прибавок дневной ставки и сокращения время работ до 8 часов. Это можно только добиться забастовкой всех рабочих» и ниже подпись – рабочий комитет. Далее Кожин пишет, что Пимонов сказал присутствующим: «...если вы хотите быть полезными рабочим, то берите, раскидывайте, но не попадайтесь. Это пахнет Сибирью... Поляков, Загороднев взяли по 10 штук, завтра по-

раньше прийти и положить в рабочие ящики незаметно, а я, так как жил в городе взял 5 штук... 2 листовки наклеил на табачные фабрики... одну на сарай пожарной команды а остальные на телеграфные столбы. Первый шаг нами был сделан благополучно» [9, с. 3-5]. Кожин и его товарищи распространяли листовки по городу с ноября 1904 по октябрь 1905 года.

Как вспоминает член РСДРП(б) Брысин Николай Платонович, для того чтобы стать членом партии необходимо было написать автобиографию и заявление и предлагалось это тем людям, кто уже был хоть немного приобщен к революционной борьбе. Он и его товарищи Куксин Ф.М., Жиряков А.И., Антипов Г.А., Иванов Н.М., Меркулов П.В. собирались на квартире машиниста Сызрано-Вяземской железной дороги Соколова Николая Михайловича, который делился с ними литературой и вел беседы, с тем что бы они далее вели просветительскую работу среди рабочих крестьян из деревень Казаки и Воргол [1, с. 1-2].

По воспоминаниям старейших коммунистов известно, что, начиная с 1904 года, рабочие Ельца ежегодно отмечали праздник 1 Мая. В лесу и оврагах, укрываясь от преследования полиции и жандармов, они собирались небольшими группами. Подпольные маевки организовывались и проводились членами группы РСДРП(б) [6, с. 33].

Интересна информация о наличии в Ельце подпольных типографий. Из воспоминаний революционера, организатора одной из таких типографий Шуваева Михаила Аристарховича, начавшего революционную деятельность в 1903 году в Липецкой организации РСДРП(б), а с 1906 года, находясь под негласным надзором полиции, переехавшего в Елец, следует что: «...еще в 1905 году, когда Елецкая подпольная организация РСДРП вела подготовку к Великой Октябрьской стачке – я, Никита Манюков и еще один товарищ, который был членом Елецкого центрального комитета и ответственным техником...выпускали прокламации, а также и перепечатывали из прокламаций московских большевиков, в том числе была и такая перепечатка: «От спячки – к стачке, от стачки к вооруженному восстанию, от восстания к победе. Таков наш путь, путь рабочего класса» [16, л. 3]. Типография располагалась на Кладбищенской улице, в доме наследников Милениных. Официально Шуваев работал в магазине Щетинина как часовых дел мастер.

Волна первой русской революции 1905 года, вспыхнувшей в Петрограде, Москве и других крупных городах России, докатилась и до Ельца. Революционное движение в Ельце было наиболее активно в январе, феврале, мае, июне, октябре, ноябре и декабре 1905 года.

Первыми революцию поддержали железнодорожники юго-восточной, Рязано-Уральской и Сызрано-Вяземской железных дорог, затем примкнули рабочие предприятий города Ельца.

Об этих событиях января 1905 года вспоминает участник первой русской революции Дюков Михаил Георгиевич: «Первыми в Ельце прекратили работу и выступили за изменение старых порядков железнодорожники Елецких главных паровозных мастерских и депо. За ними через некоторое время последовали рабочие других предприятий города... молодым рабочим паровозных мастерских

Ильину Василию, Парменову Федору, Пузатову Василию и мне по приходе на работу было поручено по сигналу гудка, который будет дан из котельной, объявить по всем цехам рабочим о прекращении работы и о сборе на большую канаву в сборный цех... вскоре самый большой сборный цех был заполнен рабочими, собравшимися впервые на многолюдное собрание, на котором была зачитана телеграмма из Воронежа от Дорожного стачечного комитета с призывом примкнуть к Всероссийской забастовке. Рабочие горячо одобрили такой призыв, тут же был избран стачечный комитет. Остановилось движение поездов, с паровозов были сняты предохранительные клапаны и другие детали. На следующий день для выработки и обсуждения петиции к акционерному обществу Юго-Восточной железной дороги с требованием улучшения условий труда и т.д. собрались в вагонном цехе, специально подготовленном для собрания. К началу открытия собрания нами, по поручению стачечного комитета, среди рабочих были распространены революционные прокламации РСДРП с призывом к объединению рабочего класса в борьбе с царским самодержавным строем. И так в течение нескольких дней. О недовольстве крестьян существовавшим политическим строем свидетельствовали погромы помещичьих имений. Полиция и жандармерия, чтобы сорвать революционное движение рабочих, использовали конные отряды казаков, против которых ожесточенно сопротивлялись рабочие, но оружие заставило нас отступить» [5, 1-2 л.].

11 февраля состоялась стихийная всеобщая забастовка железнодорожников, рабочих фабрик и заводов города Ельца, которая вылилась в грандиозную демонстрацию из нескольких тысяч человек. Началась она на ткацкой фабрике Н.И. Черникина. Работу прекратили более 400 человек, затем присоединилось более 200 железнодорожников. Они вместе двинулись из района Лучка по направлению к табачным фабрикам: Романова, Криворотова и Заусайлова, где производственная деятельность была немедленно прекращена в знак солидарности и рабочие табачных фабрик вышли на улицу, пополнив ряды демонстрантов. Затем отправились на чугуно-литейный завод Ростовцева. Далее по направлению кожевенных заводов: Валуйского, Ростовцева и других, иконостасной фабрики Трубицына и паровой мельницы Еремина, расположенных в городе Ельце, на правом берегу Ельчика. Всюду, куда подходили демонстранты, рабочие останавливали работу и вливались в общий поток.

Эта мощная демонстрация носила мирный характер, а требования ограничивались вопросами экономического порядка, тем не менее, она впервые показала елецким рабочим, какую потенциальную силу таит в себе сплоченность и единство действий трудящихся масс. А власти приняли решение об усилении вооруженных сил для предотвращения подобных выступлений рабочих в городе Ельце [2, с. 1219-1221].

7 октября 1905 года Центральное бюро железнодорожного Союза объявило о прекращении движения поездов по всей России, работы в депо и мастерских. Около миллиона промышленных рабочих, 700 тысяч железнодорожников, 150 тысяч служащих торговых предприятий и местного транспорта, студентов бастовали по всей России.

8 октября, как только елецкие железнодорожники узнали о начавшейся всеобщей забастовке железнодорожников, они сейчас же присоединились к ней. Железнодорожники останавливали и задерживали поезда. Работа на станции остановилась. К бастующим присоединились телеграфисты, конторщики. 10 октября прекратилось движение на перегонах Елец-Талица и Рязано-Уральской железной дороги. Позже присоединились и рабочие города. Они прекращали работу и с пением революционных песен и лозунгами «Долой самодержавие!», и «Да здравствует свобода!» пошли по улицам. Демонстрантов разгоняли полицейские и казаки. Город был объявлен на военном положении. Об этом периоде вспоминает один из активистов забастовки, слесарь-железнодорожник Кожин Василий Николаевич: «...в первых числах октября 1905 года часов в 10 утра по сигналу гудка все цеха прекратили работы и вызвали начальника мастерских Дергунова... в сборный цех. Пришел Дергунов с ним жандармский ротмистр Зубов. Стал спрашивать почему оставили работы, какая причина? Но рабочие забитые, запуганные своей темнотой прячутся за паровозы и боятся выступить и сказать какая причина (потому что никто к такому выступлению не был подготовлен). Тогда я набрал смелости, выступил вперед один и стал объяснять какая причина нашего недовольства, в это время ко мне подошли некоторые товарищи: Синельников П.И., Лизунов И.В., Оборотов А.И., Ростовцев В.И. и многие другие. Начальник и жандармский ротмистр Зубов сказали пишите все ваши требования мы отправим их Правлению ЮВЖД... Мы... стали писать требования... еще подошли из вагонного цеха слесари Пимонов Д.В., Дюков М.Г., Дегтев В.Т., Рязанов Ф.И. и другие со своими требованиями. В это время в вагонном цехе проходил митинг... по окончании... были вызваны казаки и полиция... и стали избивать плетьюми, возвращавшихся с митинга. Многие рабочие от казаков пострадали. Я тоже пострадал... 10 дней был болен» [9, с. 5-7]. После этой забастовки Кожин попал в разряд неблагонадежных и был выслан в Сибирь на 6 месяцев.

В своих воспоминаниях Кожин В.Н. приводит кратко и основные требования, которые выдвигали рабочие железнодорожники. Всего было написано 15 параграфов, среди которых значилось: «1. Улучшить условия труда, плата полностью за труд ...сколько кто заработал, а не уменьшая. 2. Отменить керосиновые коптилки, дабы мы не губили свое здоровье, а выдавали свечи для таких работ, где требуется. 3. Сделать баню, столовую, увеличить поденную плату и сократить рабочий день до 8 часов» [9, с. 6].

В декабре 1905 года ельчане вновь активно поддержали забастовку, которая должна была перерасти в восстание.

Из воспоминаний Дюкова М.Г.: «При подавлении Декабрьской Всероссийской забастовки 1905 года в Ельце, участником которой был я, рабочие железнодорожных мастерских и депо оказывали ожесточенное сопротивление ворвавшимся в сборный цех казакам и полиции... В этот же день полицией были арестованы члены стачечного комитета т.т. Рагулин, Иваньшин, Дружина и прибывшие на собрание рабочий из города Политимский и студентка Архангельская, а так же передовые рабочие паровозных мастерских. Все они были отправлены в елецкую тюрьму полицмейстером Дружневским. О зверской рас-

праве царских палачей над рабочими-железнодорожниками в этот день свидетельствует окровавленная кровью рабочих снежная дорога от мирской железнодорожной лавки до Засосенского кладбища» [4, л. 3].

Под руководством РСДРП(б), наиболее прогрессивно мыслящие рабочие заводов и фабрик вели разъяснительную работу среди трудящихся. Таких людей становилось более год от года. Среди них был Андрей Иванович Лаврищев, впоследствии председатель Комитета бедноты села Тростное. Из его воспоминаний следует, что получая указания от Горшкова, Иванова, Бутова, он, работая сначала на табачной фабрике Заусайлова, а затем на табачной фабрике, принадлежащей Компании: Жаворонкова, Петрова, Назарова создал «вокруг себя актив среди которого вел политическую работу», призывал в трудных условиях объединяться, организовывать коллективные выступления, прекращать работу [11, с. 1-5].

Летом 1906 года по Елецкому уезду прокатилась волна революционного движения крестьян, требовавших от помещиков увеличения платы за труд во время полевых работ. На борьбу с возмущенными елецкими крестьянами были направлены полиция, войска и карательный отряд донских казаков, особенно отличившихся при усмирении крестьян и аресте активистов аграрного движения [2, с. 1316].

Работа активистов не прекращалась, проводились агитации на спланированных и спонтанно возникающих митингах, раздавалась нелегальная литература, печатались листовки с призывами к революционной борьбе, систематически разбрасываемые по городу. Полиция предпринимала все возможные меры по пресечению данных действий и иногда это имело успешное завершение. Так, из воспоминаний революционера Шуваева Михаила Аристарховича следует: «29 октября 1906 года Орловский губернатор сообщил в Департамент полиции, что в городе Ельце обнаружена тайная типография с ручным типографским станком, шрифтом и набором на станке прокламации, озаглавленной «Товарищи!» [16, с. 3]. Это была типография Шуваева. В кармане самого Михаила Аристарховича при аресте оказалось 60 прокламаций «преступного содержания». Далее Шуваев пишет в своих воспоминаниях: «Дело передали следователю по «важнейшим делам», который был у нас под именем «индюк». 26 июля 1907 года я был осужден Московской Судебной палатой на вечную ссылку в Сибирь и лишение всех прав состояния. Суд проходил при закрытых дверях в здании Елецкого окружного суда, закончившегося на третий день... Это был первый суд революционеров в Ельце... 30 октября 1907 года вместе с Никитой Манюковым, я был сдан воинскому конвою для отправки нас по этапу в далекую Сибирь [16, с. 3-4].

В фондах краеведческого музея хранится дверь от камеры елецкой тюрьмы, за которой сидел арестованный Михаил Шуваев.

В Сибирь на поселение выслан был и слесарь железнодорожных мастерских В.И. Ростовцев. Рабочие мельницы купца Жаворонкова В.И. Стебаков и В.И. Каверин сосланы в Вологодскую губернию, Дружину и Политимского отправили в ссылку на 3 года в Тобольскую губернию. Активным революционерам были уготованы тюрьма или ссылка на многие годы.

Большевики ушли в глубокое подполье и, продолжая свою работу, готовились к новой борьбе за свободу.

27 февраля 1917 года в России произошла революция, результатом которой стало прекращение правления династии Романовых и формирование Временного правительства под председательством князя Георгия Львова.

28 февраля ельчане поддержали изменения лозунгами: «Да здравствуют Советы!», «Да здравствует свобода!». В марте проходили собрания по выдвижению в Совет делегатов. От большевиков в исполнительный комитет Совета вошли Федор Авличев, Кузьма Загороднев, Сергей Дегтев. Но руководство было сосредоточено в руках меньшевиков и эсеров [7, с. 26].

1 мая 1917 года трудящиеся Ельца впервые открыто вышли на праздничную демонстрацию с плакатами, призывавшими к дальнейшей революционной борьбе. Как вспоминает непосредственный участник тех событий Михаил Георгиевич Дюков: «...Чтобы написать плакаты потребовалось красной материи, а ее не было. Тогда обойщик вагонного цеха Елецких мастерских тов. Иванов Сергей раздобыл красные наволочки, распорол их и вместе со слесарем паровозного депо тов. Киселевым и др. написали на полотнищах лозунги крупными буквами: «Вся власть Советам!», «Долой войну!». С такими плакатами колонна железнодорожников двинулась на Сенную площадь. По пути к нам присоединились рабочие табачных фабрик Заусайлова и Романова, кожевенных заводов Ростовцева и Кожухова и других предприятий города. Затем к демонстрантам примкнули солдаты расквартированного в Ельце 201 запасного полка. На Сенной площади состоялся митинг. Участники демонстрации восторженно встретили речи солдата тов. Горшкова И.Н., слесаря паровозных мастерских тов. Авличева Ф.С. и других большевистских ораторов...призывавших продолжать борьбу за освобождение трудящихся от эксплуатации...» [4, л. 7-8].

К июню 1917 года елецкая организация РСДРП(б) состояла из 50 членов партии. Особенно активную работу в организации вели И.Н. Горшков, В.А. Успенский, М.П. Иванов, С.А. Неклюдов, Б.Е. Миленин, А.Д. Ильин, Ф.С. Авличев, С.Т. Дегтев, С.П. Иванов). 11 июня состоялось объединенное собрание членов большевистских групп железнодорожного узла, города и 201-го полка. На собрании был избран партийный комитет в составе Морозова, Ильина, Якобсона, Горшкова, Успенского (председатель) [6, с. 36-37].

Вспоминает один из активистов РСДРП(б) Дегтев Сергей Трифонович: «В 1917 году я был избран на рабочем собрании в железнодорожный исполнительный комитет, где работал секретарем... кроме этого работал председателем клуба единения рабочих и солдат. По поручению комитета РСДРП(б) я распространял среди солдат и рабочих большевистскую литературу и мною в 201 полку были организованы 2 большевистские ячейки... с Октябрьской революции я был избран секретарем революционного комитета при станции Елец ЮВЖД» [3, с. 1].

4 июля 1917 года в Петрограде была расстреляна мирная демонстрация рабочих, вышедших на улицу с требованием о переходе всей власти в руки Советов. Так началось открытое наступление контрреволюции. Период мирного развития революции и двоевластия кончился. В Елецком уезде в знак протеста

против репрессий Временного правительства рабочие и солдаты Ельца организовали митинги на Сенной площади, в театральном саду, на железнодорожном узле. В городе прошли массовые демонстрации под лозунгами: «Долой войну!», «Фабрики и заводы – рабочим, земля – крестьянам!», «Вся власть Советам!». Для разгона демонстраций и митингов в Елец прибыл карательный отряд – два эскадрона конницы. Наиболее активных арестовывали, им сочувствующих старались удалить из города или отправить на фронт [6, с. 39].

В Ельце проявляли активность меньшевики, монархисты, кадеты и эсеры. Как вспоминает депутат Елецкого городского Совета 1917 года, член Военно-революционного Совета, Василий Евлампиевич Попов: «В августе 1917 года в городе Ельце в городском театре на женском рынке монархисты, кадеты с участием эсеров и меньшевиков организовали так называемое Государственное совещание (по примеру Москвы). На этом совещании принимали участие его организаторы помещики Стахович А.А., Лопатин, Ветчинин, Хвостов, генералы в отставке Страхов, Муромцев, войсковой начальник генерал Семеновский, помещик директор Елецкого элеватора Краснов, монархисты Федоров, Быстров, купцы фабриканты Заусайлов, Желудков, Петров, Романов, Ростовцев, эсеры Маслов, Крюков, Назаров, меньшевики Мямлин, Манюков и другие [15, л. 1]. Интересна позиция большевиков, такое мероприятие они не могли оставить без внимания, и, как далее вспоминает В.Е. Попов: «...по поручению большевистского комитета мне Попову вместе с другими товарищами было поручено... пробраться на это совещание... и сорвать его. Мы обсудили как лучше выполнить это поручение... и пришли к выводу... часть товарищей останется в саду окружающем театр соберут кое какой хлам зажгут его в месте, неохраняемом полицейскими... остальные попытаются пробраться в театр через посредство полицейского Ф.М. Шеламого, которого я знал. Он пропустил нас...и предупредил, что бы мы чего там не наделали, мы дали слово... рассыпались по театру, в это время послышался голос с улицы – пожар!!!- я повторил его, за мной последовали другие товарищи из разных уголков театра... все стали выбегать, собрание было сорвано, поручение выполнено» [15, Л.1].

Известие о Великой Октябрьской социалистической революции очень быстро распространялась по городам и населенным пунктам нашего края. В фондах краеведческого музея хранится телеграфный аппарат, по которому было принято сообщение из центра о свержении Временного правительства.

26 октября вечером в Ельце на домах рабочих появились красные флаги. Начались митинги и собрания. К движению рабочих присоединились солдаты 201-го полка и крестьянская беднота. Городская дума вынесла постановление не допускать никаких митингов, собраний и т.п. Однако на следующий день под руководством большевиков состоялась демонстрация... 17 ноября в городе установилась Советская власть [14, с. 20-21].

В канун нового 1918 года, приветствуя первый съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Елецкого уезда, председатель партийного комитета большевиков Владимир Александрович Успенский сказал: «Канул в вечность исторический 1917 год, год упорной борьбы и победы рабочих, солдат и крестьян над заклятыми врагами трудового народа – царским самодержавием,

помещиками и капиталистами... Советская власть победила уже на огромной территории страны. Единственная в мире Советская республика с каждым днем растет и крепнет. Победа Советской власти в Ельце, равно как и во всей стране, завоевана рабочим классом в союзе с беднейшим крестьянством под руководством большевиков во главе с великим Лениным» [13].

В ходе данной работы с материалами фондов елецкого городского краеведческого музея, стало ясно, что руководством музея обращалось внимание на достоверность информации, изложенной в воспоминаниях революционеров. В связи с этим привлекли внимание документы, касаемые Николая Васильевича Рябцева, о недостоверности информации, изложенной в его воспоминаниях о своей революционной деятельности.. Это копии заявления в Совет старейших коммунистов и докладной в Елецкий горком КПСС, подписанные Д.Н. Золотовым, Имеется и несколько документов с анализом воспоминаний Рябцева, с указанием искаженной информации и документального подтверждения ее недостоверности, подписанных Д.Н. Золотовым и научным сотрудником А.П. Небуко. В частности в докладной сказано: «Рябцев Николай Васильевич в своих письменных воспоминаниях и устных выступлениях сознательно искажает и запутывает факты из истории Елецкой Парторганизации и установлении Советской власти в Елецком уезде. Непомерно возвеличивая свои личные заслуги, присваивая себе работу других товарищей... После того, как сотрудники музея уличили Рябцева во лжи, он представил в музей два документа, которые после сверки их в ЦГА оказались подделкой. Для установления исторической истины руководство музея вынуждено было еще раз тщательно проверить утверждения Рябцева о его революционной деятельности и сопоставить с документальными данными о Елецкой партийной организации и установлении Советской власти в Ельце, находящимися в Центральном Государственном архиве и материалами, опубликованными в печать данным архивом. Результаты такой сверки показали, что утверждение Рябцева противоречат документам и звучат как вымысел с целью создать вокруг себя ореол активного революционера, создателя Елецкой партийной организации и установившего Советскую власть в Ельце и уезде. Выписки из воспоминаний Рябцева и копии выписок из архивных документов прилагаются» [8]. Этот документ подписан директором музея Д.Н. Золотовым и датируется 30 ноября 1959 годом. На основе приведенного выше факта, есть основания считать воспоминания из документального фонда елецкого городского краеведческого музея соответствующими действительности и опираться на них, как на исторические свидетельства революционных событий, происходящих в городе Ельце в начале XX века.

Список источников и литературы

1. Брысин Н.П. Мои воспоминания о 1904 и 1905 годах (рукописный авторский текст) // Фонды МБУК «ЕГКМ» - НВ-3342. – 3 с.
2. Воропаев, Р.Н. Славное тысячелетие: монография (рукопись) – М., 1964. В 6 т. – Т. 4.

3. Дегтев С.Т. Краткая биография (рукописный авторский текст) // Фонды МБУК «ЕГКМ» Б - 3.61. – 4 с.
4. Дюков М.Г. Личное краткое воспоминание к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года (машинописный текст) // Фонды МБУК «ЕГКМ» - НВ-3422. – 19 л.
5. Дюков М.Г. Славная годовщина (машинописный текст, 1955 г.) // Фонды МБУК «ЕГКМ» - НВ-3423/2. – 2 л.
6. Елец / Под общ. ред. В.П. Горлова. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1978. – 232 с.
7. Елецкий городской краеведческий музей: путеводитель. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. – 78 с.
8. Золотов Д.Н. Докладная в Елецкий горком КПСС (машинописный текст) // Фонды МБУК «ЕГКМ» - 3.206. 30 ноября 1963 год.
9. Кожин В.Н. Биография и мои воспоминания о 1904-1905 годах (авторский рукописный текст) // Фонды МБУК «ЕГКМ» - НВ-3068. – 10 с.
10. Красное знамя // За дело Ленина. № 149, от 30 июля 1963 года.
11. Лаврищева А.И. Автобиография (рукописный авторский текст) / А.И. Лаврищева // Фонды МБУК «ЕГКМ» НВ – 3096 – 4 л.
12. Небуко А.П. Июльские события 1917 года в Ельце (машинописный текст) // Фонды МБУК «ЕГКМ» НВ-3427/2. – 9 л.
13. Небуко А.П. Незабываемый 1918 год // Красное знамя № 60 от 25 марта 1967 года. Фонды МБУК «ЕГКМ» НВ-3358.
14. Огненные годы: сборник статей и воспоминаний о революционных событиях на территории Липецкой области в 1917-1920 гг. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1967. – 158 с.
15. Попов В.Е. Дополнение к автобиографии (машинописный текст) // Фонды МБУК «ЕГКМ» НВ – 2490/3. – 2 л.
16. Шуваев М.А. Автобиография (копия, машинописный текст) // Фонды МБУК «ЕГКМ» НВ – 3134 л.56-70. – 5 л.

Тропин Николай Александрович
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина», г. Елец,
e-mail: tropin2003@list.ru

**ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОЛИЦМЕЙСТЕР ПРОТИВ РАБОЧИХ:
НЕСОСТОЯВШАЯСЯ СТАЧКА НА МЕХАНИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ
«РУССКОГО ОБЩЕСТВА» В 1879 ГОДУ**

Аннотация. В отечественной исторической науке более широко получает распространение метод учета многофакторного подхода в исследованиях. Одним из его компонентов является личностный фактор, влияющий на происходящие события. В полной мере это возможно соотнести с личностью Николая Александровича Ридингера, оказавшейся в 1867-1883 гг. в должностях началь-

ника Пригородной полиции и исправника Санкт-Петербургской уездной полиции, в канун формирования предпосылок революционной ситуации в России. На его примере по службе имеется возможность проследить процесс реформы Санкт-Петербургской полиции и отношение к возрастающему протесту рабочего класса в период его формирования.

Ключевые слова: Н.А. Ридингер, петербургский полицмейстер, Пригородная полиция Санкт-Петербурга, забастовка на механическом заводе.

В отечественной исторической науке в последнее время все более широко получает распространение метод учета многофакторного подхода в исследованиях. Одним из его компонентов является личностный фактор, влияющий на происходящие события. В полной мере это возможно соотнести с личностью Николая Александровича Ридингера, оказавшейся в 1867-1883 гг. в должностях начальника Пригородной полиции и исправника Санкт-Петербургской уездной полиции, в канун формирования предпосылок революционной ситуации в России. На его примере по службе имеется возможность проследить процесс реформы Санкт-Петербургской полиции и отношение к возрастающему протесту рабочего класса в период его формирования.

Николай Александрович Ридингер (1825-1894) прослужил в военных чинах 39 лет. В 1844 г. начинал военную службу прапорщиком лейб-гвардии Егерского полка. В чине капитана и командира роты пехоты участвовал в военных действиях на Кавказе в составе Кавказского корпуса. Был дважды ранен в сражениях при Ацхуре (1853) и Челоке (1854). По ранению был переведен на службу полицмейстером. И в этой должности отслужил 25 лет сначала в Калуге (1857-1859), затем в Орле (1859-1862), в Ельце (1862-1867) и Санкт-Петербурге (1867-1883). Вышел в отставку в чине генерал-майора с правом ношения мундира.

Его безупречной службой могли бы по праву гордиться предки, имеющие дворянский титул с 1695 г. Дед, Карл Петрович (1753-1821), генерал-майор (1793), дослужился до титула тайного советника (1797) и должности гражданского губернатора Выборга (1797-1799). Отец, Александр Карлович (1782-1825) в войнах против Наполеона совершил блестящую карьеру, получив в 31 год чин генерал-майора. Николай Александрович стал третьим генералом в роде Ридингеров.

Однако Н.А. Ридингеру суждено было обессмертить свое имя не ратными подвигами, а исследованиями на поприще истории, географии, статистики, фольклора, оставить яркий след в истории становления краеведения в Калуге, Орле, Ельце [9; 10]. Елец стал пиком в научном творчестве Ридингера [11]. Однако и в Петербурге он продолжал заниматься фольклором, писал статьи.

В отличие от предшествующего времени петербургский период службы Н.А. Ридингера пока остается неосвещенным в литературе. Вместе с тем, благодаря многочисленным архивным документам, через службу он ярко раскрывает личность Ридингера. Этому и посвящена наша работа.

5 апреля 1867 г. Н.А. Ридингер оказался зачисленным в штат Санкт-Петербургской полиции. Его формулярные списки 1874 и 1879 гг. подробно со-

общает о занимаемых им должностях [7, л. 51-60; 2, л. 3-10]. Некоторое время с 13 мая по 5 июля он являлся приставом I участка Литейной части Петербурга. 28 августа назначен состоять при Министерстве внутренних дел.

15 сентября 1867 г. 42 летний полковник занял должность начальника Пригородного полицейского и Уездно-адресного управления Санкт-Петербурга. Непосредственно он подчинялся губернатору. С 1866 г. губернатором Санкт-Петербурга стал граф Н.В. Левашов, до этого занимавший аналогичную должность в г. Орел. Благодаря покровительству графа, Ридингер оказался в Петербурге. Назначение на новую должность в 1867 г. совпало с реорганизацией в полицейском управлении столицы, в ходе которой по инициативе Н.В. Левашова создавалась Санкт-Петербургская пригородная полиция. Полным ходом разворачивалась реформа полиции и молодому губернатору нужны были проверенные в деле, энергичные, ответственные исполнители. Таким качествам соответствовал Н.А. Ридингер.

Территория Пригородной полиции включала пять участков: Шлиссельбургский, Петергофский, Новодеревенский, Лесной и Полюстровский. Население состояло из фабричных и заводских жителей численностью до 50 тыс. человек. На летний период пригороды заполнялись дачниками до 40 тыс. сезонных жителей.

Штат Пригородной полиции состоял из полицмейстера (полковник Н.А. Ридингер), заместителя, секретаря и его помощника, участковых приставов (5 чел.), делопроизводителей участков управлений (5 чел.), околоточных надзирателей (33/34 чел.), городских (118/128 чел.), служащих санитарной части (6 чел.). Расход денег по штату на 1870 г. составлял 78505 рубл., 65 коп. [6, л. 58-58 об.; 4, л. 123].

В 1871 г. Пригородная полиция была объединена с уездной полицией, оставаясь в ведении петербургского губернатора и губернского правления. Она стала называться «Санкт-Петербургская уездная и пригородная полиция». Н.А. Ридингер стал совмещать должности. Официально в документах этого времени он - «исправник Санкт-Петербургской уездной и начальник Пригородной полиции».

Административное помещение полиции размещалась в Петербурге, в доме № 2 по ул. Гороховая вместе с губернскими присутственными местами. В 1876 г. эти учреждения переехали в здание, в котором ранее размещалась канцелярия Его Величества по делам царства Польского, по адресу пр. Екатерингофский, дом № 35 [12, с. 80-81]. Семья Ридингеров жила рядом, в доме № 37.

Полномочия полковника Ридингера значительно расширились, как территориально, охватывая пространство трех станов уезда, так и по штатному составу. В штате Санкт-Петербургской уездной полиции в его подчинении находилось 162 чел., большинство из которых составляла полицейская стража (140 чел.) [6, л. 156 об.-157].

В фонде Канцелярии Петроградского губернатора сохранились документы, отражающие деятельность Н.А. Ридингера в новой должности [5]. Возглавляя Уездно-адресное управление Санкт-Петербурга, он обратил внимание, что реализуемая реформа полиции оставила за штатом это учреждение. В связи с

этим 20 марта 1872 г. он пишет рапорт губернатору, который, по сути, выливается в проект реформы Адресного стола [5, л. 93-94 об.]. 26 августа в очередном рапорте он еще раз подчеркивает важность и эффективность работы Адресного стола, отчитывается о финансовых доходах и просит возместить ему расходы из общих средств, которые были затрачены им лично ввиду отсутствия централизованного финансирования учреждения [5, л. 90-91]. В дальнейшем эти средства были ему возмещены.

Предложения Н.А. Ридингера были изложены губернатором министру внутренних дел. 4 октября 1872 г. на адрес губернатора из Департамента полиции МВД было выслано письмо, в котором уведомлялось, что проект Адресного стола находится на рассмотрении III Отделения канцелярии Его величества [5, л. 99]. В итоге, как показал ход событий, 31 января 1874 г. министром внутренних дел было утверждено положение об Адресном столе в Санкт-Петербургской пригородной полиции [5, л. 36-43]. Яркий доказательный факт, что Н.А. Ридингер внес бесспорный вклад в затянувшийся процесс реформы полиции столицы.

Исследуя документы канцелярии Петроградского градоначальника, у нас сформировалось убеждение, что Н.А. Ридингер являлся автором проекта к «Положению о Санкт-Петербургской пригородной полиции». Как известно, полиция была организована 15 сентября 1867 г., и лишь, спустя год, к 22 августа 1868 г. она получила свое концептуальное завершение и вылилась в отдельное «Положение о Санкт-Петербургской пригородной полиции» [6, л. 43-57]. Доказательством к сказанному являются две записки губернатора министру внутренних дел.

Одна из них – пояснительная записка к докладной записке «Об учреждении Санкт-Петербургской пригородной полиции» [1, л. 38-52 об.]. Документ не содержит даты, полагаем, что он написан в период август-октябрь 1867 г. Он дает подробное описание, с использованием художественных литературных приемов существа дела. Весьма подробно, многими примерами обосновывается финансовая выгода проекта, напоминая по манере изложения рапорты Н.А. Ридингера по реформе Адресного стола. Пояснительная записка заканчивается описанием штата Пригородной полиции.

Другой документ – докладная записка от 8 декабря 1867 г., озаглавленная как Проект «Учреждение Санкт-Петербургской пригородной полиции» [1, л. 53-61]. В отличие от предыдущей пояснительной записки проект изложен деловым, ясным стилем, как государственный документ. Этим он напоминает проект Н.А. Ридингера об Адресном столе.

Неоспоримых доказательств нашей догадке нет, но, учитывая в какой спешке Н.В. Левашов организовывал пригородную полицию, а также добрые, товарищеские отношения с Н.А. Ридингером и всесторонне обоснованный текст Положения, который появился в итоге к августу, почти через год начала службы Н.А. Ридингера на этой должности: все это предполагает, что по - товарищески Н.А. Ридингер готовил бумаги для Н.В. Левашова. Возможно, что полученный им 20.04. 1869 г. орден св. Владимира 3 степени с мечами был наградой за безупречную службу по организации Санкт-Петербургской Пригородной полиции.

Другой комплекс документов из фонда Канцелярии Петроградского губернатора связан с поселением Сестрорецк. В весьма объемном рапорте от 25 ноября 1871 г. Н.А. Ридингер касается как текущих вопросов, связанных с корректировкой границ полицейских участков в подведомственной ему территории, так и необходимости усиления полицейского надзора за поселением Сестрорецк [5, л. 67-71]. Сестрорецк – стремительно растущий поселок фабричных и заводских рабочих численностью до 7000 жителей.

11 марта 1872 г. Н.А. Ридингер вновь обращается к этой проблеме. Рапорт с пометкой «секретно» отличается предельно лаконичным, жестким стилем изложения, наполненным тревогой. Н.А. Ридингер обращает внимание на нищенское, бедственное положение рабочих и членов их семей, о сокращении рабочих мест в связи с передачей заводов в аренду. Он предупреждает, что нравственность фабричного населения намного ниже и опасней, чем у сельских жителей. В качестве мер он предлагает не только усилить надзор за жителями Сестрорецка, но и наделить их землей. Он обращает внимание на то, что имеющаяся в округе земля не плодородна. Плодородную землю можно взять из территории княжества Финляндского и присоединить ее к Петербургской губернии [5, л. 78-79].

Информация заинтересовала губернатора. В циркуляре, адресованном Н.А. Ридингеру от 24 марта, предписывалось секретно подготовить полные статистические сведения о населении Сестрорецка [5, л. 82-82 об.]. 7 апреля ответ губернатору был готов. К рапорту Н.А. Ридингер приложил «Записку о поземельном устройстве оружейников Сестрорецкого завода» [5, л. 85]. Этот труд на четырех страницах никак не соотносится с восприятием Н.А. Ридингера как типичного чиновника. Автор «Записки», по сути, это государственный деятель, который путем реформ стремился ликвидировать очаг социальной напряженности в Сестрорецке. Этот труд достоин специального исследования.

Предложения Н.А. Ридингера 16 мая были изложены губернатором министру внутренних дел [5, л. 86-87]. 31 мая 1872 г. из Департамента полиции МВД прибыл ответ. В качестве мер предлагалось учредить в Сестрорецке всего лишь должность околоточного надзирателя. О кардинальном решении вопроса, связанного с бедственным положением рабочих, ни слова [5, л. 88-88 об.]. У самодержавия еще был резерв времени.

В начале 1876 г. Н.А. Ридингер приходит к выводу о необходимости кардинального переустройства Пригородной полиции. Он осознает, что за восемь лет ее деятельности произошли большие изменения на подведомственной территории. Предложения полицмейстера были отражены в представлении губернатора министру внутренних дел от 10 марта 1876 г. [1, л. 102-104]. Документ начинался в традиционном для Н.А. Ридингера стиле о положительном опыте восьмилетней работы Пригородной полиции. Затем аргументировано формулировались предложения: об усилении полицейского надзора в местах, где происходит рост дач и численности рабочих; ослабление надзора в малонаселенной местности; увеличение численности конных околоточных надзирателей за счет уменьшения числа городских и снятия казачьих постов; установление прописки паспортов в уезде; уничтожение телеграфного сообщения между участками, как не эффективного и сэкономить на этом; изменения границ участков.

Правительство медленно реагировало на предложения и искало мало затратные пути решения проблемы. Лишь летом 1878 г. рассматривался вопрос об изменении границ участков [1, л. 137-138 об., 144-150]. И осенью, согласно доклада министра внутренних дел, Пригородная полиция была усилена 60 нижними чинами из пехоты. Весной 1879 г. Пригородная полиция усилилась еще 120 служащими нижних воинских чинов и сотней казаков [1, л. 232-234 об.].

Осенью 1879 г. Н.А. Ридингером озвучивается мысль об увеличении штата Пригородной полиции до 305 человек нижних чинов [1, л. 249]. Ранее принятые меры усиления воинским контингентом, по его мнению, не являются эффективными, т.к. они рассчитаны на летний период.

Повседневность службы, за пределами кабинета и коридоров власти, для исправника Санкт-Петербургской уездной полиции была также полна как неожиданностей, так и рутины. Книга донесений о происшествиях в уезде за 1879 г. наглядно это демонстрирует [3]. За три месяца (август-октябрь) 1879 г. случилось многое: краж – 11, пожаров – 18, увечий на предприятиях – 17, обнаружение мертвых тел – 13, грабеж – 4, нанесение ран – 8 и многое другое. Самым громким делом было задержание «Ваньки-грабителя» - серийного преступника [3, л. 25-32 об.].

Однако 1879 год запомнился Н.А. Ридингеру особо. Его предчувствие надвигающейся угрозы со стороны фабричных и заводских рабочих стали реальностью. Нищенское положение рабочих, мизерная зарплата, своеволие хозяев, сокращение рабочих мест – все это закономерно вызывало недовольство и создавало благоприятную почву для забастовочного движения, особенно, когда в рабочую среду проникали агитаторы.

1 марта 1879 г. полковнику Н.А. Ридингеру лично удалось предотвратить забастовку рабочих механического завода «Русского общества». Этому событию посвящено целое дело, отражающее последовательность событий и реакцию властей на происходящее [8]. Еще в январе полиции стало известно о готовящейся на 1 марта забастовке. Поводом к ней послужило планируемое снижение зарплаты на 10% и сокращение 300 человек. Стали известны и имена зачинщиков среди рабочих: И.В. Коломенский, И.П. Чирков, Н.Т. Калмыков, И.А. Горбачев, В.И. Голованов, В.С. Бобров (Вишерский). Однако оснований для их ареста у полицмейстера пока не было, поскольку агитация велась тайно. Не удавалось поймать и внешних агитаторов из не рабочей среды, проникающих на завод. В своих отчетах губернатору полицмейстер подчеркивал, что агитации особенно подвержена молодежь. В качестве профилактических предупредительных мер Н.А. Ридингер неоднократно предлагал высылать зачинщиков по месту жительства, и открыто сообщить безработным рабочим о необходимости возвращения на родину. Обращалось внимание на антисанитарные условия проживания рабочих [8, л.7-15].

Продолжая проводить расследование, полицмейстер обратил внимание на безответственное отношение администрации некоторых заводов в отношении рабочих. Так, на чугунолитейном заводе «Атлас» три месяца не выдавалась зарплата. 103 рабочих были готовы получить расчет и уехать. Полицмейстер

обратил внимание, что владелец завода Г. Кинг живет роскошно и мог бы рассчитаться с ними [8, л. 16].

К середине февраля стало ясно, что волнения с распространением прокламаций охватили и другие предприятия Петербурга, в числе которых Екатерингофская новая бумагопрядильная фабрика и фабрика Максвеля за Невской заставой [8, л. 20-20 об., 28].

Однако основные волнения готовились произойти на механическом заводе. В полдень 28 февраля Н.А. Ридингер лично прибыл на завод, в канун забастовки. Он индивидуально беседовал с каждым мастером и рабочим о согласии или не согласии остаться работать на новых условиях. Вечером для предотвращения беспорядков прибыла сотня казаков [8, л. 30-35 об.].

Утро следующего дня было спокойным. Рабочие вышли на работу. К девяти часам маршем и барабанным боем для устрашения прошел мимо заводов батальон лейб-гвардии Павловского полка. Индивидуальные беседы полицмейстера продолжались до двух часов дня. Шесть зачинщиков были арестованы и высланы на родину. Еще трем активистам Д. Никифорову, О. Левковичу, В. Юрцеву были сделаны нравственные внушения [8, л. 34-36 об.].

Какие же наблюдения можно извлечь к портрету Н.А. Ридингера? Он сочувственно относился к бедственному положению рабочих, неоднократно обращал на это внимание начальства. Причину нищеты рабочих он видел в злоупотреблениях фабричных властей: дорогие заводские лавки, несвоевременная выплата зарплаты, плохие условия проживания. Однако выполнение долга для него было превыше всего. Он ответственно относился к службе, этого же требовал от подчиненных. Но он не был закостенелым службистом. Он был гуманистом! Общение с человеком независимо от его сословной принадлежности, будь то рабочий или агитатор, или солдат для Н.А. Ридингера было главным средством воздействия и убеждения. Любопытный факт, что полицмейстер ходатайствовал перед губернатором о замене ссылки для Н.Т. Калмыкова – одного из рабочих-активистов взятием на поруки в виду того, что у него был малолетний ребенок и беременная жена.

На должностях исправника и полицмейстера Н.А. Ридингер оставался до своей отставки. Его заслуги были отмечены 20 апреля 1869 г. орденом св. Владимира 3 степени с мечами и званием генерал-майора, которое он получил при уходе в отставку 2 февраля 1883 г. Среди наград можно отметить пожалованный императором в 1880 г. за усердие по службе бриллиантовый перстень с вензелем имени Его Величества.

В истории Санкт-Петербургской полиции Н.А. Ридингер оказался первым и единственным начальником Пригородной Санкт-Петербургской полиции, после ухода в отставку которого эта структура была ликвидирована. Архивы сохранили имя незаслуженно забытого полицмейстера, внесшего вклад в реформу Санкт-Петербургской полиции в 1860 – 1870-х гг.

Список источников и литературы

1. Дело об устройстве Петербургской пригородной полиции с приложением карт Петербургского уезда // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1286. – Оп. 53. – Д. 146.
2. Дело Санкт-Петербургского дворянского депутатского собрания о внесении полковника Н.А. Ридингера с женой и сыном во дворянскую родословную книгу // Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА Спб.). – Ф. 536. – Оп. 6. – Д. 4094.
3. Донесения о происшествиях в уезде // ЦГИА Спб. – Ф. 961. – Оп. 3. – Д. 3.
4. Об отпуске денег на устройство и содержание Санкт-Петербургской Пригородной полиции // ЦГИА Спб. – Ф. 966. – Оп. 1. – Д. 34.
5. О преобразовании Санкт-Петербургской пригородной полиции // ЦГИА Спб. – Ф. 253. – Оп. 3. – Д. 226.
6. О присоединении Санкт-Петербургской пригородной полиции к столичной // ЦГИА Спб. – Ф. 569. – Оп. 17. – Д. 2.
7. О причислении Ридингера к МВД // (ЦГИА Спб.). – Ф. 253. – Оп. 1. – Д. 543.
8. Сведения о беспорядках на фабриках и заводах в уезде // ЦГИА Спб. – Ф. 961. – Оп. 4. – Д. 25.
9. Степанова Ю.В. [Рецензия]. Н.А. Тропин, Д.А. Ляпин. Н.А. Ридингер – елецкий полицмейстер и краевед (1862–1867 гг.). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2015. – 188 с. // История: факты и символы. – 2016. – № 1 (6). – С. 95-100.
10. Степанова Ю.В. [Рецензия]. Тропин Н.А. Губернский город Орел середины XIX века взглядом полицмейстера // Отечественные архивы. – 2017. – № 2. – С. 111-112.
11. Тропин Н.А. Н.А. Ридингер: необычный полицмейстер в среднерусской провинции середины XIX в. // История: факты и символы. – 2015. – № 3 (4). – С. 94-121.
12. Шишкин В. Петербург губернский. Из истории местных государственных учреждений. – М. - Спб.: Центральная полиграфия, 2010. – 317 с.

Фурсов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический
университет», г. Воронеж,
e-mail: inlovewithspb@mail.ru

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНЫХ ГУБЕРНИЯХ В ОТВЕТ НА РЕФОРМУ 1861 ГОДА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы крестьянского движения в Центрально-Черноземных губерниях в пореформенный период. Дается характеристика разных этапов крестьянского движения, показаны другие его причи-

ны. Особое внимание обращается на формы и методы борьбы, анализируются требования крестьян. Борьба крестьян носила ярко выраженный аграрный характер – главным оставался земельный вопрос. Установлено, что постепенно в ходе борьбы менялась общая психологическая обстановка в деревне, а от былой крестьянской покорности не оставалось и следа, хотя многие пережитки крепостничества и новые обстоятельства экономической жизни сдерживали рост крестьянского движения.

Ключевые слова: реформа 1861 года, крестьянское движение, формы и методы борьбы Центрально-Черноземной губернии.

Крестьянское движение в центрально-черноземных губерниях в пореформенный период являлось неотъемлемой и важной составной частью борьбы против любого насилия и угнетения. Исторические условия, в которых оно развивалось, определялись переломным событием, реформой 1861 г., знаменовавшей собой начало новой эпохи в истории страны. Реформа давала простор для быстрого формирования новых капиталистических отношений. Но будучи ограниченной и противоречивой, она сохранила многие крепостнические пережитки в политическом и экономическом строе России, что замедляло темпы складывания аграрного капитализма, способствовало ухудшению социально-экономического положения крестьянского населения и усиливало противоречия в российской деревне. Борьба крестьянства, как историческая реальность, обуславливалась конкретными причинами. В основе движения 1861-1863 гг. были несоответствие содержания «Манифеста» и «Положений 19 февраля 1861 г.» ожиданиям крестьян, их недовольство условиями освобождения, «грабительский» характер реформы. Бывшие крепостные бурно протестовали, не принимая воли без земли. Начиная со второй половины 60-х гг. и до конца XIX в. основные причины, как показывает анализ документов – острое малоземелье, непомерные денежные и натуральные повинности, правовой гнет и усиление социального расслоения. Важное место принадлежало субъективному фактору в целом и его отдельным компонентам, в частности, социально-психологическим аспектам, оказывавшим двойственное влияние на крестьянское движение. Быстрые прогрессивные изменения, происходившие в социальных потребностях, интересах, чувствах, настроениях, толкали крестьян на путь более решительных и смелых действия, в их среде возрастало стремление к единству и солидарности. Двойственность и колебания, отражаясь в привычках, нравах, традициях, обычаях, сдерживали рост протеста в русской деревне. Особо следует сказать о царистских иллюзиях. Крестьянство свято верило в то, что царь не мог дать такой воли. Вера в доброго царя и иные пережитки в сознании крестьян позволили правительству сравнительно легко подавить крестьянские выступления.

В ходе борьбы крестьяне преследовали определенные задачи: сохранить наделы, оградить их от сокращения или расширить за счет соседних землевладельцев, избежать непосильных расходов, прекратить насилия и произвол администрации. Но направить усилия против угнетения организованно они не смогли. Вместе с тем, эти разрозненные волнения в различные годы имели об-

щую закономерность – главным оставался аграрный вопрос, хотя в отдельные периоды содержание его менялось. В первые пореформенные годы речь шла о сохранении за крестьянами наделных земель, которыми они пользовались до отмены крепостного права. В последующие время вплоть до начала XX в. борьба велась за возвращение отрезков. Правда, необходимо подчеркнуть, что начиная с конца 60-х гг., в ряде случаев неповиновения и протестов, выдвигалось требование о полном или частичном переходе земель помещиков во владение тех, кто ее обрабатывал. Однако лозунг «вся земля крестьянам» во второй половине XIX в. не стал всеобщим.

Сложная социально-экономическая ситуация в центрально-черноземных губерниях обуславливала особенности крестьянского движения. Имеющийся в нашем распоряжении комплекс данных позволяет выделить в крестьянском движении несколько периодов. Первый охватывает 1861-1863 гг. и является самым насыщенным. По числу волнений (245) он превосходит все остальные, вместе взятые. Крестьянство, понимая, что решается его судьба, активно боролось за лучшие условия освобождения. Второй период пришелся на 1864-1869 гг. (44 волнения), третий на 1870-1880 гг. (54 волнения), четвертый на 1881-1890 гг. (58 волнений), пятый на 1891-1900 гг. (50 волнений). Всего же за сорок пореформенных лет в документах фиксируется 451 волнение (136 в Воронежской губернии, 122 в Курской губернии, 106 в Орловской губернии и 87 в Тамбовской губернии).

Анализ фактического материала позволяет установить, что в первое пореформенное двадцатилетие основными формами крестьянских волнений являлись: отказ выполнять барщину и платить оброк в пользу помещиков; выдвижение требования об уменьшении повинностей и переводе с одной повинности на другую; сопротивление отрезке наделной земли; отказ признать в лице помещика вотчинную администрацию; отказ подписывать и принимать уставную грамоту; отказ переселяться; требование переселяться в новые места; отказ платить недоимки, вносить выкупные платежи и дополнительные денежные сборы; самовольная смена старост и созыв схода; отказ от обработки земли; отказ принять надел; захват земель и самовольный покос лугов; потравы лугов и полей; массовые порубки лесов; нападение на помещичьи усадьбы; спор о земле; неповиновение полиции и местным властям; уклонение от рекрутской повинности; распространение слухов о переделе земли. Большая часть крестьянских волнений имела аграрную направленность. Крестьяне боролись против отрезков, непомерных повинностей и непосильных платежей, против взыскания недоимок и принудительной продажи имущества, против неприемлемого разверстания угодий, против произвола в помещиков и местной администрации. При этом, в целом, борьба носила локальный характер, ограничиваясь территорией сельской общины. Властям удалось с помощью жестких действий справиться с волной крестьянского недовольства. По имеющимся данным, за 1860-е – 1870-е гг. военная сила 146 раз применялась для подавления крестьянских волнений. Крестьянство по-прежнему оставалось разобщенным. Интенсивность борьбы была неодинаковой среди различных категорий крестьянства. Так, в государственной деревне произошло лишь 28 волнений, в удельной – 6. Тем не менее,

правительство было вынуждено пойти на ряд уступок: отказаться от переобработки повинностей, ликвидировать временнообязанное положение и перевести на обязательный выкуп, сложить с крестьян накопившиеся недоимки и понизить выкупные платежи, отменить подушную подать и приступить к организации крестьянского поземельного кредита. Крестьянские выступления, оставаясь потенциальной угрозой для местных властей и помещиков, стали основой для дальнейшего разрастания социального движения в деревне.

Второе пореформенное двадцатилетие ознаменовалось ростом антипомещичьих настроений в деревне и повсеместным ожиданием передела земли. Орловский губернатор писал в 1881 г.: «Слухи ожидания в народе давно существуют и никогда не прекращались, то усиливаясь, то ослабевая; за последние же годы толки эти стали настоятельнее повторяться и высказываться. Лица, приглашенные мною, единогласно высказывались, что, несомненно, положение нами переживаемое весьма серьезно: население, давно смущаемое ложными слухами, угнетенное экономическими нуждами, дороговизною и во многих случаях недостаточностью земельных наделов, если и не волновалось, то находилось в чаянии лучшего будущего» [1, л. 1 об. – 2]. В таких условиях размах крестьянского движения оставался достаточно высоким. По имеющимся данным, в 1880-е – 1890-е гг. произошло 107 массовых волнений, одно индивидуальное выступление и 22 поджога. 68 случаев было зафиксировано в бывшей помещичьей деревне, 40 в бывшей государственной деревне. Как видим, обнаруживается тенденция к слиянию борьбы этих категорий крестьян, выравниванию количественных показателей. Борьба крестьян по-прежнему носила ярко выраженный аграрный характер - главным оставался земельный вопрос. Волнения возникали при размежевании крестьянских и помещичьих угодий, при попытках крестьян самовольно расширить свои участки за счет соседних землевладельцев, при взимании недоимок и других финансовых поборах. Используя многие традиционные формы борьбы, крестьяне стали переходить к более активным действиям: сопротивлялись хозяйственному освоению другими землевладельцами наделных земель, захватывали помещичью собственность, производили массовые порубки, нападали на усадьбы. Заметно усилилось противодействие полиции и местным властям. Имели место случаи убийств представителей царской администрации. Многие волнения отличались массовостью, стремлением к согласованности действий, упорством. Вместе с тем, сохранялась их изолированность, локальность. Наблюдался рост противоречий между бедняками и кулаками, однако вторая социальная война не получила в регионе распространения. Если в 60 – 70-е гг. хроникой зафиксировано два факта борьбы между кулаками и бедняками, то в 80 – 90-е гг. – лишь три. Крестьянское недовольство всецело направлялось против помещиков.

Реформа 1861 г. способствовала проникновению капитализма в социальную сферу, значительно ускоряя дифференциацию крестьянства. Обострение отношений между бедняками и кулаками вело к росту антагонизмов и усилению противоборства между ними. Однако в центрально-черноземных губерниях вторая социальная война не получила распространения. Причина кроется в наличии здесь большого числа помещичьих латифундий. Всеобщий крестьян-

ский гнев направлялся прежде всего против помещика. Еще А.Н. Энгельгардт замечал, что все случаи проявления индивидуализма в крестьянской среде ограничивались ее «внутренними» делами и отношениями: «чуть дело коснулось общего врага: помещика, купца, чиновника, - все стоят как один» [4, с. 385]. В пореформенные годы крестьяне, используя различные формы, активно боролись против помещичьего землевладения. Их действия имели чрезвычайно важное значение, до крайности накаленная обстановка деревни держала правительство и местные власти в постоянном трепете и страхе за свое будущее, заставляла царизм идти на определенные уступки. Другим становилось крестьянство, росло его самосознание, постепенно уясняя свои экономические интересы, оно энергичнее включалось в общедемократический фронт борьбы против насилия и произвола.

Список источников и литературы

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1282. – Оп. 1. – Д. 680.
2. Фурсов В.Н. Классовая борьба в деревне центрально-черноземных губерний пореформенной России. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 200 с.
3. Фурсов В.Н. Крестьянское движение в Воронежской губернии в 60-70 годы XIX века (социально-психологические аспекты). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. – 134 с.
4. Энгельгардт А.Н. Из деревни: 12 писем. 1872-1887. – М.: Мысль, 1987. – 638 с.

Щукин Денис Васильевич

кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина», г. Елец
e-mail: dionysios@yandex.ru

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА В РОССИИ В ДНЕВНИКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ ЧЛЕНОВ ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ (КАДЕТОВ)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению и отражению образа исторических деятелей и революционных событий 1917 года в дневниках, воспоминаниях, письмах политических деятелей рассматриваемой эпохи: членов партии Народной Свободы. В центре фокуса внимания автора лежит реакция российского общества – представителей политического пространства России начала XX века на революционные события 1917 года и их восприятие образа «революционных перемен».

Ключевые слова: революция 1917 года, партия Народной Свободы, Государственная дума, дневник, воспоминания, кадеты.

В настоящее время интерес современности к событиям революции 1917 года продиктован не только потребностью выработки некоего «согласия» в оценках данного исторического явления современным российским обществом, но и активизацией за последнее время изучения пространства повседневности России начала XX века и его представления широким массам.

Огромная исследовательская работа по архивным материалам и источникам личного характера в отношении места, роли и деятельности политических партий и движений России начала XX века в контексте революционных событий 1917 года занимает сегодня существенное место в изучении отечественной политической истории данного периода.

Интерес исследователей к дневниковым записям политических деятелей эпохи и их современников обусловлен присущей им синхронностью фиксации информации и автокоммуникативности (тождество автора и адресата), что позволяет на их основе не только реконструировать фактологию событий периода революционных потрясений начала XX века в России, но и проникнуть в мир эмоций и чувств окружавших их участников и свидетелей той эпохи [1]. Кроме того, возможность анализа реакций современников на происходившие в 1917 году в России изменения, представляется тем более ценной, поскольку заметки в дневники вносились, как правило, «по свежим следам» и, соответственно, в отличие от воспоминаний не искажены последующим поздневременным воссозданием.

В данном контексте уместно звучат слова председателя Учредительного Собрания, лидера эсеров В.М. Чернова, запечатлённые в его воспоминаниях: «Конечно, дневник – наиболее интимный литературный жанр; человек остается наедине со своей душой и поверяет бумаге свои самые сокровенные мысли и чувства» [26, с. 21].

Интерес к дневниковым записям продиктован и идеологической политикой пришедших к власти большевистских сил, в рамках которой многие из дневников, принадлежавшие «контрреволюционным личностям» были просто уничтожены. Так, в своих воспоминаниях З. Гиппиус писала: «Дневник, - не мемуары, не воспоминания “после”, а именно “дневник”, - вещь исключительная; не думаю, чтобы их много нашлось в России после освобождения. Разве комиссарские» [4].

Говоря о важности воспоминаний современников о революционных событиях начала XX века в России, так и работы с ними политик своего времени, член партии Народной Свободы В.Д. Набоков писал: «Будущий историк соберет и оценит все эти свидетельства. Они могут оказаться очень разноценными, но ни одно из них не будет лишённым цены, если пишущий задастся двумя абсолютными требованиями: не допускать никакой сознательной неправды (от ошибок никто не гарантирован) и быть вполне и до конца искренним» [13, с. 224].

Подчёркнём, что важное место в воспоминаниях и дневниковых записях современников революционных потрясений начала XX века в России занимает вопрос об ответственности за данные исторические события, приводятся размышления об их итогах для России.

Таким образом, поиск и введение в оборот эго-документов (дневников, воспоминаний, записок, писем современников) «рассказывающих о России 1917 года» не просто создаёт повод вернуться к «незамеченному» или «забытому», а позволяет если не обновить, то, как минимум, конкретизировать уже существующие представления о российской революции и связанных с ней процессах и явлениях.

Несомненно, в рамках проявления диахронного характера воспоминаний в которых встречаются прошлое и настоящее, и знание, приобретенное после, наслаивается на полученное и усвоенное впрямь, свойственна явная идеологическая кодированность. Возникающий при этом вопрос о том, чего же больше в воспоминаниях, следов актуальной идеологии или отпечатков пережитых эмоций, не находит простого ответа. При этом эмоциональный фон воспоминаний не так прост, как это может показаться на первый взгляд.

Повседневность революционных февральско-мартовских событий 1917 года в России члены партии Народной Свободы (кадетов) в своих дневниковых записях и воспоминаниях описывают следующим образом. «Меня встретило фантастическое зрелище – пишет о событиях 26 февраля 1917 года в своём дневнике депутат I Государственной думы А.Р. Ледницкий – полностью заполненный людьми Невский. В центре проспекта – казаки. Вид у толпы был не то хмурый, не то грозный... Раз за разом кричали «Да здравствует армия!» Бросали вверх шапки... Многоустная молва сообщала о расстрелах на рогатках, о забастовках и митингах, о том, что министр внутренних дел Протопопов поставил на крышах домов пулеметы...» [9, с. 17].

Рис. 1. – Ледницкий А.Р., член ЦК партии Народной Свободы (кадетов)

В свою очередь, член партии кадетов с 1905 г., депутат I Государственной думы В.А. Оболенский в своих воспоминаниях как бы продолжает: «27 февраля (по старому стилю) 1917 года я вышел из дома в 8 часов утра... Был чудный ясный морозный день. Выпавший накануне снег покрывал улицы и ослепительно блестел на солнце. Отсутствие трамвайного шума и звонков давало ощущение странной тишины, которая вместе с ярким солнцем и бодрящим морозным воздухом как-то успокоительно действовала на нервы, сильно взвинченные событиями предыдущих дней.....

Придя на службу, я занялся обычным делом... Вдруг в 11 часов – телефонный звонок: муж одной из служащих сообщал ей, что Государственная Дума распущена, а также, что казармах, против его дома взбунтовавшийся Волынский полк выстраивается на улице. Получив эти ошеломляющие вести, я не рассуждая, отправился через весь город в Таврический дворец.

...Повернул на Литейную. Там молоденький офицер на красивой гнедой лошади подъезжал к каждому дому и отдавал дворникам распоряжение: «Затворяйте ворота, затворяйте ворота». Какие-то люди метались по тротуарам, стуча в запертые подъезды и умоляли их впустить...

Я ускорил шаги среди расставленных пулеметов. Они были направлены вдоль Басковой улицы, в глубине которой виден был строй восставших солдат, вышедших из казарм. Пройдя за эти пулеметы, я перешел ту географическую черту, которая отделяет город, живший еще в старом режиме, от города, охваченного революцией» [16, с. 511].

В своих дневниковых записях и воспоминаниях член ЦК партии кадетов А.В. Тыркова-Вильямс описывает действительность первых дней революционных событий февраля-марта 1917 года в России следующим образом: «До Таврического дворца дошли без выстрелов (в тот день еще полицейские пулеметы караулили прохожих). На Таврической улице около дворца кучка солдат и прохожих, кружился автомобиль, на котором были солдаты. Полковник Якубович говорил им речь: «Идите в казармы. Чем скорее вы вернетесь, тем больше будет порядка. Свободу мы взяли, теперь должны сделать порядок. А для этого нам нужны автомобили. Нельзя зря их гонять». Солдаты весело блестели глазами и кричали: «Так точно-с! Правильно!» Но те, что были в автомобиле, сидели крепко». [24]

Интересны воспоминания сына А.В. Тырковой-Вильямс Аркадия Бормана про «февральские дни 1917 года» в которые он сопровождал свою мать повсюду. «Я не помню, как мы добрались до Таврического Дворца, где помещалась Государственная Дума. Погода стояла ясная, метель началась только вечером. Решетчатые ворота дворца были закрыты. По ту сторону ворот стоял сторож в форме. Кругом все было тихо. При нас к воротам подошла рота, а может быть полурота, л.г. Литовского полка – так хорошо запомнились желтые канты у солдат знака отличия третьей гвардейской дивизии. Офицеров при роте не было, но солдаты держали строй. Я обратил внимание на бледные и сосредоточенные лица солдат. У некоторых выступали капли пота на лбу, хотя стоял мороз. Рослые гвардейцы растерялись перед закрытыми воротами и не знали, что дальше делать. Так продолжалось несколько минут, пока откуда то не появился

небольшого роста еврей в широкой шляпе. На его лице был страх и возбуждение.

- Товарищи, что же вы остановились, требуйте чтобы немедленно открыли ворота, - крикнул он высоким голосом.

И не дождавшись, пока гвардейцы начнут требовать, этот маленький штатский, обратившись к сторожу, стоявшему за решеткой, крикнул своим высоким голосом:

- Именем революционного народа мы требуем, чтобы ворота были открыты. Его требование было удовлетворено и испуганные взбунтовавшиеся солдаты начали входить в полукруглый палисадник Таврического Дворца, а потом и в самое здание Дворца. Мы с мамой переглянулись, наблюдая, как были открыты ворота и прошли за солдатами в Думу.

- Вот так история, - сказала мама....» [2, с. 124].

Революционная повседневность происходивших в данной время событий в Таврическом дворце не ускользает от А.В. Тырковой – Вильямс. Она старается показать их предметно, не забывая мелкие детали. «Митинги в Думе часто злят и тяготят. Вчера днем я на минуту забежала в Екатерининский зал. Солдаты рядом со мной равнодушно посмеивались. За ними, в середине, небольшая толпа рабочих и работниц. Оттуда неся иступленный, крикливый, срывающийся женский голос. Женщина немолодая, некрасивая, с четырехугольным серым лицом вопила: «То-ва-аа-а-рищи... Земля-я-я...Во-о-оля-я-я!» (говорят, это жена Громана. Тогда немудрено, что она так). Рукой откидывала прямые стриженные волосы и, видно, она уже не понимала, что, как и где. Не в словах её, а в самой иступленности было смешное и глупое, а для меня противное. Как противен был доктор, который перед Измайловским полком в этой же зале за несколько дней перед тем, таким же нелепым воплем выкрикивал те же слова: земля-я! воля-я! А сам свирепо чертил по воздуху магический круг, точно искал врага. Искал, кому проткнуть живот и не мог найти. Хорошо, что после него душа отдохнула. Вышел молодой полковник с повязкой и красиво просто, умно и точно пользуясь словами, говорил о свободе и порядке. «Вот видите эту сестрицу? Разве наша матушка Россия не такая же сестра милосердия, которая принесет всему миру ласку "исцеления". Но чтобы она могла это сделать, мы должны победить немцев». Ур, ура, ура – и солдаты подняли его на руки и понесли. Он улыбался, приветливый и уверенный. А говорят, что те же солдаты чуть не убили его. В первые дни они ворвались в его квартиру. Он раненый приехал с фронта. Запасной полк его не знал. Когда они вошли, он заявил: «Вы ищите у меня пулеметов". Ищите. Если найдете, вы расстреляете меня. Если нет, я застрелю вон этого штатского, который пришел с вами». Штатский сразу исчез, а полковник стал любимцем полка и выборным командиром» [24].

Рис. 2. – Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс, член ЦК партии Народной Свободы (кадетов)

Не менее примечательны в отношении революционных потрясений 1917 года в России и слова выдающегося политика своего времени, члена партии кадетов В.Д. Набокова, который отмечает следующее: «...не значит, конечно, что в течение двух первых месяцев, когда на развалинах самодержавия – формально отжившего еще 17 октября 1905 года, но фактически еще целых 11 лет пытавшегося сохранить свое значение – организовывалась новая, свободная Россия, - что в этот короткий период все обстояло благополучно. Напротив того: внимательный и объективный взгляд мог бы в первые же дни «бескровной революции» найти симптомы грядущего разложения» [13, с. 221].

Отметим, что результаты февраля 1917 года и падение монархии вносят свои существенные корректировки и в программные точки зрения политических сил России начала XX века. Так, например, партия Народной Свободы (кадеты), выступавшая ранее за конституционную (парламентарную) монархию объявляет себя республиканцами. «В войне старая форма за царя и отечество разбилась. Оказалось, что нельзя быть за царя и отечество, так как монархия стала против отечества. Война была экзаменом и для монарха, и для народа. Народ выдержал этот экзамен, монархия его не выдержала» - говорил на VII съезде партии кадетов, проходившем 25-27 марта 1917 года в Михайловском театре в Петрограде, видный член партии кадетов Ф.Ф. Кокошкин. [19]

Отдельное место в воспоминаниях и дневниковых записях современников революционных потрясений начала XX века в России занимает вопрос об ответственности за данные исторические события. «За то, что в феврале 1917 года в России произошла революция, несет ответственность не русский народ, не низы, не так называемые массы, а верхи, интеллигенция, грамотные люди всех градаций: профессора, адвокаты, писатели, артисты, юристы, даже генералы. Все они жаждали перемены, твердили, что дальше так жить нельзя. Но они не поняли необходимости, не сумели сразу образовать сильное правительство, способное вести войну и управлять страной, отдавать приказы, заставляя себя слушаться. Они обязаны были не допустить перерыва власти. С этой обязанностью русская интеллигенция не справилась. И не в наказание ли за это история превратила ее в пыль?» – пишет в своём дневнике член ЦК партии кадетов А.В. Тыркова-Вильямс [6].

В свете образа повседневной реальности в России в контексте октябрьских событий 1917 года интересен взгляд представителей партии Народной Свободы (кадетов) на «вождя» русской революции В.И. Ульянова (Ленина). Достаточно интересный образ В.И. Ленина мы находим прежде всего в воспоминаниях члена ЦК партии Народной Свободы А.В. Тырковой-Вильямс. Так, характеризуя его она пишет следующее: «В 1904 г., когда я встретила Ленина в Женеве, кто мог предугадать в нем будущего железного диктатора? Это был один из эмигрантских журналистов, которому удалось, вопреки Центральному комитету своей партии, захватить партийную газету “Искра”. Уже тогда в революционных кругах знали, что Ленин властолюбив, в средствах неразборчив» [25, с. 180].

Размышляя о В.И. Ленине, А.В. Тыркова-Вильямс продолжает: «Могло ли мне прийти в голову, что этот доктринер, последователь не им выдуманной безобразной теории, одержимый бесом властолюбия, а может быть, и многими другими бесами, уже носил в своей холодной душе страшные замыслы повального истребления инакомыслящих. Он многое планировал заранее. Возможно, что свою главную опору, Чека, он уже тогда вынашивал» [25, с. 181].

В своих воспоминаниях лидер кадетской партии П.Н. Милюков в отношении В.И. Ленина пишет следующее: «Логика событий была несомненно на стороне Ленина. «Ясно видя, осязая, чувствуя наличность обстановки гражданской войны», он дал сигнал. Называя только что сформированную коалицию «правительством гражданской войны», Троцкий, очевидно, разумел именно это: не то, что коалиция начнет гражданскую войну сама, а то, что при этой коалиции «объективные условия момента» сложились в смысле «неизбежности» гражданской войны с несравненно большими шансами на победу «пролетариата». «...Суждения Ленина - писал П.Н. Милюков – были «глубоко реалистичны». Он «централист и государственник» - и больше всего рассчитывает на меры прямого государственного насилия» [12, с. 326].

В конечном итоге, нет сомнений в том, что в объёме одной статьи сложно отразить изменившееся в свете революционных событий 1917 г. всю полноту восприятия пространства России её современниками и участниками данной «истории». При этом будет уместным на наш взгляд привести в завершении

следующие слова лидера партии Народной Свободы (кадетов) П.Н. Милюкова. «Пусть Россия разорена, отброшена из двадцатого столетия в семнадцатое, пусть разрушена промышленность, торговля, городская жизнь, высшая и средняя культура. Когда мы будем подводить актив и пассив громадного переворота, через который мы проходим, мы, весьма вероятно, увидим то же, что показало изучение Великой французской революции. Разрушились целые классы, оборвалась традиция культурного слоя, но народ перешел в новую жизнь, обогащенный запасом нового опыта...» [12, с. 5].

Нам думается, что спустя 100 лет по прошествии революционных потрясений в России, предметное осмысление данного опыта поможет приблизить нас не только к пониманию России 1917 года, но и к современному обоснованию весомых представлений о самой революции.

Список источников и литературы

1. Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002.; Андреев Л.Н. SOS: Дневник (1914-1919). Письма (1917-1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918-1919) / Вступ. ст., сост. и прим. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. – М., 1994.; Бруцкус Э.О. «Ну, полно мне загадывать о ходе истории...» (Из «Дневника матери-хозяйки в годы революции в России») // Отечественная история. – 1997. – № 3. – С. 76-95.; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997.; Дневники императора Николая II (1894-1918): в 2 т. Т. 2. Ч. 2 / Отв. ред. С.В. Мироненко. – М., 2013; Криволапова Е.М. Литературный дневник «русской смуты» 1917 г. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – Киров, 2009. – № 4(2). – С. 105-108.; Мишин В.А. «Такое ведь счастье, остаться в этой гигантской войне живым». Дневник солдата, 1 октября 1915 г. – 29 января 1918 г. // Земство (Пенза). – 1995. – № 2. – С. 84-157.; Пришвин М.М. Дневники. 1914-1917. – М., 1991.; Ростоковский Ф.Я. Дневник для записывания (1917-й: революция глазами отставного генерала). – М., 2001.; Тыркова А.В. Петроградский дневник // Звенья. Исторический альманах. – Вып. 2. – М., 1992. – С. 319-339; Хин-Гольдовская Р.М. Из дневников: 1913-1917 / Предисл. и публ. Е.Б. Коркиной; примеч. А.И. Добкина // Минувшее. – Вып. 21. – М. - СПб., 1997. – С. 521-596.; Финогеева Н.А. «Когда я пишу в дневнике все, что у меня на душе, я как-то успокаиваюсь...». Из дневника гимназистки, 22 февраля 1915 г. – 6 мая 1921 г. / Публикация Е.В. Мануйловой и В.И. Мануйлова // Земство: Архив провинциальной истории России. – Пенза, 1995. – № 3 (7). – С. 43-66.; «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус / Подг. текста М.М. Павловой. Вст. ст. и прим. М.М. Павловой и Д.И. Зубарева // Звенья. – Вып. 2. – М. - СПб., 1992. – С. 1-173.

2. Борман А. А.В. Тыркова-Вильямс по её письмам и воспоминаниям сына Лувэн. – Вашингтон, 1964. – 336 с.

3. Васильев А.В. Глазами очевидца. – М.: Печатный труд, 1924. – 36 с.

4. Гиппиус З.Н. Серый Блокнот, 1919 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://gippius.com/doc/memory/sery-bloknot.html> (дата обращения: 10.06.2017).

5. Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 9. Дневники: 1919-1941. Из публицистики 1907-1917 гг. Воспоминания современников / Сост., примеч., указ. имен Т.Ф. Прокопова. – М.: Русская книга, 2005. – 560 с.
6. Дама против Ленина // Российская газета. 2017. 20 апреля № 7252 (86).
7. Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и февральской революции. – М.: Наука, 1988. – 244 с.
8. Еропкин А.В. Записки члена Государственной думы: Воспоминания. 1905-1928 / Вступ. ст. и коммент. К.А. Соловьёва. – М.: Кучково поле, 2016. – 352 с.
9. Захаров А.М. Февральская революция 1917 года в «Дневнике» А.Р. Ледницкого // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. – С. 13-21.
10. Иванов А.А. В.М. Пуришкевич и Временное правительство: от поддержки к разочарованию // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. – С. 70-82.
11. Манифесты русского идеализма. Проблемы идеализма. Вехи. Из глубины / Сост. и коммент. Сапова В.В. – М.: Астрель, 2009. – 1069 с.
12. Милюков П.Н. История второй русской революции. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 767 с.
13. Набоков В.Д. До и после Временного правительства: Избранные произведения / Сост. и предисловие Т. Пономарёвой. Прим. Т. Пономарёвой, Г. Глушанок, В. Старка. – СПб.: Симпозиум, 2015. – 624 с.
14. Народный трибун. 1917. 20 сентября.
15. Народный трибун. 1917. 22, 27 сентября.
16. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. – Париж: YMCA-Press, 1988. – 754 с.
17. Пуришкевич В.М. Вперед! Под двухцветным флагом: (открытое письмо русскому обществу). – Пг.: [б. и.], 1917. 39 с.
18. Речь. 1917. 7 марта.
19. Речь. 1917. 26 марта.
20. Розанов В.В. [Электронный ресурс]. URL: <http://staging.project1917.ru/persons>. (дата обращения: 14.06.2017).
21. Розанов В.В. Социализм в теории и натуре [Электронный ресурс]. URL: <http://staging.project1917.ru> (дата обращения: 14.06.2017).
22. Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1920. – Берлин: Изд-во И.П. Ладужникова, 1920. – 356 с.
23. Троцкий Л.Д. История русской революции: В 2 т. Т. 1. Февральская революция / Общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого; примеч. В. Иванова. – М.: ТЕРРА; Республика, 1997. – 464 с.
24. Тыркова А.В. [Электронный ресурс]. URL: <http://staging.project1917.ru/persons/890> (дата обращения: 15.06.2017).
25. Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. – М.: Московская школа политических исследований, 2007. – 392 с.

26. Чернов В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905-1920. – М.: Центрполиграф, 2007. – 440 с.
27. Шульгин В.В. Дни. 1920. – М.: Современник, 1989. – 559 с.
28. Щукин Д.В. Кадеты в III Государственной Думе России (1907-1912 гг.) Часть 1. На пороге III Думы. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2015. – 186 с.
29. Щукин Д.В. «Третьеиюньский» переворот и «новый» избирательный закон 1907 г. как результаты первой русской революции в оценке партии кадетов // Война и революция: социальные процессы и катастрофы: Материалы Всероссийской научной конференции; г. Москва, 19-20 мая 2016 г. [Электронное издание] / Под ред. А.Б. Ананченко; Московский педагогический государственный университет. Институт истории и политики. – М.: МПГУ, 2016. – С. 45-47.
30. Щукин Д.В. Революционные события 1917 года в городе русской провинции // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы III Всероссийской научной конференции (8-9 декабря 2016 г., Самара, СамГТУ). Вып. 3 / Под ред. Е.Ю. Семеновой; ред. кол.: А.Б. Бирюкова, А.В. Богачев, С.Ю. Митрофанова. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2016. С. 86-90.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анфертьев Иван Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, новейшего времени, ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, e-mail: vestarchive@gmail.com

Ашихмина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, председатель предметно-цикловой комиссии ОГСЭ, ОДЕН и ОПД Орловского колледжа культуры и искусств, г. Орел, e-mail: aen.777@yandex.ru

Балыкина Мария Игоревна – кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, e-mail: mari-balykina@yandex.ru

Вартумян Арушан Арушанович – доктор политических наук, кандидат исторических наук, заместитель директора по науке Института сервиса, туризма и дизайна (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Пятигорск, e-mail: info@pgu.ru

Дорохова Дарья Алексеевна – аспирант ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет», г. Воронеж, e-mail: inlovewithspb@mail.ru

Егоров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», г. Череповец, e-mail: anegorov@mail.ru

Жиров Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина», г. Елец, e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

Карпачев Михаил Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, e-mail: m-karpach@mail.ru

Клевцова Оксана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина», г. Елец, e-mail: ksenijmel@mail.ru

Ковалёв Эдуард Валентинович – директор казенного общеобразовательного учреждения Воронежской области «Новоусманская школа-интернат для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья», г. Новая Усмань, e-mail: gimn5@inbox.ru

Кондратенко Алексей Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью ФГБОУ ВО Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, г. Орел, e-mail: istorik57@yandex.ru

Корниенко Татьяна Анатольевна - кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Армавир, e-mail: armavir@kubsu.ru

Латышев Олег Юрьевич – академик, профессор РАЕ, п.д.н.(ScD h.c.), к.филол.н.(PhD), заслуженный деятель науки, техники и образования, директор Мариинской галереи им. М.Д. Шаповаленко, г. Москва, e-mail: para888@list.ru

Ляпин Денис Александрович – доктор исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, ФГБОУ «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина», г. Елец, e-mail: denis-1@mail.ru

Ляпина Светлана Митрофановна – кандидат филологических наук, ФГБОУ «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина», г. Елец, e-mail: sveta-ship@mail.ru

Мунжукова Светлана Игоревна – аспирантка, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, e-mail: magist.spbu.2016@gmail.com

Невжин Владимир Александрович – доктор исторических наук, Институт Российской истории РАН, г. Москва, e-mail: nevva@mail.ru

Петров Иван Васильевич – кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, e-mail: ivanpet1990@hotmail.com

Подоксенов Александр Модестович – доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина», г. Елец, e-mail: podoksenov2006@rambler.ru

Рощупкин Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, Елецкий техникум железнодорожного транспорта – филиал ФГБОУ учреждения высшего образования «Ростовский государственный университет путей сообщения», г. Елец, e-mail: alex.roschupkin@rambler.ru

Сайдумаров Хуршед Шералиевич – аспирант, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина», г. Елец, e-mail: inpp.elsu@yandex.ru

Седова Олеся Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина», г. Елец, e-mail: olesja-kas@yandex.ru

Сороковых Ирина Николаевна – старший научный сотрудник, МБУК «Елецкий городской краеведческий музей», г. Елец, e-mail: eletzmusei@mail.ru

Тропин Николай Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и археологии, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина», г. Елец, e-mail: tropin2003@list.ru

Фурсов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет», г. Воронеж, e-mail: inlovewithspb@mail.ru

Щукин Денис Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина», г. Елец, e-mail: dionysios@yandex.ru

Научное издание

**В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН:
БУНТ, ВОССТАНИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ
В XVII – НАЧАЛЕ XX ВВ.
В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ**

***МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ***

Елец, 21-23 сентября 2017 г.

*Статьи печатаются в авторской редакции
Технический редактор – О.А. Ядыкина
Техническое исполнение – В. М. Гришин*

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 06146. Дата выдачи 26.10.01.
Формат 60 x 84 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Печ.л. 13,1 Уч.-изд.л. 12,2
Тираж 500 экз. (1-й завод 1-100 экз.). Заказ 121

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1